

ПОРТРЕТЫ
УЧЕНЫХ
НА ФОНЕ
ВРЕМЕНИ

ОТ МИРА
СЕГО

ПЕРМЬ
2006

ОТ МИРА

СЕГО

ПОРТРЕТЫ УЧЁНЫХ
НА ФОНЕ ВРЕМЕНИ

ПЕРМЬ
2006

VIVANT PROFESSORES!

Составитель

Сергей Федорович Журавлёв

Ответственный за выпуск

Валерий Александрович Шерстнёв, проректор ПГУ

Редактор

Л. П. Сидорова

© Авторы текстов, 2006.

© С. Журавлёв, составление, 2006.

© Е. Филенко, оформление, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ.....	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОТ МИРА СЕГО.....	8
ГЛАВА ВТОРАЯ. АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЧАС	28
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. КАПИТАНСКАЯ ВАХТА.....	42
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ЭТЮДЫ ОПТИМИЗМА	64
ГЛАВА ПЯТАЯ. НА ВСЕ ВРЕМЕНА	88
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРЕОДОЛЕНИЕ	102
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. СВОБОДНЫЙ ИНТЕРЕС	126
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ВЫЗОВ ВЕКА.....	138
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГЛУБОКАЯ РАЗВЕДКА	166
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. НЕСЛУЧАЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК	188
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. КАМЕНЬ ЧИСТОЙ ВОДЫ.....	204
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ТАЙНЫ ЯЗЫКА	218
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. НА ОСТРИЕ МЫСЛИ	252
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ПОТОМОК ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ...	268
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СНЫ	294
ПОСЛЕСЛОВИЕ	319

От автора-составителя

В 2001 году вышла в свет книга «Профессора Пермского государственного университета (1916–2001)». В предисловии ректор ПГУ профессор В. В. Маланин писал: «...не здания, а учёные, профессорский корпус составляют основу университета, формируют его дух и определяют линию его жизни».

К 90-летию университета возникла идея расширить скурые биографические данные о ныне действующих ученых — руководителях научных школ и направлений, «хранителях интеллектуальных и гуманистических традиций общества». Личность университетского профессора — наставника молодого поколения, генератора знаний, идей, поиска приобретает в наши дни особую значимость. Интерес к этим знаковым фигурам в сфере образования и науки не праздный: уже сам их путь к профессиональным высотам, гражданские качества исследователей, вектор их устремлений — дают примеры и ориентиры, так необходимые молодежи.

Цикл очерков, объединенных в эту книгу, не претендует на полноту научных и житейских биографий героев. Это, скорее, штрихи к портретам действительно замечательных наших современников, то, что они готовы сегодня приоткрыть в своей судьбе...

В работе над этими материалами участвовали пермские журналисты Ирина Гилёва, Лидия Мишланова, Екатерина Гаспер, Татьяна Абасова, Владимир Пирожников, Константин Шумов, которым я признателен за помощь. Особая благодарность ректору ПГУ Владимиру Маланину и проректору Валерию Шерстнёву — вдохновителям и организаторам этой работы. А помогли книге выйти в свет сотрудники университетского издательского центра.

...В этой книге есть упоминание о романтической научной идее, связанной с созданием «солнечного паруса», движимого солнечным ветром. И невольно возникает образ ученых, педагогов, которые подобно солнечным парусам, движимым светом знаний, влекут корабль под названием «Пермский государственный университет» — в будущее...

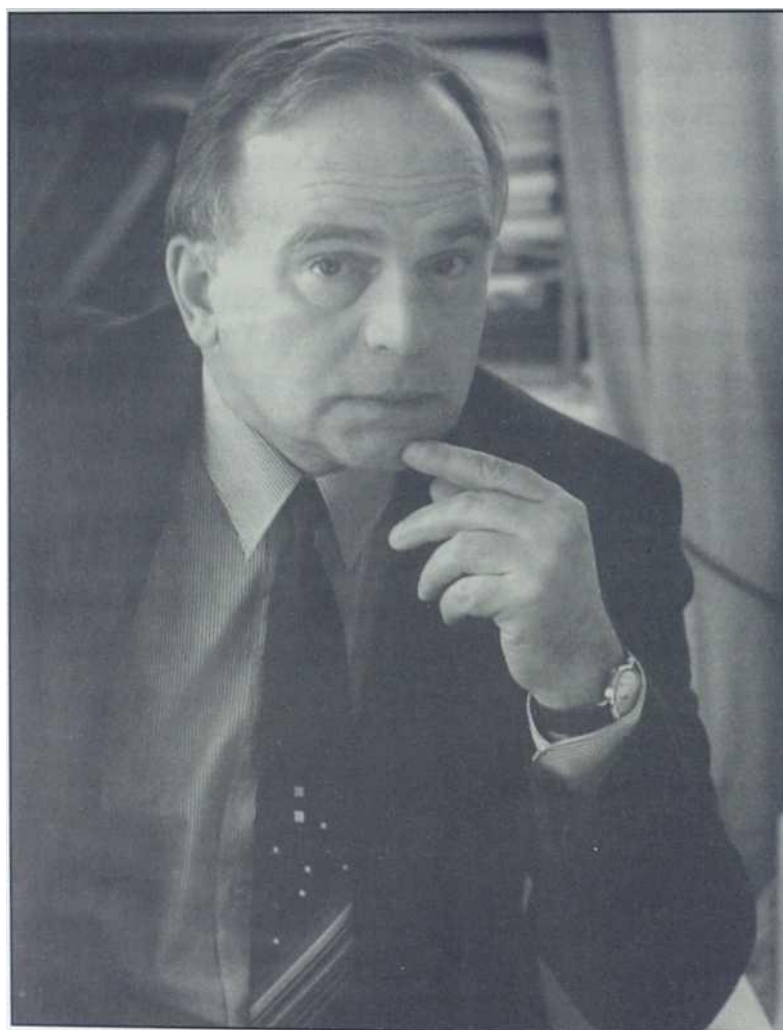
Им и посвящается эта книга.

Сергей ЖУРАВЛЁВ,
Заслуженный работник культуры РФ,
член Союза журналистов России.

VIVANT PROFESSORES!

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОТ МИРА СЕГО

Мы начинаем наш рассказ об университетских профессорах с ученого, имя которого стало знаковым для нашего края, Урала и всей России. Создание академиком Валерием Александровичем Черешневым кафедры в Пермском университете знаменовало собой очень важный этап в развитии вуза, укреплении его связей с академической наукой в новых исторических условиях.

Говорят, что зов времени слышен многим. А вот ответить на него суждено лишь единицам.

Не хочется упрощать причинно-следственные связи, что определяют жизнь и судьбу любого человека, движения его души и сердца, самые важные решения. Но часто даже внешняя канва событий может сказать о многом: Валерий Черешнев мечтал в юности стать журналистом. Отец — офицер, мама — военный врач. Постоянные переезды — от Дальнего Востока до Урала. Пережито послевоенное лихолетье, стала налаживаться жизнь.

И вдруг — беда. От рака умирает в сорок два года отец. Опора семьи. Любимый, самый близкий человек...

Сын осознанно и решительно меняет планы на будущее — поступает в медицинский институт. Закончив его с отличием, столь же твердо выбирает путь в науке — то, связанное с именем выдающегося русского ученого Ильи Мечникова направление, где исследуются и ставятся на службу здоровью человека защитные силы самого организма: Валерий Черешнев становится иммунологом.

...В апреле 2006 года информационные агентства России сообщили, что «в Пермском крае налаживается производство уникального лекарственного средства против рака. Аналогов новому препарату

в мире нет». Авторы открытия — академик Валерий Черешнев и доктор медицинских наук Сергей Родионов.

Этому сенсационному сообщению срочно требовался комментарий самого Валерия Александровича. Но как встретиться пермякам с председателем Уральского научного центра РАН, проживающим после избрания его на эту должность в соседнем Екатеринбурге? Журналистам подсказали, что в конце каждой недели он — в Перми: ведет в Институте экологии и генетики микроорганизмов занятия со студентами биологического факультета Пермского университета.

Встреча состоялась, и в газете «Звезда» появилась публикация, в которой академик, заведующий кафедрой микробиологии и иммунологии ПГУ рассказал о новом лекарственном средстве против раковых заболеваний. А еще — об экологической доктрине России и о том, как в ПГУ готовится «гвардия» для борьбы с опаснейшими угрозами века.

Конечно, прессу интересовал вопрос: что привело Валерия Александровича к преподавательской работе в университете?

— В конце 80-х я перешел из медицинского института на работу в систему академической науки, — рассказал Черешнев. — Довольно быстро ощутил необходимость целенаправленной подготовки кадров для нашей отрасли. Если вспомнить историю, то Пермский университет с самого начала включал в себя медицинский факультет. И в этом был глубокий смысл.

Потом волевым решением Совнаркома он был выделен, как и было по всей стране, в отдельный медицинский институт. Так вот сейчас, кстати, в Москве, Петербурге, Новосибирске идет обратный процесс — медицинские факультеты возвращаются в университетское лоно. Почему?

Несмотря на то что, к примеру, Пермская медицинская академия обладает и прекрасными традициями, и великолепными кадрами, сама система подготовки врачей недостаточно отвечает задачам подготовки современных научных кадров. Сравним в начале 90-х учебные программы мединститута и классического университета,

я наглядно убедился, как сложно в рамках насыщенного процесса подготовки практических медиков давать с первых курсов фундаментальные знания микробиологии, иммунологии, генетики микроорганизмов и вирусов, знакомить с биотехнологиями, как это делается в университете.

Старшие курсы биофака ПГУ — это же почти аспирантура! Подготовка курсовых и дипломных работ здесь — настоящее научное творчество. Плюс — возможность хоть каждый учебный год вводить новые спецкурсы и спецпредметы. В жесткие и очень насыщенные программы подготовки врачей все это не втиснешь. А прекрасно продуманная система классического университета допускает и поощряет подобную динамику обучения...

После пяти лет его преподавательской деятельности в ПГУ и была создана кафедра микробиологии и иммунологии, где сегодня работают пять профессоров, докторов наук. Кафедра в ПГУ — предмет особой заботы Валерия Александровича. Здесь его научная школа иммунологии получила традиционно вузовское воплощение. Именно Школа — это подтверждено, например, грантами министерства.

В направлении микробиологии на кафедре «царит» Ирина Борисовна Ившина: здесь рождаются новые продуценты биологически активных веществ, которые образуются при переработке нефти. Антибиотики, лекарства, кормовой белок и сурфактанты — вещества, меняющие поверхностное натяжение, очень нужные промышленности.

Работы, ведущиеся на кафедре в предъюбилейном 2005 году, получили грантов на полтора миллиона рублей. Ежегодно здесь обучается около тридцати студентов. Причем научно-практической базой являются восемь лабораторий Института экологии и генетики микроорганизмов Уро РАН. В них студенты имеют возможность изучать алканотрофные микроорганизмы, морфологию и ультраструктуры бактерий, биохимию и биоэнергетику микроорганизмов, экологическую генетику и иммунологию.

Ежегодно выпускники кафедры пополняют научные центры Урала. Их ждут в НПО «Биомед», на кафедрах вузов. Успешно влились они и в ЗАО «Институт новых медицинских технологий», где работают 15 молодых кандидатов наук. Здесь, собственно, и подготовили промышленную базу для выпуска в Краснокамске нового средства, получившего название «Профеталь»...

Еще лет десять назад стало известно о пермском препарате, разработанном с целью лечения аутоиммунных и опухолевых заболеваний. Не склонный к сенсациям, Валерий Александрович довольно осторожно говорил о возможностях очищенного белка — альфафетопротеина (АФП) в борьбе с бедствиями века — целой гаммой опасных заболеваний. Белок этот был открыт еще в 1944 году шведским биохимиком Педерсенем. Исследования, проведенные Валерием Черешневым вместе с Сергеем Родионовым — руководителем лаборатории цитокинов, — привели к более глубокому пониманию того, как этот белок влияет на подавление патологических процессов в различного типа клетках. Он выделяется из плацентарной крови женщины: это тонкий регулятор, который возникает в организме развивающегося плода и как бы гасит иммунную систему матери, чтобы она не отторгала плод. Ведь зародыш — это вовсе не идентичный организм в материнском чреве. Известно, например, что при пересадке чужая ткань отторгается. А тут природа позаботилась о механизме защиты, на основе чего и было создано новое лекарственное средство — «Профеталь».

Потребность в этом перспективном иммуномодуляторе очень высока: речь не идет о некоей панацее, но сотни больных уже прошли успешное лечение контрольными партиями этого препарата. Подтвердилась его эффективность при лечении пневмокониозов, инфильтративного туберкулеза легких, ожоговой болезни и ряда других заболеваний.

Впрочем, судьба открытия, как и многих других российских ноу-хау, оказалась весьма не простой в плане реализации. Потому и не спешит академик выдавать авансы:

он хорошо знает бюрократическую систему, что давно укоренилась в России...

Один из своих докладов на президиуме Российской академии наук, он начал такими словами:

— Если сложный многоклеточный организм можно сопоставить с неким подобием государства, то иммунная система в нем является министерством государственной безопасности. Она выполняет функцию пограничного надзора, препятствуя проникновению микробов и других паразитов через биологические барьеры, а в случае проникновения дает им решительный отпор.

При этом полем битвы защитных факторов организма и повреждающих его аггессоров является очаг воспаления. Кроме того, иммунная система осуществляет постоянный надзор за благонадежностью отдельных «граждан государства», безжалостно уничтожая зараженные, мутированные и опухолевые клетки, поддерживая тем самым генетический и в какой-то мере фенотипический гомеостаз организма...

Необычный, но весьма точный образ. Он навеян многолетними размышлениями, начиная с того времени, когда молодой Валерий Черешнев заинтересовался на кафедре патофизиологии Пермского медицинского института фагоцитами, фагоцитарной теорией. Благо в Перми была целая школа, возглавляемая Пешковским, Гордиенко, Цынкаловским (Ростислав Борисович Цынкаловский — учитель Черешнева, его руководитель в аспирантуре) и Каплиным. Причем, первые двое — ученики знаменитого Савченко, который, в свою очередь, учился у Мечникова во Франции, в Пастеровском институте, где трудился тогда наш русский гений, всегда остававшийся, даже вдали от Родины, патриотом и гражданином России. И что может лучше отразить живую связь времен и традиций в науке, чем эта бесконечная, надеемся, эстафета знаний и поиска!

Прежде чем стать директором пермского Института экологии и генетики, Валерий Черешнев возглавлял в Пермской медакадемии проблемную лабораторию неотложных состояний. Это название некоторым образом

символично и для его последующей деятельности в фундаментальной науке. Тематика исследований была закрытой. Сам он исследовал реакции иммунной системы на воздействие ядерного оружия — лучевую болезнь в комбинации с травмой груди.

Фагоцитарная теория о защитных силах организма как бы помогла укреплению его природного оптимизма, веры в силу и возможности человека. Еще аспирантом он занялся изучением ранних классических иммунных реакций, возникающих при попадании в организм чужеродного материала — будь то микроб или ткань. Его интересовали причины, влияющие на скорость и эффективность включения защитных сил организма в комплексе. Очень скоро в этом спектре именно экологический фактор стал главным предметом его научного анализа. В Перми и крае к тому было немало поводов.

Необходимость фундаментальных исследований была для Валерия Александровича обусловлена некоторыми загадками лучевой болезни. Он интенсивно работал в этой достаточно «закрытой» в советские времена области исследований и особенно заинтересовался проблемой возникновения у облученных людей вторичного постлучевого иммунодефицита — недостаточности иммунной системы.

С чем это связано? Какое звено страдает в организме в первую очередь и почему? Только уяснив природу явления, можно было рассчитывать на прогресс в лечении облученных. А их было немало, и трагедия в Чернобыле обострила проблему.

Черешнев основал новое направление в изучении проблемы «Комбинированные радиационные поражения». Он стал заниматься исследованиями на стыке наук — иммунологии и физиологии, изучая взаимодействие иммунной системы с другими физиологическими системами организма.

В свое время его поразили результаты исследований, проводившихся в Перми, Соликамске и других промышленных городах края: лишь у 30 процентов обследованных детей оказались нормальные иммунограммы. А что означает поражение иммунной системы? Опухоль — это

организму, и начинается быстрое деление клеток. Иммуные клетки, выбрасывая лимфотоксин, убивают клетки-мутанты.

Но если поражена иммунная система, лимфоциты не вырабатываются в нужном количестве. Причины поражения чаще всего кроются во вредных промышленных выбросах. Сегодня каждый тысячный россиянин рождается с уродствами, а через 20-30 лет таким может стать каждый двадцатый...

Какой уж нам всадник или ангел вострубил и какая печать открылась, но «великий мор» — страшные неведомые раньше болезни — придвинулся с библейских страниц в сегодняшнее бытие как страшное, но правдивое пророчество. Валерий Черешнев, еще будучи в Перми, опубликовал с соавторами в специализированном журнале статью о причинах возникновения вирусносительства. Опираясь на опыты и гипотезы, ученые стремились доказать, что бездумное применение лекарственных химпрепаратов, неправильная их дозировка убивают собственную микрофлору человека. Уничтожаются микроорганизмы, вырабатывающие необходимые для жизнедеятельности ферменты. Убрав же внутренний источник ферментов, мы резко снижаем защитные силы организма.

«Бактерия — это то, что стоит между макроорганизмом и вирусом. Убери это звено — и они останутся один на один. Бактерии — древнейшая форма жизни на Земле, от которой зависят решительно все биологические процессы. У человека сложился многотысячелетний симбиоз с бактериальной флорой. А вирусы — это с точки зрения эволюции новообразования. XIX век был веком бактериальных инфекций. В XX веке человечество выбило массу болезнетворных бактерий, но вместе с ней бактериального фундамента лишилась вся иммунная система. И если мы этот фундамент ей не вернем, нас может ожидать эпоха вирусных эпидемий», — заявлял ученый Черешнев еще в середине 80-х. Грядет эра вирусносительства, болезней, перед которыми померкнет СПИД.

И приводил примеры, как, вытесняемый из организма в ходе лечения ряда заболеваний стрептококк вынужден был приспособливаться к существованию во внешней среде — прежде всего в стационарах, больницах. Лишенный привычной среды обитания, он мутировал и стал продуцировать лишь фермент, который растворяет живые ткани. И когда он вновь попадает в уже человеческий организм, то начинает растворять подкожную клетчатку и распространяется по организму, съедая ткани. Распространяется очень быстро — порой до десяти сантиметров в сутки.

Единственное пока средство борьбы с ним — срочная ампутация пораженного места. Но и это порой не спасает.

В мире погибли уже тысячи людей. И появления подобных мутантов можно ожидать и дальше. При этом у Валерия Александровича не возникает апокалиптических настроений. «Мутантам» можно и должно противостоять. Опыты доказывают, что они не сильнее по патогенности уже имеющихся собратьев. Даже небольшое количество иммуномодуляторов на фоне витаминного обеспечения организма позволяют справиться практически с любым вирусом. Даже — с вирусом чумы. О чем свидетельствует опыт, накопленный за всю историю человечества.

В общении со студентами Валерий Александрович откровенно говорит об угрозах века, настраивая «молодую гвардию» на серьезное осмысление задач сохранения здоровья человека. Необходимо, например, регулярное восстановление микробного «зеркала» человека — тех 500-600 видов микробов, что живут в организме. (И чему, кстати, помогает молочно-кислые продукты, типа натурального йогурта.) Микроорганизмы вырабатывают весь необходимый спектр ферментов, расщепляющих вирусы, восстанавливающих равновесие, которое веками создавалось в человеческом организме.

Академик не замедлил откликнуться на предложение возглавить работу над созданием Экологической доктрины Российской Федерации. О сути ее Черешнев говорит так:

— Основа основ государственной политики — это знание природных особенностей России и чувство ответственности перед нынешними и будущими поколениями. Работа над доктриной была коллективным творчеством. К ней были привлечены все желающие — от академий до Фонда дикой природы и «зеленых». Нашей целью было выработать документ, где четко, научно обоснованно и доступно была бы выражена позиция нашего государства в области национальной и региональной экологической политики. Это довольно сложная и длительная работа, предварительные итоги которой были представлены на обсуждение заинтересованным организациям. Было много критики, которую разработчики постарались максимально учесть.

Политическая значимость и главная отличительная особенность Экологической доктрины заключается в том, что именно в ней Россия определяет свою ответственность за будущее всей планеты, — подчеркивает Черешнев, получивший благодарность от президента В. В. Путина за проделанную большую и важную работу.

Разделы доктрины посвящены формулированию экологических критериев отраслевой политики и, прежде всего, государственной политики в области здравоохранения, культуры, образования. В основе всей экономической политики должны лежать гарантии защиты здоровья человека и сохранности социоприродных систем.

По мнению Валерия Александровича, разработка доктрины — это прорыв из зоны неопределенности, в которой мы так долго пребывали, шаг к устойчивому и безопасному развитию страны:

— Мы должны показать населению масштаб экологических бедствий, а промышленникам — последствия, вызываемые устаревшими технологиями. Нужен целый ряд законов, которые регулировали бы необходимость и обязательность внедрения безотходных технологий, меняли бы ситуацию, когда недра эксплуатируются разработчиками практически бесплатно, а на восстановление природы тратится ничтожно мало средств. И вообще я считаю, что основная

тяжесть бремени по реализации государственной задачи перевооружения промышленности и охране здоровья населения должна лечь на плечи крупных собственников: вплоть до того, что превысившие ПДК в разы — должны отдавать всю прибыль. Разве это дело, что в такой тяжелой для страны период огромные средства уходят на покупку футбольных команд?!

К сожалению, законодатели очень медленно работают с над принятием законов, крайне необходимых для реализации доктрины. К тому же тревогу вызывает сложившаяся практика, когда и принятые законы не работают. Но произошло сдвигов в оздоровлении населения, ибо состояние окружающей среды не улучшается, особенно с лавинообразным увеличением автомобильного парка п эксплуатацией новыми собственниками давно изношенного промышленного оборудования. То, о чем говорили пять-десять лет назад, и сегодня актуально: изменения в человеческом гено типе могут стать необратимыми. Вектор политической воли в этом направлении стал заметно меняться, но заметных результатов это пока не дало.

Если бы была возможность у писателя или журналиста проследить все перипетии избрания пермяка Валерия Черешнева первым в нашем крае действительным членом Российской академии наук, то, наверное, могла бы получиться почти детективная новелла с захватывающей интригой. В тот год «не прошли в академики» даже такие заметные фигуры, как замминистра обороны Кокошин и ученый-политик Глазьев. Шла достаточно острая борьба. Но академический мир неохотно выставляет на всеобщее обозрение скрытые пружины протекающих внутри него процессов. В этом есть своя логика. И дело, пожалуй, не просто в соблюдении профессиональной этики...

Когда-то, в Средневековье, носителями высшего духовного и нравственного начала выступали «мудрецы» — подвижники глубокого религиозного раздумья, провозвестники и прорицатели — первые интеллектуалы.

Затем неумолимый бег времени и извилистый путь прогресса привел на этот пьедестал ученых. Они уже были ближе к реальной жизни, но определение — «не от мира сего» — перешло и на них, укоренилось в массовом сознании на столетия, как и «башня из слоновой кости» — обиталище чистого Разума, не отягощенного мирскими заботами.

Как бы ни были демократичны и «народны» в основе своей многие поколения славных представителей российской науки, этот слой интеллигенции всегда был окружен для нас неким флером социальной романтики. Способствовала тому в недавней нашей истории почти полная «закрытость» ученых, имевших хоть какое-то отношение к военно-промышленному комплексу (а кто его тогда не имел!?). Да и плюс — наличие таинственных «академгородков» и «ящичков», где, по слухам, наши остепененные небожители «врастали в коммунизм» при наличии постоянного дефицита на товары и услуги для остальной части общества. Ходили легенды о зарплатах и «пайках», дачах и зарубежных поездках научной элиты. Лучшие в городах жилые дома непременно носили названия — «Дом ученых», «Дворянское гнездо»...

Даже внешней привлекательности вполне хватало, чтобы многие родители сил не жалели, выводя отпрысков на научную стезю, обещающую, среди всего прочего, прекрасные житейские перспективы. И обывательская психология «академик — много денег» — тут даже и не виновата: научные кадры действительно, и в большинстве своем по праву, занимали достойное, высокое место в обществе, что подтверждалось сравнительно высокой оплатой их труда. Конкуренция на этом поле всегда была достаточно острой.

Крутой поворот 90-х годов разогнал центробежные силы, отодвинувшие, казалось, науку на обочину. Вот и наш первый академик провёл тогда ближайшие после избрания выходные в трудах особого рода — сажал картошку на шести сотках в заводском кооперативе. Конечно, делал он это не от нужды — директор академического института, заведующий кафедрой в ПГУ, соросовский профессор, активно печатающийся автор многочисленных научных произведений — в материальном плане он

был вполне обеспечен. (Хотя даже этот совокупный доход вряд ли дотягивал до уровня среднего предпринимателя.)

В этом привычном для русского человека занятии — заботе о будущем урожае — академик Черешнев обретал, думается, не гарантии хлеба насущного, а покой и отдохновение от сложной многоступенчатой процедуры только что состоявшихся выборов. При всей очевидности его высокого авторитета как ученого-иммунолога мирового уровня, реальности его научных и организаторских достижений, наличии статуса создателя и руководителя академического Института генетики и селекции микроорганизмов — путь на академический Олимп был для Валерия Александровича весьма не прост.

Несколько лет спустя на студенческой пресс-конференции девушка задала ему вопрос, заставивший аудиторию рассмеяться:

— А как быстрее стать академиком?

— Ну, это у кого как получится, — улыбнулся и Валерий Александрович, — У кого-то, может, и быстро, а у кого-то не очень. Главное — работать, работать, работать... Других рецептов, к сожалению, нет.

По правде говоря, у него были определенные сомнения, когда потом встал вопрос об избрании на пост председателя Уральского отделения РАН. Но перевесило главное — его большое и искреннее желание внести свой вклад в развитие науки на Урале. Она, по его мнению, еще обделена средствами, институтами, инфраструктурой, например, по сравнению с Сибирью.

Развал отраслевой науки — осталось лишь небольшое количество НИИ — как бы переложил на плечи академии и вузов часть тех забот, что решались ею раньше. И это не единственная пореформенная проблема, которая остро воспринимается Валерием Черешневым.

Он уверен, например, что сформировавшуюся в России модель экономики трудно считать прогрессивной, ибо «динамику ее развития определяет узкая группа зависимых от мировой конъюнктуры экспортно-ориентированных сырьевых и топливно-энергетических отраслей.

В стране, — заявил он, выступая на Первом Всероссийском симпозиуме по экономической теории, — делается крайне мало для восстановления разрушенного за годы ультралиберальных реформ промышленного потенциала и более рационального и масштабного использования для его развития ценнейшего национального ресурса — наукоемких технологий... По-видимому, в среднесрочной перспективе ресурсы по-прежнему будут перемещаться в топливные и сырьевые отрасли. Такой экономике не нужны ни фундаментальная наука, ни высококлассное образование...»

— Университет дает мне в общении с молодежью энергию и оптимизм, уверенность в завтрашнем дне нашей науки. Приходят ведь замечательные юноши и девушки, многие из них прекрасно владеют иностранными языками, обладают широкой информированностью, умением пользоваться коммуникационными возможностями нашего века. У них несколько иное мировосприятие, чем у нашего поколения. Но нам вместе предстоит жить и работать...

Правда, академика несколько беспокоит прагматизм так называемого рынка образовательных услуг: выдвигая на первый план языки, экономику, юриспруденцию — то, что может стать основой высокооплачиваемой работы за рубежом, — молодежь ориентируют в сторону от сложных в постижении, но необходимых для развития России дисциплин — физики, математики, химии, биологии...

— Но времена меняются, — отметил он на встрече с прессой еще в апреле 2002 года. — В начале 90-х мы не могли принять в аспирантуру и пяти человек. Институт наш, например, десять лет назад принял всего трех. А к 2000 году принимали уже по пятьдесят аспирантов. И число заявок сегодня превышает во много раз количество мест. Приходят толковые, очень умные ребята. Что же произошло?

Те, кто стремился к бизнесу, давно покинули науку. Приходят те, кто желает обрести себя именно в научном поиске и видит в этом свои жизненные перспективы.

Это очень обнадеживающий момент, дающий иной уровень уверенности в развитии отечественной науки и ее традиций.

К тому же, реальные сложности последних пятнадцати лет закалили многие научные коллективы. Они научились зарабатывать средства, бороться за гранты, выигрывать конкурсы. Помогают и факторы значительно расширившегося международного сотрудничества...

В его родном институте, где обычно проходят занятия со студентами, активно продолжаются исследовательские работы. Молодое поколение может наблюдать и участвовать в широком спектре исследований по бактериям, потенциалу клетки, энергетическим изменениям, которые в ней происходят — работы эти получили уже широкое признание. Здесь есть все время пополняемая коллекция штаммов — уникальное собрание, вызывающее большой интерес ученых в стране и за рубежом. Говорят даже были предложения приобрести ее за большие деньги. Но принцип в институте один — материалами можно обмениваться — приезжайте, изучайте, пользуйтесь. Но наше — полторы тысячи штаммов — останется в Перми!

Эффективно работает лаборатория иммунологии, куда ходят на практику студенты. Борис Аркадьевич Бахметьев разрабатывает здесь пионерное для российской науки направление — создание иммуномодуляторов для детей

Получены в искусственных условиях вещества, которые сами микроорганизмы вырабатывают друг против друга. В частности, стафилококк. Изучается возможность его применения против патогенных белков. В институт приходят патенты на изобретения.

А самому Черешневу организационные заботы на высоком посту не мешают творить?

— Сам не ожидал, — говорит он, — что буду так интенсивно заниматься наукой в этих условиях. Но через аспирантов, докторантов — в совместных экспериментах, анализе, спорах, сопоставлениях — рождаются идеи,

они становятся опытами, те — результатами, выходят монографии, книги, статьи.

Он работает «на себя», на науку и в выходные дни, которые считает наиболее подходящими для интенсивного научного творчества. Вот и свежая работа, выходящая в 2006 году, — монография «Экология человека в меняющемся мире» делалась именно так.

Академия наук... Валерий Александрович, готовя доклад к 275-летию Российской академии наук, глубоко заинтересовался ее историей и местом, которое она заняла в строительстве российского государства. Он привел слова М. В. Ломоносова: «Университет — Друг, более того — единокровный брат Академии наук, который составляет с ней единую плоть и будет заодно с ней трудиться на пользу Отечеству... При Университете необходимо должна быть Гимназия, без которой Университет, как пашня без семян». Его особенно занимает то время, когда академия «пошла на Восток» — и на Урале, в Перми был создан первый в истории филиал столичного университета — Пермский. Это был форпост движения на восток, где в то время только в Томске был вуз. Приехали и великие ученые — пример для нынешней академической гвардии. И полные ординарные профессора, получавшие здесь достойную зарплату, квартиру и кабинет в университете. «В 1921 году при университете создается биологический научный институт. И тогда же на Западном Урале формируется первое академическое научное учреждение — Кунгурский стационар на базе ледяной пещеры. Правда, далее последовал полувековой перерыв, на протяжении которого пермская наука развивалась преимущественно в рамках вузов и отраслевых институтов».

В 1971 году в Перми была открыта группа академических учреждений, и они сразу оказались довольно тесно связанными с вузами. Подготовка научной смены, по мнению Черешнева, должна начинаться со студенческой и даже со школьной скамьи. Институты возглавляемого им Отделения РАН взаимодействуют с вузами Урала в рамках программы интеграции высшего образования

и фундаментальной науки, а также по другим направлениям, включающим совместные научные исследования и экспедиции, организацию научно-образовательных центров, филиалов кафедр, вузовско-академических лабораторий, участие в педагогическом процессе — чтение лекций, руководство аспирантами, выполнением курсовых и дипломных проектов, создание условий для закрепления молодежи в сфере науки и образования, инновационная деятельность, формирование единых баз знаний и развитие информационных технологий...

А недавно Пермь помогла создать в Екатеринбурге филиал Института экологии и генетики микроорганизмов, выделившийся в 2003 году в самостоятельный Институт иммунологии и физиологии. Это вполне можно рассматривать как своеобразное продолжение петроградско-пермского опыта начала прошлого века: создали филиал — и никаких тебе согласований с правительством, министерствами! Два института — два его детища. И в Екатеринбурге у Черешнева тоже есть небольшая группа студентов.

Он говорит своим ученикам:

— Постарайтесь реально определить свои способности и возможности. Талант есть у каждого — есть возможность стать прекрасным врачом, автомехаником — кем угодно, лишь бы это было ваше... На Урале всегда ценили мастеров и хорошо знают, что мастера бывают хорошие, бывают лучшие, а бывают такие, каких больше не бывает. Почувствуйте себя — и делайте, что должно! И помните, что самый главный критерий — это общественная польза.

У человека, я считаю, есть три главных потребности: познавать, жить, утверждать себя в обществе. Надо ставить перед собой высокие и разумные цели. Если действуешь адекватно — будет результат.

Неприменно определите очень важным для себя фактор здоровья — зачем, например, курить, злоупотреблять алкоголем?..

— Здоровье человека и населения — показатель благополучия нации, — сказал Валерий Александрович,

выступая в 2004 году на общественном форуме «Человек. Здоровье. Общество». — В ближайшем будущем будет создана персонифицированная медицина, принцип которой — каждому больному свое лекарство в нужное время, в нужной дозе. Но главное в новой политике — это сохранение здоровья здорового человека.

Академик с особой озабоченностью размышляет о проблеме качества жизни, о негативных последствиях непродуманных реформ, низком уровне биологической безопасности в нашей стране, неверном, на его взгляд, подходе к профилактике и медицинскому страхованию, которые должны быть ориентированы в большей степени на укрепление здоровья, а не только борьбу с болезнями. Чему и он посвятил годы своей жизни.

К нему нередко обращаются за помощью. Приходят с бедой, видя в академике последнюю надежду. И ему трудно объяснять, что иммуномодуляторы хороши как профилактическое средство, но в лечении очень запущенной болезни одни они помочь не могут.

— Многие не сомневаются, что XX век был веком физики. Но большинство мировых экспертов говорят, что XXI век будет веком биологии, веком биотехнологий, — считает он, укрепляя веру своих студентов в то, что они пришли служить «царице наук».

В газете «Наука Урала» после проведения в 1998 году международной конференции «Проблемы загрязнения окружающей среды» было опубликовано интервью. Корреспондент спросила Валерия Александровича, тогда директора института:

— На конференции много молодежи... Вашего лауреата молодежного Демидовского гранта М. С. Куюкину никто не называет иначе чем Машенька. Про работы самого молодого доктора наук С. В. Ширшева мне рассказывали несколько человек, уважительно отзывались о деятельности С. А. Мирошниченко... Такое ощущение, что вы дорожите своими молодыми сотрудниками, опекаете их?

— В нашем институте пять совместных с вузами кафедр. Мы понимаем, что если не будет молодежи, то через пять-семь лет институт можно будет закрывать.

Без постоянного поступления новых, молодых сотрудников нельзя. А что такое молодежь? Все вместе они составляют очень мощный генератор идей — вечный двигатель. Ни одного доктора наук со стороны мы не взяли, за последние годы вырастили десять своих...

Размышляя о том, какие принципы образования ему хотелось бы использовать в университетах, — Черешнев сказал:

— Принцип мобильности прежде всего. В Луисвилле практически раз в два-три года возникает новая кафедра или новый лекционный курс, а отслужившие закрываются. Вот сейчас, например, актуальны вопросы происхождения прионов. Прионы — это предвирусная форма. Скажем, заболевание мозга у крупного рогатого скота, бешенство — ему виной прионы. Раньше думали, что вирусы — самая мельчайшая неклеточная форма, вызывающая болезни растений, человеку, животных. А, оказывается, есть еще прионы. Они не имеют ни ДНК, ни РНК — чисто белковые структуры, но делятся и передают заболевание. Сейчас думают, что и у человека многие синдромы, которые относили к вирусным, например синдром хронической усталости, также вызываются прионами. Трудно выделить эти мельчайшие структуры и методики их выделения в массовом масштабе еще не разработаны. Американцы за это берутся и сразу создают курс прионов при кафедре иммунологии в Луисвилльском университете. И настолько это мобильно в университетах! А именно там сосредоточена вся наука США. Есть Национальная академия наук, но это чисто общественная организация.

У Валерия Александровича жена — врач. Профессор-офтальмолог. Сын закончил университет, кандидат экономических наук. Дочь — врач, доктор медицинских наук. Можно сказать — вполне «академическая семья». А сам академик, например, всерьез увлекался йогой — скорее упражнениями, чем философией. Но коллеги удивлялись, видя, как он в гостиничном номере стоит на голове.

«Позанимаешься дыханием минут тридцать — глядишь, раздышался, разогрелся для работы».

В начале XXI века в одном из интервью его спросили:

— Вы человек быстрой реакции? Любите скорость?

— Да, и все, что с ней связано. Вожу машину, например, на дальние расстояния.

— Что прежде всего требует скоростного решения от академической науки?

— На полной скорости ворваться в высшую школу, — ответил академик.

Валерий Александрович ЧЕРЕШНЕВ.

Родился 24 октября 1944 года в г. Хабаровске. Учился в г. Соликамске. Окончил Пермский медицинский институт.

Председатель Уральского отделения РАН.

Академик Российской академии наук, Российской академии медицинских наук. Доктор медицинских наук, профессор.

Заведующий кафедрой Пермского государственного университета.

VIVANT PROFESSORES!

ГЛАВА ВТОРАЯ.
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЧАС

Знакомьтесь: Валерий Павлович Матвеев — академик Российской академии наук, директор Института механики сплошных сред Уральского отделения РАН. Зачем он взял на себя непростую ношу преподавания в ПГУ — об этом речь дальше.

Просто представим себя в аудитории, где можно задать Валерию Павловичу любые вопросы. Но — не в рамках читаемого им курса. Право, полезно иногда порасспросить ученого не только о предмете научных исследований, но и о том, что определило его жизненный путь...

Оканчивая школу, многие уже достаточно точно представляют себе, какую бы специальность они хотели получить.

У меня складывалось несколько по-иному: я определил себе скорее условие, чем профессию. На пороге самостоятельной жизни выбор имеет очень важное значение. И мне хотелось не просто получить какую-то специальность, а обрести перспективу, связанную с поисками нового, с исследовательской работой. Было стремление «заглянуть за горизонт», открыть что-то свое. Причем конкретную специальность я еще себе отчетливо не представлял. Книги Беляева, Жюль Верна, редкие тогда сборники современных зарубежных фантастов влекли к астрономии, географии, изобретательству. Одно время появилось желание стать ихтиологом. Но не столько ради изучения водной фауны, сколько ради путешествий, морской романтики...

Есть особая прелесть в этих юношеских мечтах, когда весь мир кажется неизвестной землей, ждущей тебя — первооткрывателя. С этими, не очень деловыми и конкретными мыслями и бродил он по Перми тем прохладным июлем 1966 года.

Прошел в раздумьях и по университетской аллее, почему-то особенно манившей к себе. Но, конечно, тогда и в мыслях не было, что, спустя годы, он придет сюда ученым, преподавателем,

с идеей создать в Перми надежный мостик между классическим университетом и академическим институтом. А в более широком плане — протянуть новые нити связывающие вузовскую и академическую науки.

— Тогдашние мои «прогулки» по приемным комиссиям кончились на Октябрьской площади, перед плакатом, скромно пропагандирующем новую специальность — «Динамика и прочность машин». В нем не было ничего необычного, кроме одной фразы о том, что выпускники ДПМ будут заниматься исследовательской работой — очень интересной и неординарной. Причем в контексте «авиации и ракетостроения», что не могло не привлечь нас, молодых, в раннюю эпоху «освоения космическом) пространства»...

Впрочем, решающим фактором, определившим тогда мой выбор, стало предложение встретиться с руководителем кафедры.

Это был Александр Александрович Поздеев.

Помню, на сцену вышел молодой человек. Представился: «Доктор наук, профессор...» И сказал несколько очень важных слов, по сути, дал очень привлекательную целевую установку на перспективу: вы будете не просто учиться, вы станете исследователями!

Отличительной особенностью кафедры было то, что Сан Санычу, как все его называли, удалось так организовать программу обучения, что в ней сочетался «университетский» объем фундаментальных дисциплин — математики, механики, физики... — с выверенным объемом традиционных для технического вуза инженерных дисциплин. По существу, в стенах пермского политеха был тогда реализован сценарий обучения в МИФИ. Оценивать этот результат по прошествии достаточно большого времени, необходимо отметить, что реализовать свои идеи А. А. Поздееву удалось благодаря поддержке М. Н. Дедюкина — тогдашнего ректора политеха.

Реальное сотрудничество с классическим университетом возникло у меня в 90-х годах.

Я уже имел опыт преподавательской работы в техническом университете, в том числе на родной кафедре ДПМ. К этому времени был уже накоплен и опыт научной, научно-административной работы: я в полной мере ощутил, что будущее академической науки, а значит, и нашего института зависит от притока талантливой молодежи. При этом стало очевидно, что решение этой задачи невозможно без нашего участия в образовательном процессе, без наших прямых контактов со студентами.

В то время ПГУ активно создавал филиалы кафедр, в том числе и на базе академических институтов. Это являлось одним из элементов политики ректора В. В. Маланина по реальной кооперации университета с академическими учреждениями. Владимир Владимирович пригласил к сотрудничеству директора Института генетики и селекции микроорганизмов академика Валерия Черешнева, «завлек» химиков, и даже такой коренной «политеховец», как бывший декан горного факультета, директор Горного института УрО РАН Аркадий Красноштейн, стал заведовать кафедрой в классическом университете...

Одним из первых сформировался филиал кафедры механики сплошных сред на базе нашего института. Мне как директору пришлось позаботиться о том, чтобы студенты старших курсов могли в определенные дни учиться и работать в стенах ИМСС. Думаю, студентам, несколько лет занимавшимся в филиале, было интересно и полезно войти в атмосферу научного творчества. Современное оборудование, культура исследовательского процесса, иной уровень требований и само знакомство с работниками института — «пересечение с иным множеством», надеюсь, благотворно повлияло на становление ребят.

Они увидели не просто «территорию» в сосновом бору, но влились в творческий коллектив, им открылись вполне реальные перспективы. А это немало в наши дни. Мой замечательный коллега — профессор И. Н. Шардаков, возглавляя филиал, вложил немало сил и инициатив в его формирование и деятельность. А мне ректор ПГУ В. В. Маланин предложил новую кафедру на механико-математическом факультете. При этом предложение было подано так, что никаких путей к отступлению не было. Да я и не искал отговорки, понимая, что нужно

искать новые формы сотрудничества академических учреждений и вузов: от разговоров об интеграции и кооперации в развитии науки и подготовке кадров надо же было переходить к конкретным шагам. Я понимал, что у меня как у директора есть еще и административный ресурс — неплохая подмога в новом деле.

На новой кафедре была обкатана идея специализации по механике на базе специальности «прикладная математика». Такой вариант представляется перспективным, так как во многих конструкторских бюро, проектных институтах и т. д. в настоящее время требуются специалисты по механике, умеющие работать со специальными программными комплексами. А вскоре поступило предложение слить кафедру механики сплошных сред и нашу молодую кафедру в единое целое...

Рассуждая о будущем кафедры, необходимо заметить, что в образовании, как и в других сферах человеческой деятельности, существует мода. Есть специальности «модные» и «немодные». Было время, когда была мода на физиков. Сейчас в моде юристы, экономисты, менеджеры и т. д. И это закономерно, так как мода отражает исторические особенности общества. Однако здесь надо заметить следующее. Мода — явление достаточно скоротечное. Мода приходит и уходит, оставляя после ухода пространство, которое должно быть заполнено. Я верю, что наступят времена, и очень скоро, когда наша промышленность будет развиваться высокими темпами и будет конкурентоспособна на рынке высоких технологий.

Не может страна, внесшая гигантский вклад в мировую сокровищницу науки и искусства, позиционироваться в мире только как страна, поставляющая энергоресурсы. С оживлением промышленности появится спрос или «мода» на физиков, математиков, механиков, химиков и т. д. Уже сегодня имеет место ситуация, когда на предприятиях средний возраст исследователей, конструкторов, инженеров — в районе 60 лет. И я говорю своим студентам: «Коллеги, у вас уникальные возможности. Учитесь, дерзайте и делайте карьеру! Поле для реализации амбиций совершенно уникальное».

Прекрасной иллюстрацией возрастающей привлекательности специальностей естественно-научного профиля

является научно-образовательный центр «Неравновесные переходы в сплошных средах», который был создан в 2002 году, и руководство которым моими коллегами было возложено на меня.

О центре стоит сказать особо. В 2001 году Американским фондом гражданских исследований и развития и Министерством образования РФ был объявлен проект создания на конкурсной основе 16 научно-образовательных центров. В конкурсе могли участвовать все вузы страны, и нетрудно представить, каким было соперничество.

Владимир Владимирович Маланин выступил с идеей совместного проекта университета и Института механики сплошных сред. В результате кооперации и родился проект «Неравновесные переходы в сплошных средах», который был поддержан российскими и американскими экспертами. Необходимо заметить, что появление такого проекта в Перми является не случайным, так как пермские научные школы по различным разделам механики сплошных сред признаны как в России, так и за рубежом.

Очень важно, что в рамках центра по его тематике объединились ведущие ученые университета и института. Нацеленность на новые результаты участников центра, новые организационные формы, достаточно хорошее по российским меркам финансирование позволили достичь новых результатов в области науки и образования. Преобразились производственные площади кафедр, входящих в состав Центра. Приобретены уникальное научное оборудование, вычислительная техника, которые эксплуатируются в режиме центров коллективного пользования. И, пожалуй, главное: наличие центра позволило реализовать разностороннюю программу финансовой поддержки студентов, аспирантов и молодых ученых.

Зададим Валерию Павловичу еще вопрос: что такое для него сегодня университет. Какое будущее видится ему?

— Классический университет — это сплав современной науки и образования. Без опоры на современную науку образование не может быть полноценным. А без притока молодежи исчезнут научные школы. Эта простая истина и определяет для меня значение университета. Будущее у университета, я подчеркиваю, университета, а не учебного заведения, выдающего дипломы о

высшем образовании, может быть лишь в следующей связке. Ключевые кафедры университета должны являть собой научные школы, известные, по крайней мере, за пределами Перми. Решение этой задачи невозможно без притока способной молодежи, чтобы не прервалась связь поколений в науке. И как бы ни было сложно, а порой и не результативно, но нужно больше работать с молодежью, используя имеющиеся возможности.

Нам есть что рассказать, показать, а порой и подсказать при выборе жизненного пути. Конечно, в первую очередь о профессии и о той науке, которой мы занимаемся. Есть науки, о которых начать рассказывать просто, хотя бы потому, что есть понятия, известные всем. Например, можно сказать, что я, мол, астроном. И нет необходимости давать дополнительные пояснения. Все понимают: это специалист, изучающий различные космические объекты. А вот скажи, что я механик, — и вполне может быть ситуация, когда тебя пригласят... починить какую-нибудь машину. А если еще скажешь, что работаешь в области механики сплошных сред, то будь готов сразу к разъяснениям того, а что такое сплошная среда.

А наука эта удивительная и в то же время сложная Наука, изучающая множество объектов и явлений в о окружающем нас мире. Область моих научных интересы включает ряд разделов этой науки. Например, математическое моделирование явлений, определяющих прочность, надежность, колебания, устойчивость различных машин, конструкций и сооружений. Другое направление связано с исследованием традиционных материалов и созданием новых материалов. Эта проблема комплексная. В ней есть место физикам, химикам и нам, механикам. Разве это не удивительная область — создавать новые материалы, в том числе умные конструкционные материалы, подобные живой ткани. Такие материалы меняют свои свойства и параметры в зависимости от поставленной человеком цели.

Читая специальные курсы своим студентам, я всегда пытаюсь их вовлечь в проблемы нашей науки и продемонстрировать ее возможности в различных сферах человеческой деятельности. А когда это уместно и необходимо,

порассуждать со студентами о смысле жизни. Естественно, что я при этом пропагандирую свои ценности...

...Вот примерно таким мог быть «академический час» общения с академиком Матвеевко, о котором один коллега как-то шутливо сказал: «Штучный товар! — И добавил: — Любой профессор — это идея, данная нам в ощущениях...» Над этой загадочной фразой, помнится, мы глубоко задумались и решили, что академик — это еще более «ощутимо».

Да, число академиков и членов-корреспондентов РАН ограничено, и на выборы влияют многие факторы. Главные среди них, как уже говорилось в главе о В. А. Черешнев, имя в науке, наличие определенных научных и организационных заслуг. Валерий Павлович на выборах в академию прошел много стадий. Самый волнующий этап — ученый совет института. В режиме закрытого голосования свой вердикт должны были вынести люди, хорошо знающие кандидата. Потенциальная возможность неудачи существует всегда. Особо благодарен он за поддержку коллегам.

Триста лет существования Российской академии наук доказали жизнеспособность этой структуры, которую пытаются, но не могут разрушить. Даже в годы Великой Отечественной войны академия развивалась бурными темпами. Понимали значение науки для страны! Конечно, нужен приток молодых талантов — крупных исследователей и организаторов. Тем более что интерес к науке в обществе заметно повысился. Но, по мнению Валерия Павловича, есть и негативные моменты. В средствах массовой информации наука, как правило, освещается в форме сенсационных сообщений, зачастую граничащих с лженаукой. Особенно неприятно такое явление, как девальвация научных степеней и званий, когда люди, не получившие каких-либо научных результатов, обзаводятся различными «академическими» дипломами.

В отношении Российской академии наук негативные моменты раздуваются до всеобщих закономерностей и выводов о необходимости ликвидации РАН. Еще одно любимое занятие псевдореформаторов — ставить в пример другие страны.

При этом картина организации науки в той или иной стране берется в не целом, а выдергиваются отдельные факты. Здесь стоит привести цитату из одной книги, описывающей инновационный бум Японии: «Инновации имеют успех при наличии единства науки, бизнеса и власти».

Председатель Президиума Пермского научного центра УрО РАН В. П. Матвеев считает, что пермское академическое сообщество находится в достаточно благоприятных условиях. Порой даже лучших, чем в столице!

Валерий Павлович сделал парадоксальный вывод: где много капитала — меньше стремление молодежи к науке: очевидно, больше возможностей реализоваться в других областях. Да и найти, скажем, лаборанта или ассистента с зарплатой в три-четыре тысячи рублей в Сыктывкаре проще, в Перми уже немного сложнее, а в Москве — просто невозможно. Может, поэтому на Западе крупные научные центры, как правило, в больших городах не размещаются. Им комфортней в провинции Но он не считает нашу пермскую науку провинциальной наука или есть, или ее нет.

Его институт сегодня находится на переднем крае науки. В 60-70-х годах прошлого века студенты мечтали об аспирантуре, стремились туда. Сейчас таких, которые целенаправленно шли бы в академическую науку и при этом соответствовали бы требованиям времени, буквально единицы, и приходится прилагать немалые усилия чтобы их было больше.

Поэтому академики и пошли в университет.

— Как правило, наибольшего успеха здесь можно до биться только за счет индивидуальной работы, — говорит Валерий Павлович, — и я перед сотрудниками института ставлю задачу: если ты кандидат наук, ты должен вести работу с одним-двумя студентами, курировать их курсовые, дипломные работы. Надо «подхватывать» за счет этого потенциально необходимые нам кадры, пропустить через сито общения как можно больше студентов...

В том же Научно-образовательном центре существует система грантов — весьма привлекательная для молодёжи. Иных институт просто берет на работу по совместительству. Они начинают понимать в этой атмосфере,

что свобода научного творчества тоже чего-то стоит. И немало! Молодые исследователи должны усвоить простую вещь: придя в «фирму», они столкнутся с тем, что, чем выше будет подниматься планка их зарплаты, тем больше ограничений будет возникать в их деятельности.

В Пермском университете Валерий Павлович читает ряд спецкурсов. И старается построить лекции в жанре мини-пьес. Например, рассматривая сугубо теоретическую задачу по теории упругости, приводящую к сингулярным решениям, он не останавливается только на этой задаче, а продлевает цепочку рассуждений, вплоть до прикладных результатов, приводящих, в частности, к объяснению известного опытного факта, почему трещину на лобовом стекле автомобиля можно остановить, просверлив в кончике трещины отверстие.

Особый «сюжет»: какие проблемы НЕ РЕШЕНЫ в той или иной области? И какие нестандартные приемы стоило бы применить для их решения.

— Когда рассказываю студентам о колебаниях механических систем, привожу примеры из наших работ по гашению нежелательных колебаний в ракетных двигателях на твердом топливе, или мы анализируем, что изменилось в динамике Камского автомобильного моста после его реконструкции.

Механика, по словам академика Матвеевко, «наука хоть и элитная, но сателлитная», как бы обслуживающая другие научно-технические сферы. Механики, к примеру, не проектируют самолеты, но и он без них не взлетит. Высокая ответственность исследователя обуславливается уже тем, что после теоретиков результаты обычно не пересчитывают. Но уж если обнаружится ошибка!..

Вообще, поделился как-то Валерий Павлович, современная молодежь находится, увы, не в самой благоприятной общественно-информационной среде, которая приводит в итоге к упрощенному, прагматичному взгляду и на научное творчество. Что греха таить, многие перспективные ребята смотрят на свое будущее лишь через призму некоего материального благополучия. Отсюда — ограниченность, утилитарный подход, безынициативность.

— Редко встретишь теперь у учеников стремление выйти за рамки поставленной задачи, — огорчается академик. — Не могу этого понять и принять, так как сам всегда старался расширять рамки поиска, не заниматься одной только задачей.

— В ученом должен быть заложен «элемент мечтательности», — считает академик. — Он закладывается добротной литературой и музыкой. Фантастика к примеру, будит воображение и пробуждает способности к выдвижению новых нестандартных идей. Произведения некоторых фантастов я знал наизусть...

В. П. Матвеевко любит приводить сюжеты из этих произведений. Например, собрали команду «головастиков», показывают секретный фильм о достижении противника, создавшего аннигиляционный двигатель. Вы видите, — говорят, — летает! А вы что же?!» «Головастики» обиделись и сделали через некоторое время движок. И только тут им сказали, что на самом деле демонстрировали монтаж, чтобы снять у исследователей ощущение порога, предела возможностей. Ведь если кто-то смог, то сможете и вы!.. Надо верить в себя.

А успех, звания и награды — дело наживное...

Касаясь проблем нынешнего университетского образования, Валерий Павлович высказывает особую обеспокоенность состоянием дел на базовых кафедрах. Кафедра: математики, общей физики, химии, которые, собственно и определяют фундаментальность образования, трудновато вписаться в рыночную экономику «образовательных услуг». И явно не идет на пользу делу, когда их стремятся сделать выпускающими кафедрами, пристегивают какие-то «модные» определения. И если сегодня кафедры с трудом находят ассистентов, значит, нарушается процесс воспроизводства специалистов высшей квалификации по данному направлению. Профессор, по глубокому убеждению Валерия Павловича, не должен вести лабораторные работы. Его задача — блестящими лекциями будоражить умы студентов, «нагружать» их глубокими знаниями научить методике научного творчества.

Матвеевко вспоминает, что однажды, беседуя с профессором из Китая, узнал от него, что обычная нагрузка лектора составляет там 1-2 занятия в неделю.

Стоит сравнить с нагрузками наших профессоров! Ведь к каждой лекции надо готовиться особо, чтобы это был не штатный курс, повторяемый стандартно из года в год, а творческое осмысление научного материала с точки зрения современного уровня достижений теории и практики.

...Совсем недавно в Перми было семь вузов. Нынешнее число учреждений, выдающих дипломы о высшем образовании, превысило два десятка. Населения не прибавилось между прочим. Потеря качества восполняется количеством. Мода на диплом — не худшая, впрочем, из мод — приводит зачастую к девальвации вузовского образования. И противостоять этому может, к примеру, только незыблемый авторитет классического университета — как некоего эталона, точки отсчета, образца качественного образования. Хотя бы в данном регионе...

Размышляя о проблемах селекции кадров, академик высказал парадоксальную мысль:

— Соберите сто талантливых исследователей. Нагрузите их работой и спустя какое-то время обнаружите, что одна треть из них работают эффективно, а остальные — так себе...

Уберите эти две трети. Пройдет время, и вы обнаружите, что пропорции сохранились — эффективно творит лишь одна треть оставшихся...

Задача управления в науке — чтобы «балласт» работал более эффективно. Чтобы в него переходило как можно меньше исследователей. Чтобы в аспирантуру шли не те, кто желает лишь откосить от армии, а люди, прошедшие проверку на ген творчества, готовые и в будущем проходить достаточно суровые аттестации. И очень жаль терять способных людей, на которых рассчитывал. Было время, из науки побежали «по семейным обстоятельствам»: надо было зарабатывать на более- менее приемлемый уровень жизни. Матвеев радуется, что некоторые из ушедших и уехавших в свое время начинают возвращаться...

Его работа в университете имеет очень важную для академика грань:

— В общении со студентами многое переосмысливаешь, по-другому смотришь на привычные свои дела: зачем они, чего стоят, насколько перспективны и нужны.

Возникают новые идеи. И даже привычные формулы как бы выводятся заново. А придумать каждому задачу — это ведь серьезный и важный поиск для тебя тоже. С каждым выпускником, с каждым аспирантом и кандидатом, будучи руководителем, защищаешься вновь и вновь. А если кандидатов — десяток? Значит десять раз подтверждаешь свою квалификацию и определяешь уровень собственного потенциала: сколько ещё ты способен вложить в учеников...

Во время ознакомительных поездок в зарубежные университеты больше всего запомнилось и поразило Валерия Павловича, как заботливо хранят там свои традиции, как знают и берегут свою историю! Сам он всегда считал: тот, кто не помнит родства своего, — не совсем человек.

Поразил, например, Краковский университет. Там не перестраивали старые стены, и они хранят аромат эпох. Удивил своей необычностью университет в Сингапуре: на нашем фоне все там выглядит безумной роскошью — парки, газоны, ажурные мостики. Прекрасно оборудованные аудитории и лаборатории, строгая форма одежды у студентов.

Да и у нас, в России, есть чем восхититься и чему порадоваться. Побывал Валерий Павлович в Санкт-Петербургской Горной академии: поразили богатые интерьеры величественного здания, оснащённость вуза. Видно, не обошлось без очень состоятельных спонсоров...

Он всегда гордился своей родиной — центром угольной промышленности Кизелом. Его шахтерской надежностью. Футбольной командой. Трамплином и крутыми горами, с которых лихо скатывался, пока руку не сломал...

Это был привычный ему мир. Тогда еще не пришедший в полный упадок с ликвидацией шахт.

После 8-го класса родители переехали в Березники. В районе, где они поселились, была своя школа. Но отец привел его к Василию Андреевичу Занину — директору первой Березниковской школы имени Пушкина. Невысокого роста, весь седой, Василий Андреевич очень любил ребят, которые отличную учебу совмещали со спортом. Поглядел на удавшегося росточком новичка:

— Возьму. У нас баскетбольная команда слабовата...

Так он попал в удивительную школу, где каждый учитель был личностью. Бывшая фронтовичка учительница математики Вера Трофимовна Морская «напрягала» их конкурсными задачами Московского университета. Высокие требования предъявляли и другие педагоги.

Отличник из Кизела поначалу сел на «тройки». Но тут взыграло самолюбие и ответственность перед родителями, старавшимися дать ему все, что могли. И он догнал одноклассников. Их выпуск 1966 года (а выпускали в тот год сразу 10-е и 11-е классы) отметился в истории школы тем, что из 28 выпускников 25 успешно поступили в вузы. Среди них уже были мастера спорта, чемпионы области и города...

Они пообещали не забывать друг друга, писать, обязательно встречаться в Березниках.

А спустя всего лишь месяц, многие встретились в Перми: их приняла большая студенческая семья, и синенький студбилет стал для многих из них и пропуском в большую науку.

Для Валерия Павловича Матвеевко это первое скромное удостоверение стало предвестником Диплома действительного члена Российской Академии наук.

Как говорили древние мудрецы, самый дальний путь начинается с первого шага...

Валерий Павлович МАТВЕЕНКО.

Родился 9 февраля 1948 года.

**Выпускник Пермского политехнического института.
Академик РАН. Председатель президиума Пермского научного
центра Уральского отделения РАН.**

VIVANT PROFESORES!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.
КАПИТАНСКАЯ ВАХТА

Самая трудная вахта на корабле — предутренняя. Это бессонное время для капитана, лично ответственного за команду, пассажиров и само судно. Только он знает, как бывает нелегко идти в сумерках и тумане навстречу рассвету. Порой ему приходится принимать очень сложные, но необходимые решения, чтобы не сбиться с курса...

Валерий Павлович Бегишев пришел на «капитанский мостик» ЕНИ в год, печально ознаменованный трагическими событиями в Москве: в октябре 93-го был расстрелян Белый дом и тем самым похоронена вера в нормальный ход реформ. «Приписанному» к государственной «гавани» Естественнонаучному институту предстояло трудное плавание в бурном океане перемен...

Всякое сравнение хромает, но еще двадцать лет назад, работая над книгой к 70-летию ПГУ, главу об ЕНИ мы с тогдашним ректором Виктором Петровичем Живописцевым назвали «Корабль науки». Тогда старый особнячок института не был соединен переходным «мостиком» с главным университетским зданием. Но связь их, однако, была абсолютно неразрывной и органичной.

Еще в июле 1921 года было принято положение о создании НИИ при вузах. Вот тогда в Пермском государственном университете родилось «особое подразделение» — Естественно-научный институт. Одним из его провозвестников был профессор А. Г. Генкель, который начал изучение фитопланктона Камы и этим заложил основы изучения в Пермском крае проблем экологии. В течение двадцати последующих ЕНИ был известен в научном мире как Биологический научно-исследовательский институт.

Правда, в годы Великой Отечественной войны институт приостановил свою деятельность, а возродился уже в победном 1945-м под тем самым названием, которое носит и по сей день.

С самого начала здесь работали выдающиеся ученые: профессор Заварзин, который был первым директором; профессор Вериго — ученик Сеченова и Павлова; работали Федотов, Рихтер, Беклемишев. Многие перспективные исследования природы Западного Урала были начаты впервые именно учеными Естественно-научного института.

Здесь проводились гидробиологические обследования водоёмов Прикамья, исследования по проблемам экологии, совершенно новой для того времени науки; изучались степные почвы Зауралья. Профессором Никитиным в своё время была организована научная экспедиция по изучению степных почв, после чего в 1927 году был создан Троицкий заказник. Для проведения естественнонаучных исследований имелась и опытная база — Камская биостанция, основанная в 1917 году.

Не раз отмечалось, что в истории университета были моменты, когда именно Естественно-научный институт становился главным хранителем и продолжателем традиций университетской науки, берегал ее кадры, направления, материальную базу при всевозможных реорганизациях и перестройках, при разделении университета на ряд специализированных вузов. С другой стороны, исторически справедливо будет подчеркнуть, что только благодаря высокому научному потенциалу университета, уже сложившимся в нем научным направлениям вообще стала возможной организация подобного форпоста.

Длительное время институт возглавлял Станислав Кудряшов. При нем на территории университета было построено новое здание для института — специально спроектированный инженерно-лабораторный корпус. Событие это в судьбе ЕНИ можно назвать эпохальным: это был уже как бы новый «корабль». На его борту светились буквы прежнего названия, но что-то начало меняться в новых стенах.

В основном эти «атмосферные» изменения провоцировались общей неразберихой с наукой и высшей школой в начале 90-х.

Сейчас нет нужды подробно описывать перипетии тех событий, что не самым лучшим образом сказывались на научной деятельности и настроениях коллектива института. Заметим лишь, что стараниями столичных «перестройщиков» все же появились первые трещинки в монолите ПГУ-ЕНИ: пока «наверху» разбирались — кому и как субсидировать вузовскую науку, на местах думали: как выжить? Вот по этим рифам и повел с 1993 года этот корабль новый директор — Валерий Павлович Бегишев.

Его отлично знали здесь как специалиста в области высокомолекулярных соединений, исследователя синтеза полимерных материалов, процессов кристаллизации полимеров, теории фазовых превращений... Известен он был и как организатор — один из руководителей Института технической химии Уральского отделения Российской академии наук. А до этого заведовал лабораторией в Институте механики сплошных сред, где велись пионерные исследования материалов будущего — полимеров и композитов...

Спокойный и доброжелательный по характеру, Валерий Павлович охотно рассказывает о главном — о сегодняшних делах и достижениях коллектива. А лучшего гида в путешествии по ЕНИ и не найти...

— Для начала надо понять структуру института: у нас три основных подразделения — отделы химии, радиоэкологии, охраны природы. Они объединяют 16 лабораторий, — поясняет он. — Жизнь подтолкнула к созданию научно-производственных подразделений по выпуску малотоннажной и наукоемкой продукции (наших разработок), малых предприятий.

Научные сотрудники отдела химии, к примеру, разрабатывают новые методы синтеза элементоорганических соединений, синтезируют новые органические реагенты. Отдел охраны природы объединяет лаборатории ботаники, комплексных исследований водохранилищ, экологии леса, геологии техногенных процессов.

Можно отметить интересные работы ученых по исследованию загрязнения тяжелыми металлами природной среды ряда регионов Прикамья. Очень важной представляется разработка искусственных геохимических барьеров на пути миграции загрязняющих компонентов. Изучаются механизмы воздействия радиационного облучения на живые организмы, ведется поиск химических соединений, обладающих радиозащитными свойствами..

Проходя сегодня коридорами института, невольно думаешь о тех пяти комнатенках, в которых вел свою деятельность в начале 30-х коллектив исследователей. Ветераны вуза еще помнят, как холодными зимами нечем было топить даже эти скромные помещения лабораторий. Через шестьдесят лет неожиданно возникли другие проблемы. Доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ Валерий Павлович Бегишев, возглавив коллектив, не знал порой, как выдать зарплату сотрудникам, закрыть коммунальные платежи. И так продолжительное время. Словно повеяло на ученых холодом из далеких 30-х.

Но запас прочности оказался весьма основательным, Институт выжил. Во многом благодаря тому, что сотрудники были «университетские люди»: вуз, сам испытывавший постоянное «недофинансирование», был опорой для них — преподавателей, руководителей исследований. Этот симбиоз невозможно было разрушить никому, даже если кто-то и преследовал «благие цели» выживания в одиночку.

Директор прекрасно понимал, что суть сейчас не в формальных разборках по поводу «ведомственных принадлежностей»: надо было делать то, что в просторечии называется «учиться зарабатывать деньги». Так было создано опытное производство двух собственных разработок — питательного крема и средства для ванн «Карэль». Начали изготавливать на своей базе уникальную научную продукцию: медицинские приборы и биопротезы, химические реактивы.

Быстро поняли, что в «сырьевой державе» стоит плотнее сотрудничать с нефтяниками, выполняя для них работы, связанные с поисками «черного золота», его

эффективной и безопасной добычей. Ведь здесь не первый год разрабатывались методы борьбы с разливами нефтепродуктов... В общем, учились жить в новых условиях, продиктованных временем.

Если спросить сейчас Валерия Павловича, что помогло ему тогда выстоять у руля, наверное, он ответил бы: «Упорство в достижении целей...»

Чтобы понять, как формировалась в нем эта черта характера, нужно заглянуть в самое начало. Будущий ученый родился в суровом 1942-м году в Удмуртии, но вскоре судьба привела его родителей в Пермь. Примечательно, что они имели университетские «корни» — закончили в свое время медицинский факультет Пермского университета.

Поселились в Закамске. Там Валерий Бегишев пошел в первый класс 27-й школы. Учился старательно и, как говорится в школьной характеристике, «очень много читал, был активным и энергичным». Школа привила и первые навыки ответственности, умения организовывать не только себя, но и коллектив: его выбрали председателем совета пионерского отряда. Абсолютно серьезно можно сказать, что так прорастали нужные качества многих будущих руководителей. Селекция-то велась довольно честная: сами ребята выбирали достойных, имеющих авторитет одноклассников.

Закончив школу с серебряной медалью, Валерий решил, что будет химиком. У «шестидесятников» эта наука, наравне с физикой, была очень популярна: считалось, что за ними будущее. Валерий Бегишев отправился в Свердловск, поступать в Уральский политехнический институт на химико-технологический факультет, специальность — «Технология пластмасс».

— Это было счастливейшее время, — вспоминает Валерий Павлович. — Какие там были преподаватели, профессора! Многие еще успели получить образование за границей, когда во времена НЭПа ненадолго, но все же случилась «оттепель» в контактах. Помню профессора, закончившего Гумбольдтский университет в Германии. Другой обучался в Сорбонне. Бывало, лекции

читались на французском языке! Даже сейчас редко встретишь подобное в российском вузе...

Знания важны сами по себе, заметил, кстати, Бегишев, но немаловажно для студента получить их из уст Личности с большой буквы. От людей поистине интеллигентных, высокообразованных, обладающих широким кругозором и заботливым, искренним отношением к ученикам. На них хотелось равняться, их хотелось слушать и слушать: о науке и просто о жизни. Они буквально завораживали своей харизмой, и на их лекциях стояла мертвая тишина.

— Вообще, — рассказывает Валерий Павлович, — химико-технологический был особый факультет, незабываемый! Словно некий чудесный куст. Он вращал в душу каждого выпускника. Многие стали крупными учеными, возглавили промышленные предприятия. Тогдашние выпускники твердо знали, что их ждут — в научных учреждениях, на производстве, их головы и руки нужны стране. Полученные знания они спешили развить, применить на практике.

Молодой специалист Валерий Бегишев получил распределение в Пермь, в НПО имени Кирова, где был научно-исследовательский институт полимерных материалов, и одновременно поступил в заочную аспирантуру Ленинградского технологического института имени Лен совета. Здесь ему вновь повезло на неординарных, нестандартно мыслящих преподавателей, окончательно утвердивших его на научной стезе: в 1971 году аспирант Бегишев защитил кандидатскую диссертацию.

Всего через три года он был избран по конкурсу на должность заведующего лабораторией физикохимии полимеров — первенца академических институтов Перми — ИМСС. Институт механики сплошных сред входил тогда в Уральский научный центр АН СССР. Вслед за «тёзкой» — Валерием Павловичем Матвеевко, героем предыдущего очерка — Бегишев может отметить важную роль, которую сыграл этот научный коллектив в становлении целой плеяды выдающихся исследователей и организаторов науки. Плодотворным и для него самого был этот

период работы в ИМСС. Руководил институтом тогда член-корреспондент АН СССР Александр Александрович Поздеев, оставшийся в памяти Бегишева яркой личностью, талантливым ученым и организатором. Это была добрая школа, и через десять лет Бегишев пришел на пост заместителя директора в только что основанный в Перми Институт технической химии. Он тогда только создавался с участием член-корреспондента РАН Юрия Степановича Клячкина. Все было новым, интересным, работалось на подъеме, хотя трудностей на этапе становления было — хоть отбавляй!..

Бегишев целеустремленно шел к поставленным целям: защитил докторскую, стал профессором. И все-таки с какой-то особой теплотой Валерий Павлович вспоминает свое первое место работы — институт полимерных материалов.

— Впрочем, — говорит профессор, — в этом я не оригинален: все, кто когда-то работал в этом институте, а потом по каким-то причинам покинул его, с гордостью, теплом вспоминают о том времени. Здесь трудились талантливые, яркие люди, которые поистине горели этой работой, осознавая ее значимость для страны. Мне здесь все нравилось. Приезжали ученые из Ленинграда, Киева, Казани; это были встречи с настоящими лидерами. Наука в то время творила чудеса. Она была престижна. В науку стремились попасть как в высшее общество.

Власть тогда особенно нуждалась в передовом научном творчестве, ибо СССР был «полюсом» мира: в противостоянии «холодной войны» наука была на передовой и ученые отдавали себя, свои знания во имя процветания страны, ее могущества. Так или иначе, но это было время, когда многие ученые в полной мере могли проявить себя, раскрыть свои способности. Конечно, в основном это касалась именно «оборонки».

Что касается деятельности В. П. Бегишева, то под его руководством были разработаны новые инструментальные методы исследования механических свойств полимеров. Он занимался и занимается высокомолекулярными соеди-

нениями с суперсвойствами — это современные чудо-пластмассы, которые по качествам превосходят металлы.

Валерий Павлович принял активное участие в создании пермской научной школы специалистов-термомехаников и гидромехаников, широко известной ныне в стране и за рубежом. Так, одна из трех монографий ученого издана в Канаде. Всего же им опубликовано более 220 научных работ, запатентовано 38 изобретений.

Профессором Бегишевым выполнены фундаментальные исследования по целому ряду важнейших направлений включая синтез полимерных материалов, макрокинетике процессов полимеризации и фазовых превращений, гидродинамику и механику полимеризационных систем. Под его руководством разработаны новые составы для реакционного формования на основе полиуретанов, полиамидов, эпоксидных смол для изготовления деталей машин, абразивного инструмента, мастик и покрытий.

Уже упоминавшаяся созданная им новая модель процесса кристаллизации полимеров позволила достаточно простым способом создать обобщенную модель неизотермического процесса кристаллизации. А практическим итогом проведенных исследований стало создание крупнейшего в России полиуретанового производства теплоизолированных труб. Они без потерь могут нести тепло на большие расстояния, причем их необязательно даже закапывать в землю...

Вряд ли возможно здесь перечислить все научные работы, выполненные профессором Бегишевым. Ясно главное — ЕНИ возглавляет крупный ученый, сказавши свое весомое слово в науке.

Таковыми были его жизненные университеты: счастливые, полные научных открытий, идей, подаривши встречи с замечательными преподавателями-наставниками, учеными — соратниками, друзьями. Естественнонаучный институт при Пермском государственном университете стал продолжением его биографии. Отнюдь не всегда легким. Он возглавил весьма специфическое научное подразделение, призванное не просто заниматься наукой в чистом виде, но в сочетании с педагогической

и практической деятельностью, когда полученные результаты исследований тем или иным образом должны дойти до студентов и до практиков.

Взаимодействие ПГУ и Естественно-научного института происходит посредством создания филиалов кафедр таких факультетов, как биологический, химический, географический, геологический, механико-математический. Всегда было очень важным то обстоятельство, что исследовательская работа в институте выполнялась, в основном, в соответствии с утвержденными Госкомвузом России научными направлениями. К упомянутым выше надо еще отнести геологические исследования, причем в последнее время их становится все больше, чему способствует политика Министерства природных ресурсов.

Правительство России не раз высказывало озабоченность, что разведанных месторождений природных ресурсов становится в стране все меньше и меньше. Значит, необходимо открывать новые. Без ученых тут не обойтись.

Ведется в институте и разработка новых химических материалов, таких как оптоэлектронные. Речь идет и о светодиодах, полевых транзисторах, солнечных батареях, многоцветных дисплеях, сенсорах для распознавания молекул. Эти направления не получили еще должного продвижения в России, в то время как на Западе они активно внедряются.

Валерий Павлович рассказывает, что в институте разрабатываются способы получения тонких пленок для медицинских целей, изучаются свойства лекарственных препаратов (для этих целей в институте имеется виварий).

Реальная поисковая работа сосредоточена в 16 лабораториях. Вот с ними и советуется познакомиться директор, охотно представляя их.

Одна из них — лаборатория биологически активных веществ, созданная в 1961 году по решению ученого совета ПГУ. У истоков создания лаборатории стояли профессора Горовой, Лапкин, Шапошников, Бердинский, Колла. Направление лаборатории было связано с разработкой самых разнообразных товаров для народного хозяйства. Они изготавливались совместно с такими пред-

приятными, как Киевский НИИхимпроект, Пермский НИИхимпроект, Рижский завод бытовой химии. К примеру, в Латвии длительное время выпускалось пеномоющее средство для ванн. Три сотрудника лаборатории получили тогда за эту разработку государственную награду «Изобретатель СССР». В 1986 году была создана Межвузовская лаборатория биологически активных веществ. Перед ней ставилась задача внедрения в практику новой продукции.

Препараты санитарно-гигиенического, парфюмерно-косметического направления получили широкое распространение. Здесь разрабатывались дезодоранты «Фиджи», «Галант», «Кан-кан», крем «Сальвадор», шампунь «Красава», лосьоны. На основе бактерицидного препарата «Вилагин» были разработаны новые дезинфицирующие средства «Вилаг-2» в аэрозольной форме и «Вилаг-1» — водный состав с моющим эффектом. Они с успехом используются в больницах, поликлиниках, школах, детских садах. Уже при Валерии Павловне в 1990 году в институте была создана научно-производственная фирма «Бактерицид»; здесь выпускаются разработанные в лаборатории препараты, в том числе и уже упоминавшийся бактерицидный крем.

Это сейчас на прилавках изобилие разнообразных кремов, а тогда, в годы перестройки, их было днем с огнем не сыскать. И лаборатория начала разрабатывать «Карэль». Задача стояла создать продукт, отвечающий со временем требованиям, к тому же недорогой. Вслед за серией «Карэль» разработали вторую — «Ли Натали» — на экстракте шиповника для женщин среднего возраста. Программа финансировалась Министерством образования. Кремы, произведенные в институте, на «ура» реализовывались в Пермском ЦУМе. Сегодня же, когда рынок перенасыщен косметической продукцией, ставка делается на создание серий для профессиональных косметологов, работающих в салонах.

Одним словом, попытка вписаться в рынок имела успех, несмотря на серьезную конкуренцию. Потому как здесь работают высококвалифицированные специалисты которым любая задача, что называется, по зубам.

Лаборатория состоит из двух отделов — микробиологического и токсикологического. Поэтому не было проблем — не только разработать продукт, но и изучить его свойства: бактерицидные, дезинфицирующие, фармакологические, противомикробные, противовоспалительные, анальгезирующие. Изучалась также безопасность продукта.

Здесь испытывались и такие лекарственные препараты, как анестезиологический препарат «Анилокаин», противовоспалительное средство «Мефепирон», способный конкурировать по своим качествам с зарубежными аналогами, некоторые другие препараты.

Вообще за эти годы было подвергнуто скринингу на различные виды активности порядка 1000 химических соединений, синтезированных в лабораториях института и университета.

Валерий Павлович представил лабораторию гетерогенных равновесий, возглавляет которую доктор химических наук Ольга Станиславовна Кудряшова:

— Научно-исследовательские работы ведутся здесь в области физико-химического анализа по научному направлению, созданному профессорами университета Р. В. Мерцлиным и Е. Ф. Журавлевым. Так, профессором Мерцлиным в середине прошлого века был разработан метод исследования многокомпонентных водно-органических систем, так называемый метод сечения. И этот метод используется до сих пор. Он удобен тем, что не требует сложной аппаратуры и позволяет получать хорошие результаты. Позднее профессор Журавлев адаптировал данный метод для водно-солевых систем.

Когда-то лаборатория начиналась с программы «Чистота», разработанной Минвузом СССР при активном содействии доцента Станислава Кудряшова. Руководителем же программы являлся ректор ПГУ Виктор Петрович Живописцев. Такой вот союз!

Как говорилось в научных отчетах, «в рамках программы создавалась и оптимизировалась рецептура бытовых жидких очищающих средств. В результате исследования многокомпонентных систем (поверхностно-активные вещества, активные добавки) были предложены

рецептуры жидких моющих средств. Они отличались оптимальными как физико-химическими, так и потребительскими свойствами, обладали высокой моющей способностью».

Да и многие другие научные разработки лаборатории гетерогенных равновесий применяются на практике. Например, с «Метафраксом» был заключен договор, согласно которому ученые смогли помочь промышленникам выделить сложные органические соединения. Также работали с Кирово-Чепецким химическим комбинатом, помогли там решить проблему выделения формиата натрия из водно-органической смеси. Это вещество используют строители, добавляя в бетон, чтобы он не замерзал; используют и в качестве экологически чистого антигололедного реагента.

Сотрудники лаборатории выполняли также заказ для близкого Бегишеву предприятия — пермского НПО «Искра»: разрабатывали водно-органические моющие средства, заменившие пожароопасные органические растворители. Они используются и для обезжиривания металлических деталей. Разработкой лаборатории весьма заинтересовался березниковский «Бератон» и планирует выпускать эти моющие средства в промышленных количествах.

Ученые занимались и решением проблемы складирования коры на Краснокамском ЦБК, предложив ряд способов ее утилизации. Есть планы по созданию технологии переработки отходов в ценное удобрение.

Еще одной разработкой лаборатории — созданием неопентиленгликоля — заинтересовались в научно-производственной фирме «Тривектр». Этот продукт до последнего времени завозился только из-за рубежа. Между тем необходимость в нем огромна: из него получают многие полимерные материалы с необычными свойствами.

С удовлетворением отмечает Бегишев и такой факт. Когда два года назад Министерство образования выпустило каталог научно-технических новинок, одна из них была представлена именно лабораторией гетерогенных равновесий Естественно-научного института. Это связано с разработкой математического моделирования изогидрических циклов с участием добавочных солей.

Дело в том, что сегодня водорастворимые соли Получают при помощи технологии с использованием большого количества пресной воды. На ее испарение требуется много энергии. Способ, разработанный лабораторией, позволяет исключить из технологии стадию выпаривания растворов. Это позволяет экономить пресную воду, энергию и получать соли очень высокой чистоты, которые могут быть использованы в практике химических лабораторий. Метод может успешно использоваться в промышленности — на заводах, которые вырабатывают реактивные соли. И некоторые заводы, например, Новомосковский химический завод, уже используют эту разработку.

Интересные работы проводятся и в лаборатории органических полупроводников, которая была создана в 1974 году. Важнейшей областью исследований является электрохимическое и химическое окисление полученных доноров для выращивания кристаллов и монокристаллов солей хорошей формы, пригодных для дальнейших спектроскопических исследований.

Лаборатория элементоорганических соединений была создана в 1966 году профессором И. И. Лапкиным. Его имя для университета значит очень многое: еще в 1930 году Ивана Ивановича откомандировали в ИГУ из Грозного в связи с открытием нефтяных месторождений на Урале и созданием в вузе кафедры органической технологии — так она тогда называлась. Выдающийся химик-органик в ЕНИ руководил исследованиями, объектами которых стали соединения, содержащие в своем составе цинк, магний, кремний, серу, селен и другие элементы периодической системы. За время существования лаборатории разработаны десятки новых методов синтеза не известных ранее органических и элементоорганических соединений.

В летописи института говорится, что лабораторию органических реагентов основал в 1973 году доктор химических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, профессор В. П. Живописцев — один из плеяды ректоров ПГУ. Ученым удалось сформулировать общие

и специфические закономерности экстракции неорганических ионов из различных по составу растворов. Были разработаны способы выделения и разделения ниобия и тантала, скандия и иттрия, цинка и кадмия, молибдена и вольфрама, серебра, меди и ртути, а также оригинальные способы концентрирования микро-количеств элементов из различных объектов, включая природные и сточные воды, почвы и растительность.

В лаборатории электрохимии и защиты металлов от коррозии, созданной в 1958 году, проводятся фундаментальные исследования механизма и кинетики электрохимических процессов на моно— и поликристаллах металлов, сплавов, инерметаллических соединений. Развиваются новые способы коррозионного мониторинга. Также создаются новые средства противокоррозионной защиты металлов (гальванические покрытия, ингибиторы), экологически безопасные малоотходные технологии в гальванотехнике.

Еще одна лаборатория — физико-химических методов исследования. В результате проведенных работ установлены причины, механизм, кинетика и особенности интенсивной локальной коррозии в речной воде гидротехнических сооружений, изготовленных из углеродистой и низколегированных сталей. Впервые в исследованиях по этой проблеме получена информация о роли структурного фактора в зарождении и развитии очагов с помощью металлографических, изотопных, электро-и микроэлектрохимических, дефектоскопических и других методов исследований. Разработано два вида противокоррозионной защиты гидросооружений: схемы полимерных покрытий, включающие химически стойкие, эпоксидные и кремнийорганические материалы, позволяющие проводить работы в широком интервале температур, и катодная защита внешним током. Получены новые полимерные композиции широкого спектра использования: в качестве защитных покрытий, пропиточных составов для силовых кабелей, консервации смазок, герметизирующих мастик. Нашла свое применение эффективная, доступная, простая в изготовлении водовытесняющая композиция для гидрофобизации влажной металлической и бетонной

поверхностей, сушка которых невозможна перед окрашиванием. Это ГЭС, шлюзы, оросительные системы, суда речного и морского транспорта и т. д.

Можно долго и подробно рассказывать о лаборатории радиобиологии. Здесь изучаются механизмы действия радиационного облучения на живые организмы, идет поиск химических соединений, обладающих радиозащитными свойствами. На основе гипотезы донорно-акцепторного механизма действия облучения, предложенной первыми руководителями лаборатории Н. А. и Е. Л. Изможеровыми, был рассчитан и синтезирован целый ряд потенциальных радиопротекторов. В настоящее время заведующим лабораторией, доктором биологических наук Б. В. Тестовым заявлен новый подход для объяснения действия радиации на живые организмы. В основе его лежит механизм, объясняющий радиационное поражение за счет использования энергии метаболизма. Разработка этой концепции дает широкие перспективы поиска новых путей снижения действия больших доз облучения, позволяет обосновать возможность адаптации к действию хронического облучения. Лаборатория оснащена современным оборудованием, среди которого имеется лабораторная гамма-установка ИГУП-1. Она позволяет проводить облучение животных в широком диапазоне доз.

Валерий Павлович отмечает, что в юбилейный для ПГУ год исполнилось полвека лаборатории радиохимии. Основные работы, которые здесь проводятся, — изучение химических последствий ядерных превращений в элементоорганических соединениях. Лаборатория оснащена химическим и радиохимическим оборудованием, реактивами для проведения исследований по третьему классу работ с радиоактивными веществами. Исследования проводят на единственной в Пермском крае Y-установке (излучателе).

Большая история и у лаборатории экологии леса и лесоводства. За это время ученые участвовали в решении многих задач лесного комплекса Пермского края. Например, разработаны рекомендации по выращиванию высокопродуктивных хвойных насаждений, созданию лесосеменных участков сосны на селекционной основе,

рекомендации по вырубкам леса. Исследованы и переданы в производство рекомендации по рекультивации лесных земель после дражных работ от Урала до Камчатки. Разработаны лесохозяйственное районирование и породная структура лесов будущего. Также ведутся исследования по сохранению устойчивости лесов зеленых зон промышленных городов Западного Урала, загрязнения лесных почв и пути их реабилитации.

После прихода Бегишева к руководству институтом в результате слияния двух подразделений ЕНИ — старейшей лаборатории гидробиологии и ихтиологии и хоздоговорной лаборатории водохозяйственных проблем — была создана лаборатория комплексных исследований водохранилищ. Главной целью объединенной лаборатории было увязать все процессы и явления, происходящие в водоеме, в одно целое. Основатель этого направления — доктор географических наук, профессор, академик АЕН РФ Ю. М. Матарзин. В лаборатории проводятся комплексные экологические исследования водоемов и водотоков бассейна реки Камы, изучаются последствия создания крупных водохранилищ и их каскадов на окружающую среду и хозяйство региона. Оцениваются и прогнозируются изменения гидрологического режима, влияние теплового загрязнения и сточных вод на формирование качества воды и грунтового комплекса, микробиологические процессы, изучаются рекреационные ресурсы и рыбопромысловая ценность водоемов, процессы переформирования берегов и водохранилищ.

Комплексный подход к изучению природной среды осуществляется и в лаборатории ботаники. К исследованиям привлекаются почвоведы, микробиологи, биохимики, физиологи растений, ботаники. Накоплен ценный материал по изучению свойств целинных и вовлеченных в агроценоз почв подзолистой и лесостепной зон Урала. На основании многолетних исследований разработаны теоретические основы мелиорации и повышения плодородия солонцов лесостепного Зауралья. Комплексный подход к оценке степени загрязнения растительности и почв выбросами промышленных предприятий помог выявить факторы риска природной среды, определить допустимую нагрузку на почву и населяющие ее микро-

организмы, разработать эффективные способы реабилитации загрязненных почв.

Приход Валерия Павловича в ЕНИ стимулировал создание лаборатории физикохимии полимеров. Она была создана в 1994 году как вузовско-академическое подразделение с целью проведения комплексных физико-химических и биологических исследований полимеров, предназначенных для контакта с биологическим организмом. Сейчас здесь исследуются взаимодействия полимера с тканями и органами живого организма; разрабатываются методы модифицирования полимера с помощью энергии физических полей, придающих полимеру новые качества. Они обеспечивают оптимальную сочетаемость материала с организмом.

Лабораторией физикохимии полимеров вместе с Пермской медицинской академией и рядом институтов УрО РАН проведены теоретические и экспериментальные исследования, в результате которых разработано шесть наименований биологических эндопротезов из синтезированного полиуретанового каучука и композита углерод-углерод. Некоторые из них разрешено использовать в медицинской практике.

Профессор Бегишев подчеркивает, что всего сформулировано 15 направлений, по которым ведется работа в институте, но наиболее активно задействованы около семи. Он ставит цель — в короткие сроки найти возможности довести разработки до инновационных решений. Поэтому ведется поиск инвесторов, заключаются хоздоговоры на выполнение работ. При этом удается успешно конкурировать с организациями, выполняющими аналогичные работы, и обеспечивать сотрудникам более-менее неплохую зарплату.

Забот руководителю института хватает — в том числе хозяйственных: площадь ЕНИ составляет более девяти тысяч квадратных метров. Насчет нового оборудования надо договариваться, находить заказчиков. Да много чего приходится делать директору. Много хлопот с содержанием здания. Когда Бегишев заходит на территорию ПГУ, первые мысли — а все ли в порядке с родным институтом? Ведь не раз уже здание горело. Возможно, это из-за того, что здание строили в сжатые сроки.

А как научный руководитель он рад, например, что аспирантка из Уфы, которую он вел, недавно успешно защитила кандидатскую диссертацию по полимерам.

— Голова умная и руки у нее золотые: удалось сделать замечательное открытие, и ее работу уже заметили в научном мире. И вот скажите, чем, по-вашему, интересна наука? — спрашивает профессор Бегишев.

— Ну, наверное, открытиями...

— Понимаете, есть тонкости в исследованиях, особенности, которые надо уловить. Это трудно, но когда их уловишь, тогда получаешь незаурядные результаты. Это происходит сегодня не так уж часто, и тем радостней, когда это случается. Ни с чем не сравнимое ощущение. Помню, у Мольера учитель философии говорил: «...без науки жизнь есть как бы подобие смерти». Действительно, наука — это движение, бурление мысли, открытия, новый шаг вперед. Продолжение себя в учениках...

Да, профессия ученого — совершенно особая. Хотя профессор Бегишев на это возразил: «А разве профессии художника, писателя или музыканта — не особые? Тем мир и прекрасен, что он многомерный, многоцветный, в нем множество оттенков. Что касается науки, здесь очень важен профессионализм, когда ученый считает науку смыслом жизни».

Должна быть особая склонность к занятиям наукой, отмечает Валерий Павлович. И настоящий ученый может вырасти только в школе. А пермское научное сообщество, многие наши школы считаются очень сильными, яркими.

Это хорошо видно на примере института, развивавшегося при университете: ведь о какой бы лаборатории или научном направлении ни рассказывал директор, обязательно возникали десятки имен университетских исследователей — основоположников школ, нашедших развитие в ЕНИ.

Путь института, однако, — не гладкая дорога. В течение ряда последних лет коллектив лихорадило: шли споры о дальнейшей судьбе ЕНИ. Возникали столичные «проекты» о ликвидации института, «реорганизации» путем присоединения к столичным учреждениям.

Все это воспринималось сотрудниками на фоне той неопределенности (на правительственном уровне) с финансированием науки, что заставляло искать опору на собственные силы. Были и соблазны уйти в «автономное плавание».

Валерий Павлович привык уважительно относиться к любому мнению, тем более — к позиции ряда своих сотрудников. Но в 2005 году вопрос встал, как говорится, ребром: ликвидация ЕНИ или сохранение традиционного статуса «при» Пермском госуниверситете? Ученый совет ПГУ и директор — член этого совета — приняли однозначное решение — сохранить форпост пермской вузовской науки на его главном фундаменте. Ведь общая история ПГУ и ЕНИ насчитывает уже 85 лет!

Вскоре этот вариант получил подтверждение в официальном решении Правительства России. А перед Валерием Павловичем встала довольно сложная задача — сохранить единство в коллективе...

Говорят, счастливый человек — это тот, кто утром с удовольствием идет на работу, а вечером с удовольствием возвращается домой. Так это о профессоре Бегишеве. А как же иначе — любимая работа, люди, с которыми выживали вместе в трудные годы. И ведь никто тогда не ушел в поисках материального благополучия. В 90-е, говорит Бегишев, мы были так близки к краю обрыва. Тот период никогда не забудется. Тогда коллектив Естественно-научного института получил самое серьезное, может быть, за все годы существования, боевое крещение, закалку. Нужны были такт и дипломатия, понимание наиболее верного курса, «капитанский» талант, чтобы пройти и эти рифы...

Как и годы назад, идут рука об руку Пермский государственный университет и Естественно-научный институт. Что же стоит за этой совместной работой? Помимо исследовательских результатов — возможность студентам получать новые знания, всерьез заниматься наукой. Молодежь на базе института проходит производственную практику: здесь выполняют лабораторные работы, занимаются научно-исследовательской работой под руководством научных сотрудников.

— Вообще мировая практика, — подчеркивает Валерий Павлович, — свидетельствует о том, что вузы должны

все больше заниматься фундаментальной и прикладной наукой, внедрять ее в промышленность. Только в этом случае выпускник вуза станет специалистом, владеющим современными знаниями. И этот опыт бесценен. Потому что университетские работы можно продолжать в институте с большим эффектом и в большем объеме.

Преподаватели ПГУ имеют возможность заниматься наукой в Естественно-научном институте. А сотрудники института преподают в университете. Таким образом происходит взаимообогащение, нацеленное на конкретный результат — развитие науки, инноваций, привлечение молодежи в замечательную, полную загадок и открытий страну.

Профессор Валерий Бегишев вспоминает время, когда ученому реализовать себя было в общем-то легче. Поддержка ученых государством была более основательной, особенно тех, кто работал на «оборонку». Сегодня по-другому: система ценностей переориентирована в значительной степени на коммерциализацию, зарабатывание денег.

Сегодня ученым нужно думать, как внедрить исследования в производство, нужно искать инвесторов, на фундаментальные же исследования времени остается меньше. Конечно, оценить труд ученого-фундаменталиста непросто: иногда лишь спустя большой промежуток времени результат исследований может принести конкретную практическую выгоду, выраженную в рублях. Мировой опыт говорит, что рубль, вложенный в фундаментальные исследования, при правильной организации может принести в десять раз больше. Только не сегодня и не завтра, а нам, как обычно, нужно «много и сейчас». Но, похоже, сегодня государство вновь поворачивается лицом к науке, планируя создать национальную инновационную систему, выработать механизм превращения научных разработок в товар. Определены приоритеты, которым будет уделяться особое внимание. Это энергетика, новые материалы, другие перспективные направления, и в этом смысле у Естественно-научного института есть все шансы «попасть в обойму». Потому что те направления, которые здесь развиваются, относятся к прорывным.

Валерий Павлович Бегишев смотрит на жизнь оптимистично и верит, что все наладится. Ему никогда и в голову не приходило куда-то уехать из страны, хотя многие его коллеги, знакомые предпочли работать за рубежом. Он побывал во многих странах — в Италии, Израиле, Китае, Швеции, но Пермь для него — это то место, куда ему всегда хотелось возвращаться. Как говорится, где родился, там и пригодился. Как можно, например, обойтись без друзей, с которыми жизнь прожил?! С которыми учился еще в школе, в институте, с которыми работал вместе? Без которых жизнь будет пуста. А с собой ведь их не заберешь...

Что любит профессор Бегишев? Почитать на сон грядущий хорошую книгу, подумать о жизни, покопаться в Интернете. Любит рассказы журналиста Василия Пескова о природе. Любит смотреть на рассветы и закаты, когда приезжает на дачу.

Что не любит? Не любит непрофессионализм в любых проявлениях.

И главное, что профессор Валерий Бегишев советует студентам, — это получить в вузе такой багаж знаний, который помог бы им стать людьми, способными к постоянному совершенствованию, росту — настоящими профессионалами! ..

Валерий Павлович БЕГИШЕВ.

Родился 11 сентября 1942 года. Выпускник Уральского политехнического института.

В 1986 году защитил докторскую диссертацию. Специалист в области высокомолекулярных соединений. Автор более чем 200 научных работ, в том числе трех монографий.

Заслуженный деятель науки и техники РФ, член объединенного ученого совета УрО РАН по органической химии.

VIVANT PROFESSORES!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ЭТЮДЫ ОПТИМИЗМА

Отель, в котором она жила, напоминал гигантский парус, развернутый над Тихим океаном. А вся Иокогама представляла ярким цветущим садом, где красота азалий гармонично соседствовала с нежными оттенками цветущей сакуры. Узнававшие ее японцы приветствовали «сэнсея» традиционным поклоном; голубые ленты международного судьи, ниспадающие «от плеча», стали в эти дни как бы визитной карточкой профессора Пермского университета Валентины Верещагиной.

Потом было утро ее поездки в Токио. И, мчась на поезде по гигантскому мосту через бухту к недалекой столице, любуясь открывшейся панорамой, где суперсовременные здания не закрывали, а, казалось, лишь оттеняли мир природы, она на мгновение загрустила.

Так далеко от «своего шестидесятого меридиана» она еще не уезжала.

Край света оказался гостеприимным и праздничным, а фестивальные дни — насыщенными событиями и заботами. И все-таки здесь, вдали от родных мест, с особой остротой вспоминались Валентине Александровне события дней давних и совсем еще близких. Путешествия помогают раздумьям...

Молодая женщина едет в поезде из Перми в Ленинград.

Ей в руки попадает свежий номер газеты «Правда». А в нем — большая статья академика Трофима Лысенко.

Начало 60-х. Резко шла на убыль хрущевская «оттепель». Но опальные некогда ученые-генетики,

казалось, получили полную реабилитацию и даже смогли выступить в Политехническом музее в Москве с откровенными рассказами на широкой публике о многотрудной судьбе своей «лженауки» и собственных трагических испытаниях. Те из «служителей продажной девки империализма» — науки генетики, — кто уцелел вернулись из колымских и мордовских лагерей. И по рукам «читающей общественности» уже пошли их самиздатовские «мемуары», где были названы имена палачей.

Пожалуй, самым громким в этом реестре гонителей было имя «народного академика», президента ВАСХНИЛ Трофима Денисовича Лысенко. Его не свалила первая волна разоблачений после смерти Сталина. Устоял он и после разрыва с Хрущевым, которому, как и прежнему генсеку, обещал быстрое и полное решение продовольственной проблемы. Да вот не сошелся с Никитой Сергеевичем во взглядах по поводу освоения целины. Что ни говори, а ставший почти фольклорным героем академик был фигурой неоднозначной: смелой, как это присуще фанатикам. И опасной — как это им тоже присуще. И вот — главная директивная газета СССР вновь, как в былые времена, отдала ему свою многозначимую площадь. Неужели грозит возврат к прошлому?..

«Не-у-же-ли, не-у-же-ли...», — отстукивали колеса и в такт им позвякивали склянки в нехитром багаже молодой пассажирки. Поездным ворам нечем было бы здесь поживиться — реактивы да красители для опытов во Всесоюзном институте растениеводства, куда и ехала аспирантка Пермского университета Валентина Верещагина.

Надо заметить, что даже «красные корочки» диплома, полученного ею по окончании университета, не давали в то время права поступить в аспирантуру: нужен был производственный стаж не менее двух лет. Да и мужа с целой группой выпускников Ленинградского университета отправили в это время в Свердловск, в «суперзакрытое ракетное» ОКБ, о котором представители веселой студенческой самодеятельности шутили: мол, что такое ОКБ-9, знают все, а вот что такое СТЭМ, — никто не знает.

Выпускница пермского биофака с трудом нашла работу в школе Свердловска. Жили они с мужем в районе легендарного «Уралмаша», откуда и ездила новая учительница ботаники в свободное от уроков время в центральную библиотеку этого славного уральского города. Путь был неблизкий, но цель оправдывала тяготы: вчерашняя студентка всерьез засела за реферат по цитологии. Но даже в «центральной» необходимой литературы оказалось слишком мало.

Преподавала Валентина Александровна в школе, которую уралмашевцы называли «английской». Ее общение с ребятами не замыкалось в рамках класса: вместе ходили в походы, организованные журналом «Уральский следопыт», выигрывали призы на туристских слетах. Ее «юные ботаники» собрали такой замечательный гербарий, что на него немедленно «положил глаз» местный краеведческий музей, забрав себе в экспозицию.

Словом, эти три года в школе раскрепостили ее природный педагогический талант, фундаментом которого был крепкий и волевой характер, обретенный в какой-то степени, может быть, и поневоле. Девочка из села Елизавет-Пожва рано осталась без матери и поддержки близких. Привыкнув рассчитывать на саму себя, она рано обрела ту естественную внутреннюю независимость, что не отягощает и не беспокоит других людей, но является призмой, через которую личность смотрит на мир, и импульсом, определяющим приоритет собственного достоинства в любых ситуациях. Таким людям, говорят, сам Бог помогает...

Работа над рефератом о полиплоидах шла к концу. Что делать дальше с этой темой и вообще с тягой к исследованиям? Вряд ли уровень школьного кружка мог удовлетворить серьезный интерес выпускницы биофака к науке. Но семья, только что родившийся ребенок, ответственная работа мужа, масса других житейских забот и проблем, казалось, превращали работу над первым исследованием просто в необязательное хобби, не имеющее конкретного продолжения.

Во всяком случае абсолютно реалистически мыслящая Валентина Александровна как некий перст судьбы

восприняла почти мистический момент: зайдя совершенно случайно в маленький книжный магазинчик на окраине Свердловска, она почему-то сразу наткнулась на невзрачный, но бросившийся ей в глаза, справочник. Она до сих пор уверена, что ни раньше, ни позже ничего подобного массово не издавалось.

Это был справочник по аспирантуре, невзвест как оказавшийся в этом магазинчике и открывшийся ей разделом «Ботаника» на странице «ПЕРМЬ, сельскохозяйственный институт...». Единственная строчка об аспирантском месте в городе ее студенческой юности.

В ПСХИ полетело письмо: «Хочу к вам!» И — выстраданный во внеурочное время реферат.

Пришел ответ: «Приезжайте»...

Нелегко было оставить на руках супруга годовалого ребенка. Муж был занят большой ответственной работой, но и в тот момент, как и в продолжении всей их большой совместной жизни, она ощутила надежное плечо Анатолия Николаевича, которого знала со школьных лет.

Ободренная поддержкой мужа, будущая аспирантка, что называется, на крыльях, полетела в Пермь сдавать экзамены.

В институте ее ждал, однако, «холодный душ»: «У нас всего одно место в аспирантуре. Вас — пять претендентов. Но руководитель уже в общем-то определился, кого взять...»

Итак, назначенный уже экзамен по специальности оборачивался подковерной борьбой в пустую формальность? Не привыкшая пасовать перед обстоятельствами, Валентина Верещагина направилась в... Горьковскую библиотеку — готовиться к «бою»: еще раз перечесть необходимые учебники и другую необходимую литературу.

— Вы знаете, я столько лет работаю в институте, но первый раз слышу такой содержательный ответ на экзамене, — скажет ей потом преподаватель, член комиссии, принимавшей экзамен. Это была серьезная, но трудная победа.

На волне состоявшегося успеха она решила сбежать в родной университет на кафедру ботаники, где, в общем-то случайно, и встретила с Анатолием Николаевичем Пономаревым — заведующим этой кафедрой.

Поделилась с ним своей радостью.

— А почему не к нам? — спросил Пономарев.

Показала справочник с единственным пермским адресом. Анатолий Николаевич, не откладывая, направился к тогдашнему проректору по науке Ивану Ивановичу Лапкину. Тот полистал книжицу:

— Действительно, как-то мимо нас... А в аспирантуре место есть. Хотите?

Еще бы она не хотела!

Кафедра ботаники и генетики растений, созданная вместе с университетом в 1916 году, была неразрывно связана со всей историей вуза и с такими славными именами, как А. Г. Генкель, П. В. Сюзев, В. И. Баранов, В. А. Крюгер... Это был крупный научный центр по изучению флоры и растительного мира Урала и Зауралья. Научно-практической базой служили Кунгурский и Троицкий заповедники. Богатый университетский гербарий был предметом зависти для многих вузов. И все это было таким близким для недавней выпускницы Валентины Верещагиной, что сил отказаться от «возвращения на Родину» она не нашла.

В сельскохозяйственном, куда она примчалась за документами, на нее округлили глаза: «Вы же одна остались! Вы приняты!»

— Я все объясню. Потом. Сейчас мне нужны мои документы...

И она пошла — второй раз за неделю — сдавать нелегкие экзамены.

Особенно строго подошли к оценке ее знаний преподаватели кафедры иностранных языков: по немецкому получила лишь «четверку». Расстроившись поначалу, Верещагина выяснила, что сдала не «аспирантский», а... кандидатский экзамен по языку. Соответственно, уже будучи в аспирантуре, она не нашла себя в списках на занятиях инязыком.

— Так у вас же сдано, — сказали ей германисты на кафедре.

— Нет, я должна ходить на занятия. Буду пересдавать...

И пересдала кандидатский. На «отлично». Так что один этот маленький эпизод вполне может свидетельствовать о характере и качествах будущего профессора.

Определиться с направлением исследований ей помог Анатолий Николаевич Пономарев:

— Есть прекрасная тема. Сам мечтал ею плотнее заняться — темнохвойная тайга. Там масса интересных вещей: растения, обитающие под пологом тайги, выглядят как на-секомоопыляемые. Но насекомых-то там нет! Как они размножаются? Любопытно было бы это исследовать...

На показанный аспиранткой реферат Анатолий Николаевич отреагировал неожиданным вопросом:

— А зачем вам реферат? Я, конечно, посмотрю, но ведь у вас статья опубликована!

Вот это было для Верещагиной полной неожиданностью. Она защищала диплом под руководством Селиванова, ставшего впоследствии заведующим кафедрой Пермского педагогического института. Ее научный руководитель опубликовал результаты их совместных исследований в области микологии в «Ученых записках» ПГУ в 1961 году. Примечательно, что впоследствии пермские микологи в своих работах часто ссылались на эту статью и цитировали ее, что дало повод Валентине Александровне в шутку назвать себя «основоположницей».

На предложение заведующего кафедрой она ответила восторженным согласием:

— Как вы узнали, Анатолий Николаевич, что я именно об этом и мечтала?!..

Наступило лето, и новая аспирантка явно опаздывала с организацией своей первой экспедиции. Тогда и пришла ей в голову идея поехать в Пожву. Тамошние леса и стали ее первой аспирантской базой исследований. Теперь она всматривалась в природу уже иными глазами — глазами естествоиспытателя, открывателя нового. И не обманулась в своих ожиданиях, получив первый бесценный материал для будущих диссертаций.

Изобретение микроскопа подтолкнуло в свое время исследователей к изучению клеток животных: это было обусловлено практическими задачами медицины — гистологии, цитологии...

Но вот в ботанике интерес к тем скрытым процессам, что происходят при формировании цветка — главного органа размножения у растений, не был столь активным. В конце XIX века русские ученые открыли двойное оплодотворение цветков и показали на препаратах — в картинках — как это происходит.

Это пробудило интерес, обнаружилось, что двойное оплодотворение — общая характеристика всех цветковых. Так круг исследователей еще расширился. Ведь на этом направлении могли быть решены и многие практические задачи селекции по целенаправленному формированию плодов и семян. Созданная академиком Вавиловым лаборатория цитологии была предназначена для этих исследований, ибо Николай Иванович считал, что основа всей селекционной работы — это эмбриология растений.

Верещагину привлекли, в частности, загадки «закрытых» цветков, когда процессы оплодотворения происходят внутри бутона и затем, не раскрываясь, эти цветки дают коробочки. Как же они опыляются?..

В науке многое начинается с такого вот интереса к самой сущности внешних проявлений. Микромир манил ее глубиной невидимой невооруженному глазу тайны живого. Ее звала в свои ряды генетика, еще не реабилитированная по многим позициям. И как бесценную книгу бережно хранила Валентина Александровна подаренный ей профессором Пономаревым подлежащий уничтожению экземпляр крамольных «Основ генетики», изданный в 1934 году. Несмотря на все запреты и гонения, Анатолий Николаевич хранил издания «вейсманистов-морганистов», снабжая ими, по мере необходимости, своих учеников.

Уровень проведенных исследований оказался таковым, что научная работа Верещагиной об экологии цветения и опыления кислицы обыкновенной была опубликована в «Ботаническом журнале». Этому, не рядовому для начинающего ученого, факту предшествовала оценка и рекомендация А. Н. Пономарева, направившего статью академику В. Н. Сукачеву для возможного опубликования в «Докладах Академии наук СССР».

Академик, в свое время бесстрашно вставший на борьбу с лысенковщиной, был за это изгнан из главных редакторов «Ботанического журнала». Теперь же, основатель и первый директор Института леса АН СССР (с 1967 года институт носит его имя) и порекомендовал направить работу Верещагиной именно в этот журнал: он написал в Пермский университет, что исследование очень интересное, но по объему в «Доклады...» не годится: там дают слишком мало места...

С этим письмом-рекомендацией статья и была отправлена в журнал. Целый печатный лист в таком авторитетном издании! Было что праздновать как большой успех! Но Верещагину больше волновало другое...

Ей было очень важно соотнести свою работу с передовым уровнем науки. Так, Валентина Александровна поехала в МГУ. Это был первый набор на факультет повышения квалификации. Пермлячка проявила характер и нетривиальный подход к обучению — сама составила себе план и расписание, главным выделив практикумы и особенно интересные для нее курсы. Она слушала лекции знаменитого Тимофеева-Ресовского и других грандов науки. И особенно повезло ей, что курс эмбриологии читала Вера Алексеевна Поддубная-Арнольди — ведущий специалист в России по систематике, биологии и эмбриологии цветковых растений. Это знакомство оказало особое влияние на Валентину Александровну: судьба свела ее с удивительным человеком, сочетавшим высокую культуру с глубоким научным мышлением. При этом Вера Алексеевна была открыта и добра к людям, что проявилось и в ее поддержке, буквально в опекуновстве пермячки, с которой она долгие годы не теряла связи.

Конечно, даже при самом благоприятном отношении педагогов учеба потребовала немалых усилий для конструктивного и аналитического освоения материала, выработки собственной позиции. И в обычной, и в политической жизни, а тем более в науке, этот фактор стал решающим для молодого генетика Верещагиной.

В ПГУ ей предложили читать студентам курс генетики и цитологии. Это было настоящим испытанием для Верещагиной, да и для всех тех, кто в это переломное

время начала 60-х пытался бы систематизировать и упорядочить для студентов теоретический разнобой, возникший не столько на научной, сколько на «идеологической» основе.

Позднее она напишет:

«Мне выпало счастье слушать лекции замечательных генетиков и, по мере своих сил, доносить полученные знания до студентов. Курс радиационной генетики читал Н. В. Тимофеев-Ресовский, цитогенетику — А. А. Прокофьева-Бельговская, биохимию нуклеиновых кислот — академик А. Н. Белозерский, мутагенез — И. А. Захаров... В моей памяти запечатлелись лекции и выступления Н. П. Дубинина, Н. П. Бочкова, Б. Л. Асетаурова, В. П. Эфроимсона. Эти выдающиеся генетики не только спасли отечественную генетику от полного уничтожения, но и приложили огромные усилия, чтобы вырастить новое поколение генетиков...»

Она всегда отдавала дань глубокого уважения своим великим Учителям, ибо понимала, что заглянуть в будущее науки гораздо легче, стоя «на плечах гигантов».

Отважная аспирантка, воспитанная в победные послевоенные годы, олицетворяла уже ту часть нового поколения ученых, для которых догматизм и конъюнктура в науке становились принципиально неприемлемыми. А может, талант и интуиция, подкрепленные изучением самой разнообразной литературы, творческого наследия знаменитых естествоиспытателей, вывели ее — начинающего педагога и исследователя — на верную стезю? Во всяком случае, после аспирантуры многие годы она читала два курса — цитологию и генетику. Этим дисциплинам прежде на кафедре не было. Сейчас можно только поражаться смелости и таланту Валентины Александровны, создавшей эти курсы буквально «с нуля».

Когда в Москве вышел первый учебник по цитологии, это была для Верещагиной двойная радость: первая, что студенты получили важное пособие, а вторая... Она (даже с некоторым изумлением!) убедилась, что «не лыком шита», и читала курс абсолютно в правильном направлении. Как сама себе сказала, «и мы не дурнее других». Ибо уловила и провела в своем курсе — четко и

самостоятельно — основные современные тенденции в читаемой дисциплине.

Поэтому так остро восприняла она через годы эту злополучную «правдинскую» статью: ведь всего год назад Президиум Академии наук, наконец, открыто и честно охарактеризовал печальные итоги деятельности Лысенко и он был снят с поста директора академического Института генетики — поста, доставшегося ему на четверть века. Доставшегося после ареста основателя института — Николая Вавилова...

Да, далеко не сразу и не до конца изменилась атмосфера в обществе, в науке. И институт, созданный когда-то в качестве всесоюзного центра прикладной ботаники и новых культур, получил славное имя Вавилова только в 1992 году. Но главным для молодой аспирантки была деятельная помощь Ларисы Ивановны Орел — тоже выпускницы Пермского университета, кандидата наук, успешно работавшей в институте «по томатам», которая после И. Д. Романова возглавила лабораторию цитологии ВИРа.

Она окунулась в «вировский» мир с головой, как и в сдержанную красоту Ленинграда, навеки тронувшую ее душу художника акварельными тонами неброских балтийских пейзажей.

Ее волновали воспоминания ветеранов института о суровой блокадной поре, когда голодающие сотрудники ценой жизни и здоровья сберегли бесценную коллекцию растительных генетических ресурсов. Что в переводе на обычный язык означало сотни килограммов спасительных продуктов — супов и каш, вместо желанных и жалких крошек блокадного хлеба. (И мы сегодня говорим о «более чем 200 000 образцов культурных растений и их диких сородичей по 2539 разновидностям в пределах 304 видов 155 ботанических семейств», хранящихся здесь.

Николай Иванович Вавилов сам собирал и привозил из дальних стран образцы — основу коллекции, значение которой трудно переоценить. И на которую, как стало известно, покушались богатые зарубежные исследовательские центры, уловив тот момент в нашей истории,

который некоторыми гранями был похуже военного лихолетья. Алчность бывает для людей разрушительней голодных спазмов...)

Именно в ВИРе Валентина Александровна получила опыт, освоила до тонкостей методику приготовления тончайших срезов, тот инструментарий, который необходим был для создания в Перми лаборатории цитологии. Все приходилось начинать с «нуля»: ездила в столицу за микротомами, по граммам собирала красители (до сих пор благодарно хранит «питерские» баночки из под красителей, подаренных ей в ВИРе замечательным Иваном Дмитриевичем Романовым).

Эмбриологов в нашей стране легко пересчитать на пальцах, так что нельзя сказать, что проблематика эта захватила массу энтузиастов. По мнению Валентины Александровны, надо иметь особый вкус и склонность к таким исследованиям. Для нее важным импульсом, как это ни прозвучит необычно, явились препараты, которые необходимо было зарисовать.

Когда ей попадался особенно хороший и колоритный препарат, Верещагина могла собрать всю кафедру, всех любопытствующих — идите скорей, тут такая красота!

Удивила даже Анатолия Николаевича, который, посмотрев ее «картинки», задумчиво сказал:

— Надо же! Впервые вижу зародышевый мешок. А мне казалось, что это все нафантазировано художниками для ботанических изданий...

Не было бы счастья, да несчастье помогло: качественные фотоснимки в ту пору давались с трудом. Вечные проблемы с насадками на объектив, проявкой пленок и печатанием снимков. Приходилось ездить в Ленинград с очередной «серией».

Рисунок!..

Пока жива была мама, Валентина мечтала стать художником. Это было главным увлечением и радостью ее сурового детства. Мир образов, что рождался на кончике карандаша, словно открывал ей волшебство, спрятанное в обыденности. Творя на бумаге собственную реальность, она ощущала некое свое могущество: рожденная линия начинала как бы собственное существование и

требовала продолжения. Она любила насыщенные яркие тона — то давая волю воображению, то строго следуя естественным тонам и формам природы.

Ее рисунки в статьях охотно брали ботанические журналы, обходясь без редакторской правки. Еще в годы студенчества случай привел ее в студию известного пермского художника Виктора Федоровича Кузина. Тут она впервые получила серьезные уроки рисунка и живописи. Три раза в неделю, по вечерам — рисунок. По четвергам — лекции искусствоведов из художественной галереи, где она знала и помнила каждый уголок. В воскресенье часы дневного света отдавались живописи. Летом выезжали дружной стайкой на этюды. Устраивали выставки. И возникла еще одна страсть.

Реставрация оперного театра «переселила» временно труппу на сцену Дворца культуры. Студийцы-художники получили возможность чуть ли не ежедневно ходить на спектакли. Валентине Александровне словно распахнулись еще одни двери в искусство — нечастые раньше — походы в театр не давали такого полного и насыщенного знакомства с оперой, замечательной классической музыкой. Она сама пела в знаменитом университетском хоре.

Если попытаться приоткрыть «секреты» научных достижений Верещагиной, то непременно возникнет сложная, но четко прослеживаемая их взаимосвязь с ее удивительной зрительной памятью и развитым воображением, умением мыслить образами, рождать неожиданные ассоциации. А ведь именно все это дарует и развивает искусство.

Разносторонность интересов ей представляется одним из главных качеств настоящего исследователя. «Умные люди не бывают ограниченными, — сказала она в одном из интервью. — Я горжусь тем, что все мои ученики, помимо «красных дипломов», обеспеченных умом и старанием, обязательно имели какие-то таланты, золотые руки, обладали поистине широким кругозором и интересны как личности...»

И Валентина Александровна с удовольствием рассказывает о таких своих выпускниках, как Маргарита Вишнякова

— ныне доктор наук, профессор, продолжающая сейчас научную карьеру, заведующая лабораторией в знаменитом ВИРе («умница, талант, пишет стихи, знает языки, вяжет прекрасно...»). Она восхищается даровитостью Николая Ускова: учась в аспирантуре, преподавал в школе. Научился вязать, шил себе для экспедиций замечательные штормовки. На кафедре отмечали праздники традиционным чаем с вкуснейшими тортами, испеченными молодым аспирантом, ставшим ныне в столице артдиректором салонов флористики «Время цветов». Как-то он прислал Валентине Александровне с трогательной дарственной надписью журнал «Цветы», где в рубрике «Персона» были помещены его статья и портрет.

Перелистывая глянецовые страницы, профессор Верещагина вспомнила свои «маршруты ботаника». Серьезные испытания ждали ее в последующих экспедициях. Печоро-Илычский биосферный заповедник был, что называется, у черта на куличках. Долгий путь до Ухты, оттуда — до Троицка-Печерска и Якши еще не означал прибытия на кордон. Двести километров на баржонке по половодью — их «десант» стремился к Шайтановке, на кордон, где сохранилась совершенно нетронутой северная тайга. К их жилью подбирались любопытствующие медведи, ворошили муравейники поблизости и, кто знает, не сопровождали ли неподалеку молодую женщину, ежечасно в течение суток обходившую в тайге свой участок. Верещагина тогда изучала суточную ритмику раскрытия насекомоопыляемых цветков. Особенно примечательным был этот процесс, описанный А. Н. Пономаревым в отношении злаков: буквально в считанные минуты все цветки, как по мановению волшебной палочки, раскрываются, ловя ветер, с помощью которого они опыляются.

Но изучаемые ею цветы раскрывались постепенно, в течение суток. И надо только представить, как днем и ночью по тропинке она ходила на свой участок в сто квадратных метров, где скрупулезно подсчитывала, сколько цветков раскрылось. Помечала их табличками, составляла графики.

Особенно страшно было ночью. Слабый свет фонарика только сгущал темень в таежной непролазности. И в этом напряжении провокационный беличий цокот над головой невольно пугал так, что душа уходила в пятки.

Еще страшней стало, когда из соседних ныробских лагерей летом 1964 года бежали, разоружив охрану, пятеро заключенных, осуждённых на длительные сроки. Округу подняли «в ружье». Прибывшие вертолетом на кордон конвойные рассказали, что четверо убийц взяли с собой заключенного с малым сроком с известной, мол, целью...

— Ну, а если они узнают, что тут такие девушки, — подогревали страхи солдаты, — то непременно сюда крюк сделают. Навестят. Готовьтесь...

А ее студенткам немногого для паники было и надо. С улыбкой вспоминает Валентина Александровна, как щадя одну из помощниц, не посылая ее ночью на контрольный участок, ходила сама, а та ее утром сменяла. Однажды ждала, ждала — нет сменщицы! Появилась днем:

— Валентина Александровна, я не смогла пройти на наш участок.

— Почему?

— Там коровы на тропинке были.

— Так обошла бы лесом.

— Я хотела обойти, а они головы подняли и наблюдают за мной!..

Развлекаться «страшилками» конвойным пришлось, впрочем, недолго. На кордон передали, что в тайге неподалеку засекали группу людей, разводивших костер. Подхватив автоматы, солдаты ушли в лес. А маленькая группа женщин стала ждать, кто появится теперь первыми — преследователи или беглецы?

Вернулись конвойные. Измученные марш-броском по дебрям, изъеденные гнусом. Девушки и сами страдали от мошкары и гнуса, закутываясь, как чучела, по глаза в платки и сетки. Поэтому с сочувствием слушали рассказ, как погоня обнаружила у костра... геологов. Причем в накомарниках — что особенно разозлило ребят.

Несколько дней тревожно прислушивались ботанички к треску моторов на Печоре. Дома здесь не запирались,

лодки не охранялись — беглецы вполне могли взять любую и уходить по реке.

Впрочем, не назовешь облегчением для них и поступившую весть, что пятерку обнаружили и расстреляли с вертолета.

В то время на Печору ссылали тунеядцев и нередко в деревнях их спрашивали: «Девки, вы тунеядки?..»

Научные маршруты становились и дорогами к постижению чего-то, может быть, даже более важного, чем то, что ложилось потом в отчеты, рефераты, гербарии, становилось материалом для диссертаций. Но цель, конечно, оставалась. Валентине Александровне в поиске одного из эндемиков — растений, обитающих только в одном месте — довелось два года ездить в Азербайджан, на границу с Ираном. Потом были и Стрелецкая и Ямская степи в Центрально-Черноземном заповеднике, Северный Кавказ и, конечно, родное Прикамье.

Когда листаешь книгу «Растения Прикамья» — учебное пособие, написанное ею в соавторстве с Н. Л. Колясниковой, зримо ощущаешь тот труд, который вложен в эти страницы простого и понятного юным читателям текста. «Зеленый покров Земли соткан из миллиона растительных организмов, среди которых только цветковых растений насчитывается более 250 тысяч, — говорится в «Введении». — ...Растения украшают нашу жизнь, они дают, по словам академика Н. В. Цицина, «невесомые полезности» — чистый свежий воздух, хорошее настроение, бодрость. Они радуют глаз многоцветьем красок, разнообразием форм и ароматов. Человек смог достичь современного уровня развития только потому, что ему сопутствовали растения».

Особое место уделено цветковым растениям, «располагающимся на вершине эволюционной лестницы». О переиздании этой книги уже давно говорят школьные учителя. Но, конечно, как ни првлекательна популяризаторская сторона науки, главное в ней — движение вперед, открытие новых рубежей в познании мира.

По скромности своей Валентина Александровна Верещагина не считает себя основателем нового научного направления.

«Но кое-что я сделала», — замечает она. «Кое-что» — это десятки научных трудов, имеющих важное значение. Учебники, пособия, методики, новые дисциплины, которые она читает.

Среди необъяснимых пока наукой явлений в мире растений ее интересовала проблема так называемой «мужской стерильности» цветков. Семяпочки нормально развиваются, растение может образовать семена, но собственная пыльца почему-то оказывается неспособной к этому. Генетические механизмы многих растений препятствуют самоопылению. Но что служит причиной появления дефектной пыльцы — мужской стерильности? Вопрос далеко не праздный, решение его выходит в сельскохозяйственную практику и имеет серьезное научное значение. Ведь явление может быть вызвано самыми разными причинами — прежде всего, на уровне тех генов, что отвечают за нормальное развитие пыльцы.

Какие мутации происходят? Ведь если поврежден, например, только один ген, то в популяции растений данного вида лишь ничтожная часть — около процента — начинает обладать признаком стерильности. Но когда повреждается несколько генов, доля растений с мужской стерильностью резко возрастает — до 50-60 процентов. Есть закон в генетике, по которому можно вычислить количество соотношений разных генотипов в популяции. Значит, по числу растений с признаками МС можно предположить, сколько генов контролирует именно этот признак, как оно генетически обусловлено и каким сочетанием генов вызывается.

Верещагина заглянула глубоко в процесс реализации этого явления: как поражение генов происходит на клеточном уровне, на каком этапе развития пыльцы это происходит. Когда и как ген выключает нормальную работу организма и как это происходит, если два и более генов взаимодействуют между собой?

Классические работы эмбриологов не были связаны с генетикой. А проблема, скрытая за завесой микромира, имеет важное значение для понимания процессов развития

живого не только в ботанике. Ломая перегородки между отраслями знаний, ученые выходят на новый уровень объективного постижения истины.

«Благодаря делению клеток, жизнь ухитряется обвести вокруг пальца само время», — утверждает Валентина Александровна. «Обмануть время» — это обмануть саму смерть. Трудно предугадать, как исследования Верещагиной отразятся на результатах того поиска, которое наука ведет в прекрасном и благородном стремлении помочь человечеству, если не в обретении бессмертия, то, по крайней мере, в обеспечении его здоровья, его питания, состояния окружающей среды.

Есть такой капитальный труд — шеститомная «Сравнительная эмбриология цветковых». В этом академическом издании есть доля пермского профессора В. А. Верещагиной. Занимаясь различными формами цветов, она сумела найти и описать НОВОЕ, включив в мировой научный обиход действительно оригинальный материал. В свое время В. И. Орел, обсуждая программу совместных с ВИРОм исследований, предложила: пусть ботаники Пермского университета займутся «дикарями», а ВИР продолжит исследования сельскохозяйственных культур.

— Эти усилия можно и должно будет объединить, — говорила она, — ибо среди дикорастущих обязательно существуют растения, которые смогут пойти в селекцию и обогатят ее новыми формами и свойствами, которые мы не можем пока даже предположить...

Два десятка лет Валентина Александровна вела с ВИРОм совместные исследования, прокладывая путь в будущее. И если по программе «Люцерна» защищены три докторские и три кандидатские диссертации, то две из них защищены именно в ИГУ. А результаты исследований по люцерне докладывались на 7-м Международном конгрессе по репродуктивной биологии в Голландии. По репродуктивной биологии защищено 9 кандидатских диссертаций: объектами изучения стали различные виды люцерны, декоративные растения, дикорастущие представители местной флоры, редкие и исчезающие виды...

В 1988 году, после выхода в свет первого издания книги «Растительный мир Прикамья», она послала экземпляр дорогому ей человеку — своему школьному учителю литературы Валентину Сергеевичу Ермолаеву. Этот много переживший, подвергавшийся необоснованным репрессиям человек, злой волей заброшенный в их глубинку, имел светлую и чуткую душу. И как он учил!..

Напутствуя своих ребяташек перед летними каникулами, Валентин Сергеевич давал задание — «Напишите мне письмо. Хотя бы одно. Но обязательно. И — обязательно с вашими живыми наблюдениями, размышлениями».

И они писали, учась не просто грамоте и изложению впечатлений, а чему-то несоизмеримо большему, к чему их подталкивал добрый гений учителя, сумевшего в обычной школе организовать издание литературного журнала «Зарницы».

«Написали? А теперь беритесь за одноактную пьесу. Тема любая. Сюжет — какой понравится. Но сначала давайте пойдем некоторые секреты драматургии. И обязательно займемся теорией стихосложения...»

Он сам писал стихи, легко, свободно. Как поет птица. Как естественно и непринужденно звучит русская речь в устах наших бабушек. И на выход в свет книги он написал бывшей ученице такое послание:

«Читал я книгу... Что сказать? Мудра, щедра природа-мать: зеленый лист, луга и лес — землянам щедрый дар небес. И нам его хранить, беречь — о том и в книге вашей речь.

Красив ландшафт в верховьях Камы, пейзаж — пером не описать!.. Там у меня могилу мамы, увы, уже не отыскать... Мы жили в лагерном загоне, где голод нас и тиф косил, вповалку спали на соломе. И выжили — хватило сил.

Все помню, помню — и леса, и разнотравия краса, и даль таежная в тумане... И грустно, горько вспоминать незабываемые годы тех бед, обид и несвободы. Но если б не больные ноги, не усидел бы я в берлоге и с вашей книжкой под мышкой еще не раз бы посетил знакомый край, где жил мальчишкой...»

Валентина Александровна бережно хранит эти незамысловатые строчки и письма от учителя, дающие ей какое-то особенно глубокое ощущение родной земли, Родины. Ведь как бы ни был труден путь и как бы ни была тяжела жизнь, оно всегда согревает человека, множит в нем творческие силы.

«Людей отучали владеть землей, — сказала как-то в беседе Валентина Александровна. — А заботиться по настоящему можно только о том, чем владеешь. Что доподлинно и глубоко знаешь. И мне хочется заронить в молодежь зернышки любви и знаний».

Знаний и любви...

На первый взгляд судьба профессора Верещагиной кажется вполне безоблачной и благополучной. Надежная любящая семья всегда была ей крепким тылом и основой жизненных и научных успехов. Она всегда считала себя крепким человеком, с устойчивой нервной системой, закаленной нелегким детством и различными испытаниями. А они были и есть. И стоит рассказать, о том, что произошло, когда ей довелось пережить одну из самых трудных страниц своей университетской жизни.

Но сначала была... Голландия и книга. Появившаяся, как некогда справочник, словно дар небес, для того чтобы изменить в чем-то ее судьбу. Это был подарок Тамары Наумовой, доктора наук, коллеги, с которой ее до сих пор связывает многолетняя дружба. Тамара перевела на русский язык труд фитодизайнера Аад ван Уффелена по искусству аранжировки цветов.

Перелистала — Господи, как здорово! Хочу так же!.. И — все лето посвятила изучению этой книги, да не просто усвоению, а, как привыкла по жизни, своими руками все попробовала. И тут вдруг попадаете ей на глаза объявление о международном фестивале аранжировки в Новосибирске под звучным названием «Сибирь цветущая». Позвонила организаторам — «Можно?..»

В Академгородок приехала со своей пробной композицией. Но дела в Перми — сессия, экзамены, кафедра — торопили ее с отъездом. Что успела — из работ — посмотрела. Показалась интересной и своеобразной деятельностью

знаменитых зарубежных аранжировщиков и судей — англичан, французов, японцев...

Когда устроители хватились, автора отмеченной оригинальной работы уже не было на фестивале: в Пермь через некоторое время ей прислали диплом и приз. Она стала членом «Артфлоры».

Вот и увяз коготок...

Наступление нового тысячелетия манило поисками каких-то новых горизонтов: а почему бы на факультете не создать школу дизайна?! Университетские ученые — специалисты, знатоки и искренние любители растительного мира — кому как не им укрепить в Перми это направление — вплоть до тонкостей ландшафтного дизайна и искусства составления букетов и композиций, такого популярного в цивилизованном мире!

Не все, однако, получается так, как хочется. Не привыкшая искать в неудачах иные причины, кроме собственных недостатков, Валентина Александровна не сетует на нехватку веры и энтузиазма у некоторых коллег. Но — дело пошло не совсем так, как ей мечталось...

Она стала искать пути к совершенству в аранжировке. Стремление это привело профессора Верещагину в Москву в Международную школу флористов-дизайнеров. Потом — участие еще в одном конкурсе. И еще в одном... Прибавлялись и знания, и опыт, и контакты множились в новой для нее сфере. Но главными, конечно, оставались родной университет, коллеги, студенты — ее работа, ответственная должность заведующей кафедрой...

Из песни слов не выкинешь: Валентина Александровна почувствовала в какой-то момент необходимость более критично оценить не всегда желанные ей перемены в атмосфере на кафедре. Научный мир не изолирован. Крутое рубежное время перемен в стране и обществе что-то неизбежно меняет и в людях — в их отношении к делу и коллегам. Университет — особое место, здесь связь поколений естественна и органична по определению, но также, почти неизбежно, каждое из поколений педагогов и студентов привносит в жизнь вуза, его кафедр что-то свое, может быть, не всегда полностью приемлемое для ветеранов.

Как бы то ни было, профессор Верещагина принимает решение не участвовать в конкурсе на замещение должности заведующего кафедрой. Должности, которую она в течение многих лет занимала по праву и оправдывала с честью. Как далось и чего стоило ей это решение — разговор особый. Достаточно сказать, что она до сих пор волнуется, не желая вспоминать ту нелегкую для нее ситуацию. А тем более — обвинять кого-то...

Произнося слова «дело жизни», мы не всегда улавливаем суть этого привычного выражения. И только на изломе судьбы, в условиях внутреннего или внешнего конфликта, отчетливей понимаешь первоосновную важность и «дела», и «жизни» — в их неразрушимом сочетании.

И когда обеспокоенный известием ректор пригласил Валентину Александровну на разговор, она уже понимала, что ни при каких обстоятельствах не способна бросить «дело» — своих учеников, аспирантов, кандидатов, которые немалым числом находились под ее руководством и опекой. Не бросит родной вуз и не оставит свой любимый «ботанический коридор» в старом корпусе. Эти стены и еще сохранившие ауру первых университетских лет генкелевские комнаты и лаборатории, куда она приходила сорок с лишним лет, не могли быть оставлены ею. Но разговаривать на эту тему она тогда просто не могла. В эти не самые легкие для нее часы жизни Верещагина перебирала книги по теории дизайна, учебники и журналы по цветочной аранжировке и готовилась к решительному шагу.

Ректору она сообщила, что должна срочно ехать в Москву. Уже был взят билет на поезд.

— По возвращении нам обязательно надо встретиться и все обсудить, — согласился Владимир Владимирович Маланин.

И она уехала. Навстречу чему-то очень новому и очень важному в жизни. Как стремилась когда-то из Пожвы в Пермь, в университет, потом — в экспедиции, в МГУ, в Ленинград, а позднее — на стажировку в Оксфордский

университет... Валентина Александровна Верещагина абсолютно точно знала, вновь уезжая на учебу к знаменитой Моник Готье, что обязательно возьмет и эту высоту.

И она достигла желаемого — стала участником 7-го Всемирного фестиваля конкурса аранжировщиков цветов в Шотландии.

Участие в международных конкурсах, безусловный авторитет в России, открытость и благожелательность к людям, постоянное желание учиться новому, умение радоваться открытиям и находкам других — привели ее через несколько лет в «отряд особого назначения». Оргкомитет 8-го Всемирного фестиваля-конкурса работ аранжировщиков цветов пригласил Валентину Александровну в состав международного жюри: одну из четырнадцати судей. Единственную — от России.

Япония осталась в воспоминаниях ярким калейдоскопом лиц, событий, волнений судейства, обилием ярких цветочных композиций, ощущением бесконечной талантливости людей, умеющих видеть и создавать истинную красоту.

Вот говорят: «не бойтесь жизнь переменить!» Профессор Верещагина могла бы в полной степени отдаться так счастливо обретенному творчеству, которым так или иначе занималась, по сути, всю свою предшествующую жизнь. В рабочем столе — готовая оригинальная книга, настоящая популярная энциклопедия о цветах — ждет издателя. На даче — удивительное разнообразие растений, восхищающее гостей. Дети и внуки радуют своими успехами. Как говорил ее киношному однофамильцу некий персонаж: «Что еще надо, чтобы встретить старость?!»

А она не умеет, не хочет сдаваться годам и обстоятельствам. Перемены для Валентины Александровны не самоцель и не панацея: это неперемное условие ее существования как личности. Университет помог окрепнуть и сформироваться лучшим ее чертам ученого, человека, который привык добиваться эталонных результатов в любом деле. Ее главное призвание и талант реализовались здесь.

И разве могла она оставить вуз, ради успеха ради увлечения, подарившего ей столько замечательного и радостного?..

Валентина Александровна просто продолжила в университете свою главную работу, начатую сорок лет назад.

Валентина Александровна ВЕРЕЩАГИНА.

Родилась 22 февраля 1937 года. Выпускница Пермского университета. Доктор биологических наук, профессор.

С 1983 по 1989 годы — декан биологического факультета ПГУ.

Действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. Заслуженный работник высшей школы РФ.

Автор более 100 научных работ и учебных пособий, в том числе с грифом Министерства образования и науки.

Председатель совета по защите докторских диссертаций.

VIVANT PROFESSORES!

**ГЛАВА ПЯТАЯ.
НА ВСЕ ВРЕМЕНА**

Он был рабочим, учителем, солдатом, ректором. Ученым остается по сей день. В университетском телефонном справочнике — отдельная строка: «кабинет В. П. Живописцева».

В канун 90-летия профессора Виктора Петровича Живописцева к нему пришли брать интервью.

— Ну что же, — улыбнулся он. — Есть повод вспомнить биографию, с детства...

Его мама была учительницей. Отец работал там, куда пошлет партия. То упорядочивал торговлю, боролся с нэпманами, то работал на железной дороге, а выучившись на юриста, работал в прокуратуре.

«Отец постоянно учился», — вспоминает Виктор Петрович.

Именно отец посоветовал по окончании семилетки поступить в ремесленное училище, быть ближе к рабочему классу. Однако пареньку не давались тонкость и филигранность работы лекальщика — вырезать деталь и отшлифовать её с точностью до долей миллиметра. В один прекрасный день наставник сказал ему, мол, вряд ли он когда-нибудь станет хорошим специалистом — «не та натура», и посоветовал сматываться, пока не поздно — «идти в интеллигенцию».

После некоторых раздумий поступил он в Оханский педагогический техникум. Тут тогда и семья жила — отец получил назначение, да и профессия учителя вызывала у Виктора Петровича большое уважение, ведь он видел, как работает его мать, ставшая, кстати, заслуженным учителем РСФСР.

— Жили трудно, — вспоминает В. П. Живописцев. — Денег на содержание техникума не выделялось. Сами и овощи выращивали, и на лесоповале работали.

Страшно даже подумать, как мы, бригада из четырех подростков, справлялись с такой тяжелой работой. Но никто не жаловался. Таким было наше поколение, несмотря на голод и разруху. Ведь мы видели реальные изменения в жизни — возводится ДнепроГЭС, поднимается Магнитка... Такова была черта молодежи того времени — все делать сообща и не жалуясь. Мы, действительно, мечтали построить новый мир...

Надо признать, что как бы ни были пафосны эти слова, это чистая правда.

Учебу в техникуме Виктор Петрович вспоминает как самый голодный период жизни. Питание было организовано на 60 копеек в день. Что можно было приобрести на эти деньги? Мечтой его было купить у грузчиков буханку хлеба за три рубля и съесть ее тут же, разом.

Несмотря на трудности, находились силы и, главное желание жить, учиться, интересоваться всем происходящим вокруг и в стране в целом.

— Наверное, и общественником были? — спрашиваем Виктора Петровича.

— Конечно. Мы, студенты техникума занимались с неграмотными. Помню эту надпись на доске: «Мы не рабы, рабы не мы». Помню, какое необыкновенное чувство испытываешь, когда твой ученик, взрослый человек, но еще вчера неграмотный, может что-то прочесть. Позднее, в годы учебы в университете, я любил читать лекции от общества «Знание» в рабочих общежитиях...

И эта «общественная жилка» сохранилась в нем. Еще будучи студентом, он был избран в районный совет народных депутатов, а весь депутатский стаж Живописцева насчитывает 13 лет. Был делегатом XXIV съезда КПСС и XVI съезда профсоюзов...

А пока, окончив Оханский техникум, Виктор Петрович начал свою педагогическую деятельность. Крайне малая разница в возрасте с учениками (учителю всего 17) способствовала тому, что отношения складывались хорошие, однако не панибратские. Он завоевал авторитет у своих учеников и совсем было решил посвятить себя

преподавательскому делу, как очередным решением правительства выпускникам средних специальных учебных заведений (но только отличникам) было разрешено поступать в вузы без отработки. Виктор Петрович решил рискнуть и пойти в университет. Почему рискнуть? Да потому что знания по физике и по химии — предмету, столь любимому им в детстве, но заброшенному в последние годы (ведь после школы были ремесленное училище, рабфак, авиационный техникум, педагогический техникум) — на университет явно не тянули.

— Математику подготовил самостоятельно. С физикой возникла проблема, — вспоминает Виктор Петрович. — Речь шла не только о сумме знаний, заложенных в учебнике, но и о лабораторных занятиях, которые мне не довелось пройти в должной мере. А сдавать экзамен довелось самому Ивану Петровичу Мерзлякову. Он внимательно вытерпел мое «плавание», посмотрел испытующе и неожиданно спросил:

— Вы очень хотите учиться в университете?

Что я мог ему ответить? Рассказать, как дома из небогатых подручных средств соорудил собственную химическую лабораторию и какое это было счастье, когда достал немного серной кислоты, из которой мог получить другие, нужные для опытов, кислоты? Как наподобие средневекового алхимика смешивал различные вещества в наивной надежде открыть что-то новое? Или — рассказать о том, как прочел в газете э строительстве «республики химии» на Верхней Каме?.. Но ничего этого я не сказал, только прошептал: «Очень...»

Этот эпизод запомнился на всю жизнь и я нередко повторяю студентам, что пробелы в знаниях — не самое страшное, если есть упорство в достижении цели.

Из студенческих лет Виктору Петровичу больше всего запомнилось уважительное отношение преподавателей, прежде всего старых профессоров, к молодежи. В этой сердечности и заботливости не было ничего показного или заискивающего. В этой «норме отношений» просматривалось глубокое понимание профессурой того, какое значение имеет воспитание университетской

преемственности, наследование традиций русской высшей школы. Старшие поколения стремились не только неформально передать знания и опыт, но и показать романтику поиска, постоянно подчеркивая, что «удовлетворенность ума — признак его ограниченности».

Годы студенчества памятны Живописцеву и особой духовной атмосферой. Студенты по долгу и велению сердца становились агитаторами, лекторами, пропагандистами, ликвидаторами неграмотности. Виктору был доверен участок возле вокзала: в бараки он приходил агитатором, но приходилось становиться и учеником: люди не только спрашивали, но и обсуждали многое из тогдашних событий, что помогало юноше понять их суть.

Учился он отлично. Тут уж никто не делал поблажки, да и незачем было: студенты занимались с огромным интересом. Виктор Петрович получал одну из двух имевшихся тогда в университете именных стипендий. Счастливым было время!..

— Да, нас учили настоящие ученые! — глаза Виктора Петровича теплеют от воспоминаний. — Всю душу отдавали науке и нам, студентам. Были и недовольные советской властью и за это к нам, на Урал, сосланные. Но ведь не для власти — для науки, для нас, студентов, работали эти много пережившие люди.

Столкнувшись с различными взглядами на мир, Живописцев увлекся в годы учебы философией настолько, что временами и о химии забывал. Диалектика Гегеля — вот что его занимало. Закон единства и борьбы противоположностей. Умение мыслить противоречиями, воссоединять несоединимое... И впоследствии, при выборе темы исследований, он изучал не вещества кислотного или основного характера, а синтезировал соединения, которые одновременно являются и кислотами, и основаниями (амфотеры).

Виктор Петрович приводит слова Мишеля Монтеня: «Пример — зеркало довольно неясное: все в него смотрятся и все, что угодно в нем видят».

— Когда меня спрашивают, кто послужил мне образцом в жизни, в научной деятельности, обычно ограничиваюсь словами, что от многих, мол, брал понемножку.

И это в общем-то правда. Но был человек, который произвел на меня в университете совершенно особое впечатление — профессор Дмитрий Мильтиадович Марко. Поступал-то я на специальность «Неорганическая химия». Но лекции профессора Марко были настолько блестящи и увлекательны, что я стал химиком-органиком. Меня привлекли в этом ученом огромная эрудиция, культура, интеллигентность. Это был настоящий энциклопедист, ученый с оригинальным, смелым мышлением. Привлекали его остроумие и врожденная деликатность — он никогда не акцентировал невольные промахи учеников. Так, тяга к общению с интересным культурным человеком стала важным импульсом к избранию специальности, хотя, конечно, меня не надо было воодушевлять на занятия химией...

После окончания вуза мечтой его было остаться на кафедре органической химии, на которой учился и где работал его научный руководитель. Однако вакансий на этой кафедре не оказалось. Чем заниматься, куда пойти? Свободное место нашлось на кафедре аналитической химии, и завкафедрой вместе с женой пришли как-то вечером к Живописцевым домой: «Оставайся на нашей кафедре. Занимайся чем хочешь. Со временем научный интерес твой сформируется».

Так и получилось. Кафедра была создана в 1932 году, за пятнадцать лет устоялись прекрасные традиции. Исследования, проводимые здесь, были тесно связаны с запросами народного хозяйства, помогали при изучении минерально-рудных богатств, в разработке новых методов анализа и внедрения их в практику заводских лабораторий. В этот период шло изучение влияния йодобромных и сероводородных вод на организм человека, на основе которых создан курорт «Усть-Качка». Занимались изучением медистых песчаников с разработкой технологии выделения меди. Работы эти прежде всего связаны с именем профессора Г. Г. Кобяка, бессменно руководившего кафедрой на протяжении почти сорока лет.

Впоследствии одним из направлений научной работы кафедры стало применение в анализе органических реагентов, что оказалось весьма перспективным и плодотворным. А в 1961 году при кафедре была создана отраслевая аналитическая лаборатория с целью синтеза новых реагентов. И руководство этой лабораторией доверили Живописцеву...

А пока новый ассистент читал лекции, занимался со студентами. С темой исследований Виктору Петровичу пришлось определяться самостоятельно. Но тут пришло время служить в армии. Это был предгрозовый 1940 год...

И оказался пермяк на Дальнем Востоке, где обстановка уже была очень напряженной. Служил в инженерном батальоне: сначала рядовым, потом получил офицерское звание. Там война его и застала. Служил сапером, химиком, закончил службу в должности начальника окружной лаборатории Приморского военного округа. Об этих годах рассказывает сдержанно: на фоне испытаний и героизма всей страны личные тяготы и события кажутся несущественными. По письмам родных и друзей из Перми он знал, как нелегко живется даже в глубоком тылу, но то, что университет продолжал занятия и даже в суровом 42-м году состоялся выпуск специалистов, радовало его, вселяло оптимизм.

Служба оказалась довольно долгой. Только в 1946 году старшего техника-лейтенанта Живописцева демобилизовали. Волнуясь, шел он на Заимку. Увидел знакомые здания университета — и сердце забилось радостно и тревожно: «Кого из друзей недосчитаюсь, как встретит альма-матер?»

«Студенческая форма» тех лет — почти сплошь гимнастерки. Да и не только студенты — многие преподаватели донашивали еще армейскую одежду. Запомнилась приподнятая атмосфера того времени: счастливые встречи, горечь утрат — все смешалось. Университет только возрождался к мирной жизни. Выезжали временные постояльцы из числа эвакуированных учреждений. Ремонт аудиторий и лабораторий делали сами. Не хватало оборудования и реактивов, чтобы вести занятия и исследования...

Случилась тут история, может быть, несколько легендарная, но объясняющая многое в дальнейшей научной биографии Виктора Петровича. Дело в том, что в годы войны химические реактивы складировали в малоподходящем для хранения помещении. С банок и склянок этикетки отклеились или пожухли, расплылись до полного непрочтения чернила на указателях. Реестра никакого не составляли. Найти нужный реактив было практически невозможно, что для химиков было просто обидно: иметь дефицит при «наличии»...

Вот и нагрузил на себя вчерашний лейтенант «особо важное задание» — определить, что же все-таки хранится на складе и нельзя ли это богатство вернуть в лаборатории? Но это легко сказать! А как узнать, что это? На вкус и цвет?

Можно смело сказать: это испытание стало импульсом к становлению настоящего химика-аналитика. Как говорится, жизнь заставила его искать нетрадиционные методики анализа по широкому спектру химпрепаратов. Напряженный труд дал результат — университетские химики получили реактивы, а в полку исследователей прибыло.

Напряженно трудились тогда не только в самом вузе: ПГУ завел подсобное хозяйство — огороды в Балатово, там, где ныне широко раскинулись улицы и проспекты Индустриального района. Физический труд умственному помехой не оказался. Аудитории, где в годы войны слушали лекции по два-три человека, заполнялись. Возрождались факультеты и кафедры. Этот созидательный настрой помогал преодолевать любые трудности.

В Живописцеве в это время раскрылся еще один талант — лектора. Он мог очень доступно, практически «на пальцах» объяснить любую тему. Студенты слушали его, раскрыв рты. Речь простая и понятная, образная, не перегруженная терминологией. Студентам было просто готовиться к экзамену, поскольку на лекциях было все до мелочей разъяснено. Генетически ли передался этот дар или сказала практика, полученная в школе,

базовая педагогическая подготовка?.. Юношеское желание Виктора Петровича стать настоящим учителем реализовалось, и его радовало, что общение с аудиторией складывается. Одновременно шла работа над кандидатской диссертацией. Одним из направлений работы Виктора Петровича было исследование химических реагентов — пиразолонов — и их использование. В лаборатории, которой он руководил, велись исследования производных пиразолона, закономерностей их комплексообразования с неорганическими ионами. Это и физико-химический анализ многокомпонентных систем с расщеплением позволили разработать новые методы анализа ультрамалых количеств элементов примесей в материалах. Были намечены пути использования этих методов в технологии получения высокочистых веществ, предложены новые методы анализа большой группы редких и ценных элементов. Так получила, может быть, несколько неожиданное, продолжение эпопея с перемешанными на складе реактивами...

И в дальнейшем научные интересы — докторская диссертация, научная школа, сложившаяся под руководством В. П. Живописцева — охватывают эту наиболее перспективную и важную область аналитической химии — применение органических реагентов для анализа неорганических веществ. Поиск ранее не известных органических реактивов продолжался, и большинство из них внедрено в производство.

— Тогда было однозначное требование к науке — она должна работать на производство, давать реальную отдачу. В это время в стране стали создаваться совнархозы, в задачу которых входило объединение под единым руководством трудовых коллективов различных отраслей. Доказать, что в составе совнархоза просто обязана быть областная отраслевая лаборатория на базе Пермского университета, было непросто, но, в конце концов, получилось, — вспоминает Виктор Петрович.

Эта лаборатория успешно работала и на производство, и на науку. Молодые кадры проводили исследования по темам уже намеченных диссертаций. Но... накатила волна

ликвидации совнархозов, и лабораторию решено было закрыть. Однако помог случай.

В Москве, куда Виктор Петрович приехал отстаивать право своего коллектива на существование, он, как обычно, купил «Правду», прочел передовицу. Статья была посвящена как раз таким научным лабораториям при совнархозах, которые, якобы, не оправдывают себя, малоэффективны и т. п. Однако, отмечала газета, есть коллективы, которые добились существенных успехов, работали весьма эффективно. И среди двух «положительных» примеров была названа и наша, пермская.

Виктор Петрович почувствовал еще большую уверенность в своей правоте. И в Министерстве химической промышленности, где он доказывал необходимость сохранения лаборатории, решающим аргументом стала... статья в «Правде».

Потом, за долгое время работы на руководящих постах, у Живописцева выработался свой стиль общения с властями.

— Да уж, научился. Где-то схитришь, где-то пойдешь напролом. Главное — видеть цель и добиваться ее. Я и ректором-то согласился стать, чтобы построить родному факультету отдельный корпус. Это было моим условием...

В те годы ректоров назначали.

А перед этим было выдвижение факультетами и кафедрами кандидатур. Фамилию Живописцева назвал его учитель, профессор Иван Иванович Лапкин. Виктора Петровича поначалу такое предложение несколько смутило. Университет — огромный живой организм с давно сложившимися традициями, сформировавшимися научными школами и направлениями. Было ясно, что задача ректората была не в том, чтобы указывать людям, что делать, а улучшать условия для работы.

Условия эти на рубеже 60-х были явно не блестящие. Площадей — научных и учебных — было в два раза меньше, чем полагалось по норме. Могло выручить только новое строительство. И тут, подумав, Живописцев дал согласие, но с «условием»: начать строить новые корпуса,

в первую очередь — химфак. Факультет, разбросанный по всем корпусам, с запахами реактивов создавал там «особую атмосферу».

За саму должность ректора он не держался, о чем свидетельствует одна интересная история.

После утверждения в ЦК КПСС новоиспеченного ректора пригласили в министерство, чтобы поздравить. А заодно ознакомить с планами строительства нового корпуса в... следующей пятилетке.

Но ведь только началась эта пятилетка! Сколько еще придется ждать пермскому вузу? Виктор Петрович бросил новенькое удостоверение на стол: «Мы с вами так не договаривались».

Что делать? Ректор утвержден самой верховной парт- властью! Пришлось министерству изыскивать резервы, перекраивать планы.

— Первые два года отношения у меня с начальством были очень непростые. Там, наверху, на меня очень злились. Можно представить, что им высказали те организации, кому отказали в новом, уже утвержденном строительстве!

Но корпус в ПГУ начали строить, и чуть ли не по каждой детали требовалось вмешательство ректора. То надо согласовать проект, а Виктор Петрович уже твердо знал, что корпус следует построить круговым, чтобы в коридорах было светло. То выясняется, что из кирпича строить запрещено — только из панелей. И снова надо доказывать, что у нас край суровый, значит, корпуса, возводимые на долгие годы, должны быть теплыми.

А уж корпус для экономического факультета вообще построен в то время, когда любое новое строительство в вузах было запрещено. Единственное, что еще как-то финансировалось — это строительство школ. Вот эти- то лимиты и выпросил ректор Живописцев у облисполкома. Что можно построить на полсотни тысяч? Только «зацепиться» за площадку. Но ведь, рассудил ректор, планы в СССР принято перевыполнять! Вот в первый год на строительстве экономфака и сумели освоить аж полмиллиона рублей! И на следующий год то же самое...

Строителей уговорили пойти навстречу университету: они работали как бы в долг. Да и студенты помогали — стройка была объявлена ударной комсомольской. Министерству ничего не оставалось, как долги эти погашать...

Дом культуры — вообще история отдельная. Ни в одном вузе страны, кроме МГУ, таких корпусов не было. Но Виктор Петрович, зная, с каким усердием и удовольствием занимаются самодеятельностью студенты, твердо решил строительства ДК добиться. Дошел до приемной самого М. А. Сулова, которого в высших партийных структурах считали «серым кардиналом».

Виктор Петрович умел «решать вопросы» в кабинетах самых высоких начальников. Ему, ректору вуза, в приеме отказать никто не мог. А уж убедить принять «нужное» решение — это и была задача Виктора Петровича. Этому он научился. И подтверждением тому — рост университетского городка. И не только...

— Сегодня, когда я прохожу мимо студенческих общежитий. на Хохрякова, — говорит Виктор Петрович, — у меня теплеет на душе. Я очень рад, что у нас получилось их построить так близко от университета. Это было очень непросто, зато каков результат!

Но для ректора строительство, возведение новых корпусов — забота важная, но все же не основная. Главной заботой был огромный коллектив преподавателей и студентов. Есть повседневные заботы, показатели, социалистическое соревнование (по-нынешнему, рейтинг), наконец. Пермский университет котировался всегда достаточно высоко. А в 1978 году коллектив ПГУ был награжден переходящим Красным Знаменем Совета Министров РСФСР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ как победитель всероссийского соцсоревнования. И в этом — большая заслуга ректора Живописцева.

В годы, когда гремел призыв «Наука — производству», он сумел грамотно распределить силы всего университета, чтобы и производству помочь, «повысить внедряемость», и фундаментальные исследования сохранить: ведь он убежден, что университет — в первую очередь храм науки. Надо сказать, что в то время в университете существовало около четырех сотен научных тем.

Все ли они перспективны и продуктивны? Был взят курс на создание коллективов, ориентированных на решение актуальных, крупных проблем. Что-то требовалось сконцентрировать за счет объединения мелких тем. Что-то приходилось и ломать, настаивать на том, что если, к примеру, завкафедрой возглавляет исследования по какой-то проблеме, то сотрудники должны обязательно в эту тематику включаться. Надо было помогать перспективным направлениям с оборудованием и финансированием. Этот процесс под руководством ректората возглавили ученые советы факультетов и университета. Встал вопрос о создании межкафедральных, межфакультетских объединений, сосредоточенных на главных целях и крупных проблемах. Было очевидно, что изучение, скажем, водохранилищ открывало широкий фронт исследований не только перед гидрологами, но и биологами, химиками, физиками, представителями других отраслей знаний. Вот такую работу и возглавил проректор по научной работе Игорь Александрович Печеркин...

С особым вниманием относился Виктор Петрович к подбору высококвалифицированных кадров. Приглашал на работу в университет ученых из разных уголков страны. Не жалел времени и сил на кропотливую повседневную, индивидуальную работу с людьми, заботясь об их будущем и настоящем, чтобы каждый мог раскрыть свои способности. Внимательно присматривался к «потенциалу» — перспективным молодым исследователям и организаторам. Нынешнего ректора Владимира Маланина в октябре 1983 года он назначил после Игоря Александровича проректором по науке, несмотря на его молодость. Потом Маланин сменил Виктора Петровича...

Вот интересно: как происходит «смена караула» в ректорате? О чем говорят и чего желают друг другу ректоры — бывший и новый? Что обсуждали, например, в 1987 году Виктор Петрович Живописцев и Владимир Владимирович Маланин? Говорили ли о своих корнях?

Любопытно, что оба ректора юные годы, хоть и в разное время, провели в Кунгуре: Живописцев окончил там семилетку, Владимир Владимирович учился в техникуме. Их мамы — учительницы средней школы.

Отцы — из породы беззаветных тружеников. Если поискать — наверное, немало еще чего общего можно отыскать в их судьбах. Потому что настоящая преемственность — это не передача бумаг и «аппарата». Это — глубинная связь времен, реализуемая через людей с «одной группой крови», похожим мировосприятием, общими базовыми ценностями и главными целями. Их обоих с юности влекло к естественным наукам и, придя в Пермский университет, они навсегда посвятили ему свою жизнь.

90-летний юбилей ПГУ Виктор Петрович обогнал на год, он уже сделал первый шаг к столетию. В университете Живописцев живет с 1933 года. Не просто учился, не просто работает, а именно живет. Правда, с перерывом на войну. Здесь его второй дом, а может, и первый. Ведь и жена его Зоя Дементьевна Филиных — университетский человек, она проработала директором библиотеки почти сорок лет! У них в жизни было много радостного и горького, друзей и оппонентов, удач и трудностей.

И один университет, где осталось все ими сделанное. На все времена...

Виктор Петрович ЖИВОПИСЦЕВ.

Родился 22 сентября 1915 года.

Выпускник Пермского государственного университета. Доктор химических наук, профессор. Опубликовал более 300 научных статей. Им получено 56 авторских свидетельств на изобретения. В течение 17 лет (1970-1987) был ректором ПГУ.

Награжден четырьмя орденами и шестью медалями. Почетный работник высшего образования России.

VIVANT PROFESSORES!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Характер человека, если и меняется со временем, то не принципиально. Удивительно, но личности многих ученых, о которых рассказывается в этой книге, при всей их непохожести, объединяют очень простые черты: словно само время легло отпечатком на их судьбы и характеры.

Но вот — совсем особый случай...

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный профессор ПГУ, создатель известной в стране и за рубежом пермской школы стилистики Маргарита Николаевна Кожина — человек очень трудной судьбы. При этом она действительно выдающийся исследователь.

Один перечень ее научных публикаций, а их более двухсот, занимает двадцать страниц текста, набранного мелким шрифтом. Еще до окончания в 1948 году историко-филологического факультета в году она раз и навсегда связала жизнь с лингвистикой и Пермским государственным университетом.

Когда Рита Кожина была школьницей, она и предположить не могла, как сложится ее судьба. Тем более, даже и не мечтала о научной карьере. Скорее всего, наука казалась ей чем-то очень далеким, отстраненным от жизни. А может быть, просто не задумывалась о том, что же это такое — наука. Но уже тогда в характере закладывались главные черты будущего создателя новой научной школы с мировым именем.

И простым стечением обстоятельств это не объяснить.

Ей были дарованы, а может, больше — воспитаны главные свойства, без которых настоящих «людей науки» просто не бывает.

Во-первых, — трудолюбие. Не случайно Маргарита Николаевна до сегодняшнего дня называет себя «трудоголиком». Рабочий день протяженностью 15-16 часов — для нее норма. И так повелось со студенческих времен. Бывало, библиотекарям приходилось чуть ли не силой выгонять Риту Кожину из читального зала после закрытия. Читала много и жадно, чуть ли не всё подряд — мало ли что пригодится в жизни. А сегодня ее публикации в научных залах стали едва ли не самыми востребованными для лингвистов всех мастей — от студента до академика.

Во-вторых, — умение основательно размышлять над решением научных проблем (и не только их), без спешки и суеты. Даже сегодня, когда задаешь ей простые житейские вопросы, она отвечает: «Не могу ответить сразу, надо подумать». Это качество отличает настоящего профессионала от дилетанта-сорохвата, у которого на всё есть готовый ответ. Культура мышления для Маргариты Николаевны — один из китов научной работы. Да и в жизни в целом — тоже.

В-третьих, что несколько парадоксально, — созерцательность. Бытует мнение, что в современной большой Науке это качество для исследователя, как бы, противопоказано. Но даже из него Маргарита Николаевна умеет извлечь что-то очень важное и нужное. Для нее интуиция, базирующаяся на созерцательности, на бессознательном освоении истины, — одна из главнейших составляющих научного творчества. И не только научного. Когда-то она вполне серьезно занималась музыкой, театром и художественным словом. А без интуиции, творческого полета и озарения никакая форма творчества в принципе не возможна.

Но что же главное в личности? Вопрос, наверное, останется без ответа, ибо иерархия качеств характера, определенно, не важна. За долгую жизнь они становятся сплавом, где все неотделимо друг от друга. Вероятно, поэтому для многих, кто давно знает Маргариту Николаевну Кожину, она практически не изменилась. Может, только стало больше беспокоить ее быстрота текущего времени: успеть бы закончить еще одну из важных в жизни работ — новый учебник по стилистике русского языка.

— Вообще-то он будет издаваться как переработка предыдущего издания, — уточняет Маргарита Николаевна, — Но по сути — почти полностью новый. Поэтому у меня сегодня каждая минутка на счету, отвлекаться на разговоры не могу. Кто знает, сколько времени Господь отвел...

В университете знают, что тяжелый недуг (миопатия) практически приковал ее к домашним стенам. Меньше осведомлены о подробностях, о причинах болезни, потому что Маргарита Николаевна не хочет комментировать ситуацию. Как человек по настоящему стойкий, она не любит жаловаться, сетовать на обстоятельства, находя в их преодолении еще одну свою «движущую силу».

А ноги стали постепенно отказывать после одной из диалектологических экспедиций, где она была руководителем: на севере Пермской области по пояс в холодной камской воде пришлось тянуть к берегу лодку с тремя девчонками. И не нашлось никого, кто бы смог или захотел помочь молодой женщине. Оно и понятно, настоящий мужчина среди студентов-филологов — редкий зверь. А в диалектологических экспедициях комфорт на уровне деревенской избы с удобствами во дворе (если они вообще есть!), и никакой тебе горячей воды из крана. Иногда просто на земле приходилось ночевать, когда не удавалось найти места для постоя. И жизнь — практически впроголодь. Тяготы эти хорошо известны многим поколениям российских этнографов, фольклористов и диалектологов. Впрочем, наверное, любым полевикам.

Как знать, может быть, Маргарита Николаевна стала бы блестящим диалектологом, ведь это научное направление — одно из основных в работе пермских лингвистов. К тому всё и шло, первая тема в аспирантуре была напрямую связана с диалектологией.

Но не случилось, болезнь взяла своё. Изучение живой народной речи без экспедиционной работы, без общения «глаза в глаза» — все равно что занятие ихтиологией только по скелетам рыб...

Да недаром в народе ходит успокаивающая поговорка, мол, нет худа без добра. Маргарите Николаевне поневоле пришлось сменить научного руководителя и она вдруг поняла, что язык можно изучать не только в его народном проявлении. К счастью, недуг не сломил ее силу воли, хотя и оказал серьезное влияние на повседневную жизнь.

Окружающую действительность с 1993 года Маргарита Николаевна воспринимает через окно комнаты, в которой проводит большую часть своего времени в специально изготовленном для нее кресле-коляске. «Окно — рабочий стол — комната» — вот и весь нынешний «маршрут» непоседливого когда-то поисковика. Раньше можно было и на балкон выбраться, полюбоваться березками или понаблюдать за спешащими по своим делам прохожими. Только делать это с каждым годом становилось всё труднее и труднее. А сейчас — просто невозможно.

За годы такой жизни Маргарита Николаевна научилась преодолевать свой недуг. Давно можно было выйти на «заслуженный отдых», когда единственными связями с миром становятся телевизор да телефон. И, наверное, посещали ее и такие думы. Да только вот без работы Маргарита Николаевна себя просто не мыслит: закончит одну книгу, на подходе уже другая. «Нет, без работы — какая же это жизнь!» — это ее слова...

Она была нацелена на преодоление с самого начала развития болезни: знала, какая судьба ей уготована: врачи в ленинградской академической клинике объяснили.

Одно время возникало странное для нее настроение, что после выхода (пусть формального!) на пенсию можно от каких-то забот и нош, связанных с наукой, педагогикой, вузом, просто отказаться.

Не смогла. Знала, что не приспособлена к бездумному «растительному» существованию, без хлопот, без учеников и без привычного дела. Вот разве что будучи в отпуске можно немного отойти от работы. Но и это никогда почему-то толком не получалось. — И не получится, когда работаешь сердцем, — говорит Маргарита Николаевна. — Достаточно остановиться и жизнь, кажется, закончится в тот же момент. Конечно, из-за болезни мои возможности снизились. Но у нас долголетие в роду заложено, так что время, возможно, еще есть!

Ограниченность в движении не мешает ей воспринимать мир объемным, в разнообразии его проявлений. И за языковыми явлениями — видеть явления жизни. Как же иначе: ведь язык для лингвиста не только средство общения, но и средство (или способ?) познания и понимания человека, его речи и мышления. А что может быть важнее, чем познание закономерностей развития природы и главной его составляющей — человека?

Без языка невозможно описание окружающего нас мира. Без языка невозможно общение между людьми, ведь даже жест — это тоже язык.

Без языка невозможно Понимание.

Именно так, с заглавной буквы. Поэтому Кожина с изрядным скепсисом воспринимает итоги пресловутой дискуссии между «физиками» и «лириками». Помнится, в начале шестидесятых «верх» одержали первые, милостиво оставив за своими оппонентами «эстетическое воспитание».

Да только по твердому убеждению профессора Кожиной неправильно это! Дело не в распределении полномочий. Любые научные достижения становятся движущей силой развития человека. И разницы между «гуманитариями» и «естественниками» нет в значении для науки и жизни.

Изучению главного средства общения и познания окружающей действительности Маргарита Николаевна посвятила практически всю свою сознательную жизнь. И сегодня для нее одна из самых насущных проблем и болевых точек — издевательство над языком. Это она ощущает постоянно. Без филологии, как считает Маргарита Николаевна, человек начинает обратную эволюцию — к обезьяне. И низкий уровень культуры некоторых слоев населения в стране она связывает с невысоким качеством речи, извращением русского языка, постоянно происходящим с экранов телевизора и на радио, воспринимаемого со страниц газет. А еще Маргарита Николаевна в ужасе от современной поп-культуры, которую и культурой-то назвать язык не поворачивается. Музыка она принимает совсем другую.

В научном смысле бережный и трепетный подход к языку вырабатывался годами, десятилетиями. И он — единственно правильный, иначе за мелочами и частностями можно упустить самое главное. А главное в том, что язык — живой организм, который развивается по таким же законам, как и отдельный человек, человечество в целом.

— Для меня язык — это рупор человека, — до сегодняшнего дня уверена Маргарита Николаевна. — А зеркалом его является стиль. Наверное, закономерно, что я шла к такому пониманию медленно, через сомнения и размышления. Рада, что большая часть моих учеников пришли к тому же.

Не случайно одно из ключевых понятий в научной концепции Маргариты Николаевны — это «стиль». В музыке — свои стили, в литературе — свои, в каждом настоящем, требующем профессионализма деле они тоже имеются. Не хотелось бы углубляться в дебри научных определений, но той или иной сфере человеческой сознательной деятельности присущи какие-то общие черты. И не только они. Частности, становящиеся тенденцией и законом творчества (язык, точнее речь — тоже творчество) разных групп людей, объединяют их. И отличают одни типы речи (или группы текстов) от других групп. Они как раз и представляют функциональный «стиль». Каждый из нас говорит и пишет по-разному, но в то же время за частностями стоят общие закономерности, определяющие специфические черты в стиле речи. Они зависят от целей и задач общения, ситуации, в которой оно происходит. На этом базируется то, что в лингвистике получило название «функциональная стилистика».

Профессор Кожина, будучи еще молодым ученым, одной из первых в мире занялась разработкой этой проблемы — изучением не традиционного аспекта строя языка, а его употребления, закономерностей речевой деятельности, то есть не статистики языка, а его динамики, функционирования. И весьма успешно.

В ответ на просьбу — сравнить стили в разных проявлениях человеческого творчества — Маргарита Николаевна задумалась (а как же без этого, ведь это ее исследовательский стиль!).

— Ну, не знаю, вы меня ставите в сложную ситуацию, — размышляла она. — Формирование стилей, направлений в живописи, архитектуре, музыке, языке вполне могло идти параллельно. Хотя в этом я не очень уверена, вопрос требует долгих размышлений и анализа. Стиль «барокко», наверное, можно сопоставить с витиеватым языковым стилем, когда было принято выражаться сложно и красиво. В целом, это не моя задача — сравнивать стили в архитектуре, музыке и языке; она, скорее, для культурологов и искусствоведов. Хотя проблема очень интересная.

И если бы Маргарита Николаевна выбрала какую-то другую область деятельности, успех был бы тоже обеспечен. По всей мере отпущенного ей человеческого таланта. Сама она не любит высоких слов, хотя понятие «высокий стиль» для нее как ученого-лингвиста — далеко не тайна за семью печатями. Только вот пафосность Кожиной не присуща.

— Пусть кто-нибудь другой определяет мои заслуги. В одной из статей пермскую школу во главе с Кожиной назвали «достоянием российской науки». Приятно, конечно, но сама я такое сказать не могу. Мне работать надо, а не оценивать себя. Не могу же я вот так, запросто, провозгласить себя главой научной школы. Нет уж, простите, делать такое не могу...

И в этом высказывании — ее характер, отношение к себе и к миру — требовательное, без скидок.

А коллеги ее место в мире науки определили давно и основательно. Не случайно толстенный том в восемьсот страниц с материалами международного научного журнала носит название «Кожина и стилистика» (Stylistyka XIV. 2006, Opole, Польша). Коротко и ясно, в подробных комментариях не нуждается. Заслуги признаны и очень давно. Мало кто из ученых удостоивается такой чести, чтобы огромная книга была названа его именем. И не как эпитафия, а при жизни.

Есть у нее не только имя в науке, но и своя школа.

Приходилось сталкиваться с такой точкой зрения, что научное направление, созданное Кожиной, мол, себя исчерпывает, что лингвистика должна вернуться к тем концепциям, которые базируются на классических канонах позапрошлого века. В науке это случается. Бывает, представители прогрессивных когда-то школ выступают с программными заявлениями о том, что их метод себя изжил.

Но только вот к школе функциональной стилистики это не относится. Парадокс в том, что она тоже стала классической. Конечно, не в понимании стиля «классицизм», но в понимании человеческом, когда творчество дает пример вечных ценностей. В данном случае — научных.

Бывает в науке и по-другому. Когда уходит из активной исследовательской деятельности основатель школы, за его спиной не остается никого, кто мог бы развивать и углублять его идеи. Но это тоже не про школу Кожиной. У нее за спиной — ученики, которыми Маргарита Николаевна по праву гордится. Они не занимаются мелочами, эксплуатируя найденное и упрощая главные идеи. Они последовательно разрабатывают генеральную линию, заложенную основателем школы.

А воспитывались ученики не только на идеях Маргариты Николаевны. За их плечами вдумчивая и внимательная работа над первоисточниками — классическими трудами по лингвистике. Без знания идей предшественников вряд ли можно оставить что-то для грядущих поколений.

Сегодня профессор Кожина озабочена:

— Жаль, что в практике преподавания на филологическом факультете исчезло обязательное конспектирование классиков российской и мировой лингвистики — Гумбольдта, Соссюра, Потебни...

Понять ее можно: сама Маргарита Николаевна в свое время едва ли не сутками работала в библиотеках. Без этого состояться как ученый она бы просто не смогла!

Ученики у Маргариты Николаевны — очень разные. Когда в разговоре она пыталась перечислить всех, то сбилась довольно быстро. Действительно, как определить, кто из них в числе лучших?

Успешный доктор наук или бывший дипломник, обучающий детей в сельской школе премудростям русского языка? Или пермский писатель? Один из них, например, стремится общаться с Маргаритой Николаевной, памятуя о том, что четверть века назад она его, бесшабашного студента, здорово поддержала.

Но для Кожиной главными учениками являются все-таки ученые:

— Да уж, извините, всех не перечислю, память сегодня уже не та. Но обязательно хочу отметить (не обращайтесь внимания на последовательность, она для меня не важна) Володю Салимовского, Лену Баженову, Лилю Дускаеву, Наташу Данилевскую. И, конечно, первую мою докторантку Марию Павловну Котюрову. Они — учёные. Они из числа моих любимых учеников. Я рада, что помогла им сделать жизненный выбор. Их докторские диссертации — великолепные работы!

Школе профессора Кожиной присущи новизна и оригинальность концепции, глубокая проблематика и фундаментальность. В этом научное направление схоже со своим создателем. И никто из учеников не скатывается в своих работах на примитивный уровень таких тем, как «Роль запятой в научной речи». Они уже выбрали свой путь, продолжая идеи наставника.

Каждый учёный начинается именно с осознанного выбора. Не обязательно, что это сразу будущая профессия. Бывает, что случайности или сложившиеся обстоятельства, какие-то особые факторы подталкивают к выбору. Так, можно сказать, получилось и у Маргариты Николаевны. И решающую роль в этом сыграло увлечение... искусством.

Началось оно еще в трехлетнем возрасте. Тогда родители привели Риту на оперный спектакль. Давали «Евгения Онегина». В те времена провести на спектакль маленького ребенка было проблематично. Не положено — и всё! Но папа сумел убедить неуступчивых билетерш, и Рита впервые услышала оперу. Слушала с интересом. С не меньшим интересом слушала и комментарии мамы.

— Помню, она мне говорила: «Вот сейчас будет выстрел, готовься!» Поэтому дуэль между Ленским и Онегиным перенесла, будучи подготовленной, — шутит Маргарита Николаевна.

Так музыка запала в душу Рите Кожиной. Отец, закончивший лесохозяйственную академию, неплохо играл на рояле. Домашние музыкальные вечера не обходились и без участия мамы. У нее был сильный, хорошо поставленный голос. Было время, когда ее даже звали работать в оперную труппу Пермского театра. Не согласилась, решила, что будет заниматься семьей — дочерьми Ритой и Ирой. Музыкальное образование младшие Кожины получили: еще в военные годы родители добились того, чтобы с дочками занимался эвакуированный в Пермь ленинградский профессор-органист Исая Александрович Браудо. А приезд в Пермь знаменитого скрипача Мирона Полякина просто перевернул душу. На концерты знаменитых музыкантов — Ойстраха, Оборина, Гилельса — сестры бегали в сорокоградусный мороз! И ничего — музыка отогревала.

Со временем пристрастия менялись. Шопена Маргарита Николаевна может слушать «миллион раз» и каждый раз восхищаться, просветляясь сердцем. Его творения до глубины души потрясают, захватывают удивительным лиризмом, восхищают совершенством звучания. А до этого, в юношеские годы, кумиром был Бетховен. После него и Шопена пришли Моцарт и «страсти по Матфею» Баха. А вот джаз она принимает, но не особенно любит.

— Музыка — душа моя, — говорит, перефразируя Глинку, Маргарита Николаевна. — Даже на международных конгрессах всегда успевала посещать концерты старинной музыки, особенно любила камерные и редко исполняемые произведения композиторов XVII — XVIII веков. А в Варшаве однажды попала на концерт современной авангардной музыки. Показалось любопытно, слушала с интересом.

Странный, но распространенный вопрос: «А вы понимаете классическую музыку?» — для нее был бессмысленным. Как можно «понимать» музыку? Ее нужно слушать, переживать, воспринимать эмоционально. Хотя... восприятие окружающей действительности разумом, наверное, более характерно для Маргариты Николаевны — что в юном, что в зрелом возрасте.

А музыка была частью ее мира, и не только домашнего. И эмоциональная составляющая стала немаловажной. Впрочем, по этому поводу она как-то сказала:

— Вы задаете вопросы об эмоциях? Мне сложно отвечать, я ведь человек рациональный, размышляющий. И не всегда помню, какие эмоции испытывала в разных ситуациях.

Похоже, развести рациональное и эмоциональное в ее жизни просто невозможно. Но вот Пермь она воспринимала и воспринимает через призму эмоций. И... через архитектурный «рационализм»:

— Улица Большевистская, а для меня она запомнилась с самого раннего детства, была она какой-то деревенской, — вспоминает Маргарита Николаевна. — Хотя сегодня она изменилась. Да и город в целом тоже. Помню свои первые впечатления от Большевистской — клячи на мостовой, зелени нет и вовсе. Зимой по улице мы на лыжах спокойно катались. Помню и то, как город стал преображаться, как строился Комсомольский проспект, Свердловский завод... Интересное было время. Приятно, что город растет, благоустраивается. Но в Перми больше ценю не архитектуру, а культуру, духовное начало города. И красавицу Каму! Жаль, что памятников хороших очень мало. Зато есть оперный, горьковская библиотека, галерея, наши замечательные вузы.

Как знать, может быть, именно архитектурные и музыкальные гармонии, бессознательная попытка их проанализировать заложили основы интереса к стилистике. В музыке и архитектуре тоже есть свои стили. А у каждого музыканта-исполнителя — вне всяких сомнений. Понимание в данном случае не вредит восприятию и эмоциям. Можно алгеброй проверить и гармонию. И понимание, «почему» музыка берет за душу, людям с определенным складом аналитического мышления помогает в восприятии прекрасного. В какой-то степени это пришло к Маргарите Николаевне от отца. Недаром же говорится, что всё начинается с детства. Именно в детстве возникло желание «подумать». Театр привел Риту Кожину в лингвистику. Точнее говоря, в Пермский университет.

До этого странным образом в ее жизни соединились музыка и архитектура. Конечно, сознательное увлечение ими пришло позднее. Но еще в детстве Маргарита Николаевна любила рассматривать городские и сельские дома, пыталась понять, как же они устроены, чем, кроме фасада, отличаются друг от друга, удобно или не удобно жить в них людям. Стремление понять это переплеталось с эстетическим восприятием, с музыкой. Не случайно ведь городскую архитектуру называют «застывшей симфонией». И одно из первых сознательных решений, принятых в жизни и направленных в будущее, было — после школы поступить в Ленинградский архитектурный на заочное отделение. Вполне закономерно. Город на Неве дал миру не только блестящих композиторов, но и великолепные образцы градостроительства. Оказалось, не судьба. Мечты об архитектурном пришлось оставить. Неумолимо в планируемое будущее вмешалась война. Она оставила свой след в судьбах десятков миллионов людей. Как и в судьбе Риты. И она опять оказалась связанной с Ленинградом.

В Пермь, где их семья жила уже давно, эвакуировались ученые, артисты и писатели из обеих столиц. И в их числе актриса Ленинградского ТЮЗа Т. Орлова. К ней на занятия драмкружка бегала Рита Кожина. Театр так увлек школьницу, что хотелось заниматься только сценой, дышать воздухом кулис, репетировать до самозабвения, отдавать свой талант людям.

Увлечение художественным словом принесло свои весомые плоды. Еще будучи школьницей Рита сыграла роль Каринкиной в спектакле по пьесе А. Островского «Без вины виноватые». В кружке ставили пьесы Грибоедова, Мольера. А на пермском радио прозвучала «Песнь о купце Калашникове» Лермонтова в ее исполнении. Пыталась поступать в театральную студию при Пермском драматическом театре, но после двух первых успешных туров не смогла пройти третий. Обидно было, ведь ее подруга Тамара Шилова смогла поступить. И потом стала известной актрисой пермской драмы. Возможно, именно эта романтическая пора и заложила основы будущей научной карьеры.

Школа уже была окончена, а театр всё не отпускал Риту из своей орбиты. Но руководитель драмкружка заявила жестко и твердо: «Неси документы в университет, учись на филолога. Иначе до репетиций не допущу». Сама Орлова тоже получила гуманитарное образование и, видимо, увидела в девушке что-то такое, что могло помочь ей стать настоящим филологом. Было уже, правда, поздновато — на дворе ноябрь 1943 года, занятия в университете идут полным ходом. Впрочем, попытка не пытка — и Рита рискнула...

Так и состоялось первое свидание Риты Кожиной с университетом. Отнюдь не все было благостно. С документами Рита здорово припозднилась, заявление подала только 20 ноября. С «отличным» аттестатом проходить вступительные экзамены было не нужно. Один из сотрудников заподозрил в ее поступке корысть: «Вам что, девушка, карточка хлебная нужна повесомее?» Вопрос был для нее не только странным, но и оскорбительным:

— Я же идеалистка была. О таких вещах даже и не мыслила, хотя маме тогда было очень тяжело. Она чуть с голода не умирала, только о нас с сестрой заботилась.

Но документы, в конце концов, приняли, и Рита Кожина стала полноправной студенткой Пермского университета — училась «на филолога». Как знать, будь она тогда не такой настойчивой, может быть, мы не узнали ученого с мировым именем, а знали бы знаменитого музыкального критика или актрису, владеющую прекрасной русской речью не хуже Ираклия Андроникова...

Второй эпизод в вузе тоже запомнился отчетливо. Первое занятие — латынь, по расписанию «на голубятне» в старом «химическом» корпусе. Где такая, Рита не знала. Помогла ей найти аудиторию староста курса, синеглазая, невысокого роста Зоя Власова. Она встречала однокурсников у входа в корпус. Так состоялось второе свидание с университетом, который стал на всю жизнь вторым домом. А в какие-то жизненные моменты и — первым:

— Я всем обязана университету. Его особой атмосфере, его педагогам, его студентам и аспирантам.

Очень жалею, что не могу воочию увидеть, как он похорошел за последние годы — могу представить только по рассказам и фотографиям, которые приносят коллеги. И корпуса новые красивые появились, и фонтаны, и новые переходы. Удобно стало преподавателям и студентам! По-моему, университет развивается значительно интенсивнее и интереснее, чем город. Я по-хорошему завидую нынешнему поколению студентов. Могу и так сформулировать: вся моя жизнь — и научная, и педагогическая, и личная — связана только с университетом.

А в ноябре 1943 года всё было по-другому. Никаких тебе фонтанов! Шутка ли — вся студенческая братия умещалась всего лишь в трех корпусах. Ботанический сад, правда, был побольше, чем современный. И клумба центральная с цветами имела. Жили, по большому счету, бедно. Зато спектакли ставили — на зависть современным театрам. И драматические, и оперные. Диспуты, дискуссии — на все темы, от научных до злободневных политических. Чуть не стометровые стенгазеты тоже издавались.

Именно из них (а каждый выпуск был настоящим событием) Маргарита Николаевна хорошо запомнила стихи Радкевича, ставшего известным пермским поэтом, и Шеншина, будущего преподавателя кафедры русской литературы, потомка великого русского поэта Фета. Их обсуждали едва ли не всем университетом, включая профессию. Удивительно, как на всё находилось время. И, главное, тому поколению была присуща неумная жажда знаний.

На курсе учились около ста человек, включая эвакуированных. Жили впроголодь, не модничали — любая хорошая одежда становилась чуть ли не сенсацией. Сама же Рита донашивала мамино пальто, а под ним блузка «без спинки» — латать дыры было уже бессмысленно. Поэтому пальто не снимала, впрочем, как и другие — холодно было в аудиториях.

Среди преподавателей были эвакуированные из столиц профессора, поэтому набираться уму-разуму было у кого. Их «аура», энергетика, эрудиция, умение заинтересовать пеструю студенческую аудиторию, привлекали молодежь, заставляли размышлять, читать умные книги, пропадать часами в библиотеке.

Именно с тех времен, когда самыми интересными лекциями и семинарами для Риты Кожиной стали занятия по античной литературе и языкознанию, она на всю жизнь влюбилась в «Божественную комедию» Данте и проблемы лингвистики.

Университет переживал не простые времена. Преподавателей катастрофически не хватало, поэтому часть лекций и семинаров проводили самые талантливые студенты старших курсов. На фоне лекций заслуженной профессуры выглядели эти занятия далеко не всегда убедительно. Но для пытливых умов преградой может быть только собственная лень. А уж в этом обвинить студентку Кожину вряд ли кто-то бы смог.

Тут хотелось бы сказать, что изучение языка стало одной пламенной страстью будущего профессора Кожиной исключительно благодаря лекциям Ивана Михайловича Захарова. Однако была еще одна страсть: Рита Кожина очень любила танцевать! И танцевала до тех пор, пока ноги не стали отказывать. Правда, увлечение театром как возможной профессией уже прошло. Заведующий кафедрой русского языка, научный руководитель ее дипломной работы И. М. Захаров сыграл одну из решающих ролей в ее жизни. Именно он обратил ее внимание на развернувшуюся в середине пятидесятых годов в журнале «Вопросы языкознания» дискуссию по стилистике.

Кстати, до сегодняшнего дня Маргарита Николаевна считает, что вопросы этой дискуссии остаются актуальными. Здесь и проблемы определения языкового стиля, историзма стиля, взаимодействия стилистики языка и художественной литературы, и другие, по которым всё ещё ломается немало научных копий:

— Знаете, Иван Михайлович мне очень многое дал. Я в то время только начинала работать, трудно было. Методическая подготовка почти на нуле — разве можно всерьез рассматривать два урока, которые провела на педпрактике в школе. Когда начинала работать, первое время жила от лекции до лекции: нагрузка сумасшедшая — 800 часов за учебный год. Не знаю, как и выжила. Представляете, мне, молодой, сразу пять новых курсов дали.

А их же надо прочувствовать, разработать. Спасибо Ивану Михайловичу, здорово помогал и поддерживал...

Так и началась преподавательская работа будущего профессора. Маргарите Николаевне повезло. После окончания Пермского университета перед ней встал вопрос выбора дальнейшей судьбы. И она, по совету Марии Александровны Генкель, отправилась в аспирантуру при Институте языкознания АН СССР (Ленинградское отделение). Сомнений было много. Но Мария Александровна сказала коротко: «Не боги горшки обжигают, попробуй, должно получиться!»

И получилось. Правда, не сразу. Первым научным руководителем стала Н. П. Гринкова, одна из ведущих в то время диалектологов страны. Но с диалектологией, как мы помним, из-за болезни пришлось расстаться. Талант лингвиста требовал, однако, реализации. Аспирантка сменила тему и руководителя. Известный лингвист Степан Григорьевич Бархударов помог определиться с темой диссертации.

Кстати, человеком он был легконогим, со своими аспирантами встречался не очень часто. Молва приписывала ему такую сентенцию: «Я люблю аспирантов первого курса, потому что они бегают от руководителя. Меньше люблю аспирантов второго курса, потому что они приходят с вопросами. Совсем не люблю аспирантов последнего курса, потому что они ловят тебя везде!»

Есть такой почти что анекдот про диссертации: «Почему кандидатские диссертации бывают сильнее, чем докторские? — Кандидатские пишут доктора, а докторские — кандидаты». Так вот это — не про Маргариту Николаевну. Текст ее кандидатской научный руководитель увидел только перед защитой. И тут же, после первого же ознакомления, одобрил. Случается и так! Диссертация была для молодой аспирантки итогом кропотливой работы, а не самоцелью.

После защиты возникает очень серьезный для многих молодых ученых вопрос: Для чего ведется научная работа? Ради карьеры? Научной или административной? Для Маргариты Николаевны такого вопроса, похоже, просто не существовало:

— Всю жизнь у меня было желание сделать как можно больше. Но когда стала заведовать кафедрой, да еще и в КПСС вступила, появилось так много новых забот! Бесконечные заседания, собрания, проверки. Боже мой, как это было тяжело, как это отвлекало от работы! То из деканата, то из ректората, то из министерства бумаги приходили, чуть не каждый день. И все надо было заполнять. Я же — человек ответственный, не могла доверить бумаготворчество лаборантам и ассистентам, всё сама делала. А по отчетности иногда нужно было в одном только документе до сорока пунктов заполнить! Какая уж тут научная работа, не до нее! Поэтому и количество серьезных публикаций в то время у меня значительно снизилось.

Условия изменились, но проблема остается. Должен ли талантливый учёный тратить свое драгоценное время на составление отчетов? Или лучше нанять нормального менеджера — пусть за зарплату заполняет все необходимые бумаги? У Маргариты Николаевны ответа на такой вопрос нет. Но она совершенно искренне считает, что современное образование отстает по уровню от того, которое застала она сама. И к процессам коммерциализации относится отрицательно: «Не думаю, что это хорошо и полезно как для образования, так и для вуза».

Администрированию, организаторской деятельности ее никто не учил, пришлось познавать на собственной нелегкой практике. Пригодились эти навыки в жизни или нет, сказать сложно. Может, чуть больше дисциплинировали. Одним из главных своих учителей Маргарита Николаевна до сегодняшнего дня считает своего папу. Он стал для нее человеком, который поддерживал и в научной деятельности, подсказывал, направлял. Обладая математическим складом ума, он посоветовал своей дочери статистические методики, по которым можно обрабатывать речевые материалы. В результате в одной из книг Маргариты Николаевны 1972 года была использована выборка общим объемом около миллиона (!) примеров. И это не случайно. Николай Иванович обладал истинно научным складом мышления и к математике как науке был неравнодушен. По сути, он был настоящим ученым и наставником.

Потеря родителей стала для Маргариты Николаевны одним из главных потрясений:

— Самые страшные моменты в моей жизни — уход близких людей. Мама умерла в 1966 году, мне тогда было уже немало лет. Потрясение. Стресс. Потом смерть папы... Не меньшее потрясение. Хотя и считают меня человеком цельным, однонаправленным, для меня эти два события стали на время убийством научного творчества. На какое-то время я выпала из работы, что для меня подобно смерти. Не поверите, ни строчки не могла прочесть, вся действительность отошла куда-то, потеряла свои привычные отчетливые очертания. Постепенно такое состояние прошло — работать же надо. Говорят, горе ломает человека, но мне удалось выправиться, хотя переживала очень. Для меня такие жизненные ситуации — проверка чувства ответственности перед людьми, перед своими учениками. Помогала, наверное, психологическая устойчивость и дисциплинированность.

Цельность природы, особая структура восприятия мира для Маргариты Николаевны очень важны. Иногда способ ее освоения действительности называют «конструктивным гармоничным мышлением». Для выработки научной точки зрения на мир это, наверное, очень важно. Как и интуиция:

— Обдумываешь какую-то проблему, ищешь пути ее решения, но ничего светлого в голову не приходит. Спать лягу, сплю крепко-крепко, но вдруг просыпаюсь среди ночи. Вот оно — решение, во сне пришло! Мозг в это время будто бы спит, а подсознание работает, находит выходы из ситуации. В науке, по-моему, вообще нельзя совершить ни одно открытие без интуиции...

Сложно сказать, как именно, на какой основе сочетаются в научном творчестве Маргариты Николаевны подсознательное и логическое, теория и практика. Но в преподавании, как считает она сама, удалось найти оптимальный подход. Учитель должен расставлять какие-то основные вехи, в данном случае — объяснять принципы развития языка, а не давать голую информацию, конкретику.

И студенты, особенно заочники, с благодарностью принимали эту методику.

Закономерно и одновременно парадоксально то, что разработчик фундаментального метода статистического анализа языковых явлений теорию ставит впереди практики, конкретного анализа:

— Анализировать языковой материал мне интересно тогда, когда он поддерживает теорию. Но впереди всегда идет теория.

Парадокс, впрочем, разрешается просто. Интуиция развивается с опытом, а опыта профессору Кожиной не занимать. Поэтому теория и идет у нее зачастую впереди практического анализа. Ведь сам по себе анализ является только первой операцией по пути к синтезу — теоретическим конструкциям. А в языкознании экспериментальные методики стали популярны относительно недавно. И корректность этих методик надо еще доказывать и доказывать. Всё субъективно, кроме статистики (она, правда, тоже бывает субъективной) в мире лингвистики. Для Маргариты Николаевны это стало понятно довольно давно. Еще в те времена, когда она была молодым ученым. И ситуации случались разные. Но признание в научном мире к ней пришло довольно быстро.

Маргарита Николаевна запомнилась коллегам еще с участия в первой своей крупной конференции в МГУ в 1965 году. К тому времени она уже была сложившимся, но пока не очень известным ученым. Ее первые публикации «Стилистика и некоторые ее категории» (1961 г.) и «О понятии стиля и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей» (1962 г.) были замечены, но не более того. Последующие три монографии обратили на себя серьезное внимание научного мира и были высоко оценены в Германии, Чехословакии, Нидерландах, Польше, Австрии. Стали появляться частые ссылки на них, в международных научных обзорах работам Кожиной отводилось большое место. Ей стали заказывать статьи в журналы, пригласили в Бессингемский университет.

А потом были международные съезды славистов в Варшаве и Праге. Они открыли для Кожиной дорогу к международному признанию:

— До сих пор горжусь тем, что слышала выступления многих великих ученых. Это такие величины, как Якобсон, Гавранек, Унбегаун, Гаузенблас, Мистрик, Краус. Удалось поговорить и поспорить с некоторыми из них на научных форумах. Такая там была замечательная атмосфера праздника, единения ученых из разных стран.

А на одном из конгрессов Маргарита Кожина запомнилась всем своей неуступчивостью. Она вступила в дискуссию с лингвистом из Болгарии, который делал доклад о речевых разновидностях языка. С ее точки зрения, теоретическое обоснование доклада было не очень фундаментальным.

С той поры научный мир принял Кожину «за своего». А со временем Маргарита Николаевна стала одним из лингвистов, с которым на конгрессах стремились познакомиться ученые из других стран.

Для Перми это было, может быть, несколько неожиданно и непривычно. Сотрудники кафедры долго обсуждали событие: на одну из ее публикаций пришел отзыв из Италии! В бандероль была вложена книга профессора-лингвиста как реакция на публикации Кожиной по стилистике. Газета «Звезда» тут же отразила этот факт в публикации «Флоренция отвечает Перми». Ведь случилось это в шестидесятые годы, когда о свободных международных научных связях можно было только мечтать.

И другой факт, тоже имевший международный резонанс. Одну из книг М. Н. Кожиной перевели в Китае как раз в тот момент, когда отношения между странами носили очень напряженный характер. Однажды ей позвонили из МИД СССР с вопросом, когда можно привезти эту книгу? Представитель министерства, вручая книгу, сказал: «Вы способствуете спаду напряженности в отношениях между нашими странами». Но самым запоминающимся моментом для Кожиной стало выдвижение ее иностранными коллегами в Международный комитет славистов. Чем не признание заслуг!

Однако свое участие в международных конгрессах и симпозиумах Маргарита Николаевна никогда не ограничивала научными дискуссиями и кулуарными беседами. От зарубежья она старалась взять по максимуму.

Музеи, концерты, замки, пешие прогулки по городам мира — ей очень повезло, что успела. Коллеги удивлялись, как на все хватает энергии. Хватало, и с лихвой:

— Однажды в Кракове, уже после всех научных дискуссий, поздно ночью пошла посмотреть старинное здание университета, хотя ноги очень болели. Оно при подсветке ночной как-то по-особенному выглядело. А в Германии отправилась посмотреть старинный замок на горе. Вот коллеги тогда удивлялись: «Мы устали, идти никуда не хочется, а она пошла!» И на всю жизнь у меня осталось впечатление невероятной красоты от вида с горы в городе, где родился Бах. Это просто не передать словами!

Признание в научном мире так просто не приходит. За ним — неимоверный труд и талант, тяжелая работа и ясное осознание цели. Свою докторскую диссертацию Маргарита Николаевна могла защитить на несколько лет раньше. После первой опубликованной ею монографии в Пермь по заданию Министерства образования приехал профессор Мещерский. Книгу он оценил как готовую докторскую диссертацию и предложил помочь организовать защиту. Маргарита Николаевна отказалась: «Мне этого не надо. Когда выполню свой план и напишу три книги, тогда и буду защищаться». Поневолу вспомнишь некоторых сегодняшних «диссертантов» с хиленьким научным багажом из нескольких статей, но с амбициями.

Кстати, амбициозность Маргарите Николаевне совсем не присуща. Более 60 лет она предана Пермскому университету. Хотя предложений из разных университетов и академических институтов за свою жизнь получила немало. В одном даже экспериментальную установку для изучения типов мышления (вопрос этот очень интересовал Кожину) предлагали. Отказалась.

— Я просто не мыслю себя и свою жизнь без нашего университета, — сказала как-то Маргарита Николаевна.

Трудно усомниться в искренности этой прекрасной женщины, сильного человека, преодолевшего огромные трудности и продолжающего свой научный и житейский подвиг...

Маргарита Николаевна КОЖИНА родилась 1 августа 1925 года.

В начале 1960-х гг. М. Н. Кожина одна из первых в отечественном языкознании обратилась к разработке проблем функционирования языка, к речеведческой проблематике, формированию нового научного направления — функциональной стилистике, в том числе исторической (диахронической) стилистике, сопоставительной стилистике, речеведению. Определила основные понятия и категории стилистики: специфика и речевая системность функциональных стилей, экстралингвистические основы на базе комплексного междисциплинарного подхода. Автор более 200 научных трудов, в том числе 8 монографий и первого в стране учебника по стилистике, выдержавшего 3 издания. Под ее редакцией издано 20 выпусков межвузовских сборников и ряд монографий. Член редколлегии международного журнала «Stylistyka», один из руководителей международной программы «Синтез славянской стилистики». Подготовила 22 кандидата и 4 доктора наук.

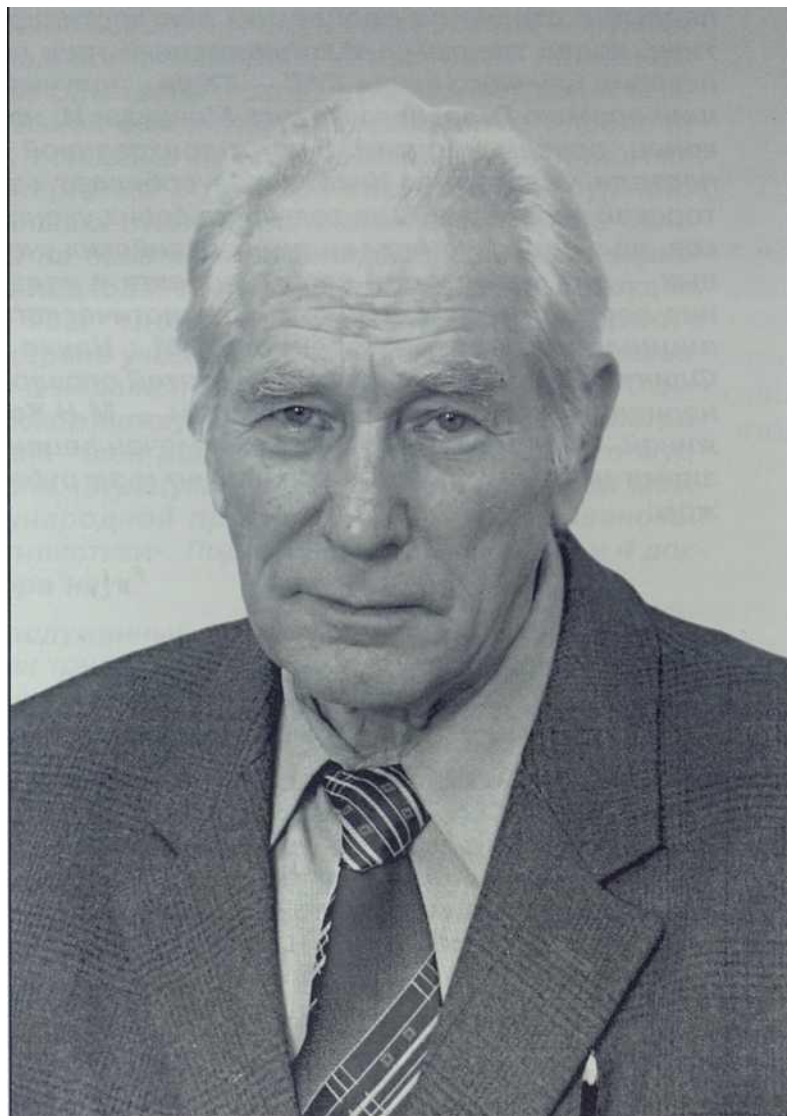
Заслуженный деятель науки РФ (1991), Ветеран труда, награждена значком Минвуза «За отличные успехи в работе», бронзовой медалью ВДНХ за учебник по стилистике (1983).

Основные публикации: «К основаниям функциональной стилистики» (1968), «О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики» (1966), «О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими» (1972), «Стилистика русского языка» (1-е изд. 1977; 2-е изд. 1983; 3-е изд. 1993), «О диалогичности письменной научной речи» (1986), «О функциональных семантикостилистических категориях» (1987), «Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв.» (Т. 1. 1994; Т.2, ч. 1. 1996; Т.2, 4.2. 1998, в соавт.), «Речеведческий аспект теории языка» (1998), «Пути развития стилистики русского языка во 2-й половине XX в.» (1997).

Стоит отметить и деятельность М. Н. Кожиной как организатора науки. По ее инициативе подготовлено двадцать межвузовских сборников научных трудов, проведено несколько всесоюзных и международных конференций, в том числе первые в стране по проблемам лингвостилистики, издан трехтомный коллективный труд по истории научного стиля XVIII — XX вв., получивший премию Головного Совета Минвуза. И, наконец, совсем недавно, будучи прикованной к постели, Маргарита Николаевна собирает авторский коллектив — не только из своих учеников, но с привлечением видных российских учёных — для реализации своего проекта и издания первого отечественного «Стилистического энциклопедического словаря». (М.: Наука : Флинта, 2003), около тридцати статей словаря написаны его главным редактором — М. Н. Кожиной. Этот словарь сразу был отмечен рецензиями не только у нас в стране, но и за рубежом.

VIVANT PROFESSORES!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.
СВОБОДНЫЙ ИНТЕРЕС

«Глотком свободы» назвали впоследствии короткий период экономических реформ середины 60-х. В это время к руководству кафедрой отраслевых экономик ПГУ приходит молодой кандидат наук Рем Коренченко. Немногие знают, что правильное написание его имени — РЭМ: революция, электрификация, мир. Люди давали имена детям, видя в этих словах свое будущее...

Романтика двадцатых годов завершилась для его отца трехлетней отсидкой по навету «доброжелателей». Донос на секретаря Мелекесского горкома партии Александра Коренченко сработал как часы — «ниточку» к нему чекисты, очевидно, протянули от громкого дела Постышева, с которым отец когда-то работал в Самарской губернии, оно втянуло в омут репрессий тысячи коммунистов.

То ли природная казацкая стойкость, то ли искренняя вера в идею помогли отцу выстоять и перед самой Отечественной он вернулся из лагеря. Чтобы уйти на войну подполковником, успев перед этим забрать из детдома двух своих сыновей и оставить это «богатое наследство» своей сестре в городе Чапаевске.

Самой примечательной особенностью этого пригорода Самары было наличие оборонных предприятий. Вот на завод имени Масленникова и попал будущий профессор Рем Коренченко — делать взрыватели, снаряжение к «катюшам». Но к июню 41-го он успел закончить восемь классов, а потому имел право претендовать на поступление в военное училище. Он выбрал Ейское — военно-морской авиации.

Добровольцем он попал в армию. И хоть не довелось стать летчиком, успел полетать, почувствовать ширь небес и трескучую скорость изношенной учебной снарки. А потом на горизонте возникла и стала судьбой Пермь.

Здесь молодому краснофлотцу пофартило на путешествия, ибо очутился он в 340-й отдельной конвойной роте ВВС МВФ, доставлявшей различные военные грузы аж с Сибири и Дальнего Востока под стрельбу и бомбежки прифронтной полосы. Голодный тыл и разбомбленные и сожженные войной места недавней оккупации, слезные просьбы пострадавших людей: «Подвезите, сынки...»

Их теплушка, словно утлая лодочка, плавала в этом океане народного горя. Бывало и сами бойцы неделями не могли отоварить на станциях небогатые свои продаттестаты и голод подводил животы...

Годы спустя участнику войны профессору Коренченко в военкомате заявили, что не могут отыскать данных на эту конвойную роту.

— Тем хуже для вас, — спокойно сказал Рем Александрович, — архивы вряд ли могли пропасть. Ищите. Я свое как старшина команды сделал...

Ровно семь лет армейской службы оставили в судьбе Коренченко памятный след. Военные годы были очень важны для формирования его жизненных принципов. Это поколение победителей, уверенных в одолении любых высот, но столкнувшихся с трудностями особого рода — жесткостью режима, демагогией власти. Лихолетье учило искать опору в себе, верить в собственные силы. А это, утверждают многие психологи, — лучшая мотивация в научном творчестве.

Впрочем, до науки было еще далеко. Он стоял перед выбором — куда идти, что делать в послевоенном мире, способен ли он противостоять тяготам и определить свой путь? Ему уже встречались люди, выбравшие под натиском жизненных обстоятельств профессию, которую не любили, к которой не было таланта, — и от этого равнодушные к делу.

Еще не было полной уверенности в собственном потенциале, но солдат знал одно — прежде всего надо учиться. Ему удалось в 1947 году закончить вечернюю среднюю школу и уже на следующий год поступить на юридический факультет Пермского университета.

Эти обожженные войной студенты были особым поколением в истории вуза. Можно много размышлять, что диктовало им такую страсть к знаниям, к самостоятельному поиску, ответственному постижению учебного материала. Но факт — многие из них впоследствии стали гордостью науки, прекрасными организаторами производства, талантливыми педагогами.

Рема Коренченко оставили для преподавания на кафедре политэкономии: единственную «четверку» по теории юридического права отличник учебы запомнил на всю жизнь.

С детства самостоятельный, с независимым, непростым характером Рем Александрович нелегко сходился на дружбу, сохраняя ровные, приветливые отношения с коллегами, заботливые и внимательные — со студентами и аспирантами. Но был в его жизни человек — ученый-экономист, ректор Пермского университета Василий Филиппович Тиунов. Личность поистине легендарная: авторитет его распространялся далеко за пределы вуза. Именно он разглядел в молодом ученом Реме Коренченко, занимавшемся тогда проблемами лесного хозяйства, нечто весьма перспективное. И не только непосредственно в науке. Вскоре по рекомендации Тиунова Рема Александровича выдвинули на ответственный по тем временам пост секретаря партийного комитета.

Собственно, парткома в вузе тогда еще и не было. Он создавался партийной организацией при непосредственном участии Коренченко, и становление комитета пошло в весьма интересном направлении. Люди, прошедшие войну, внесли в атмосферу университета высокую требовательность к морали педагогов и студентов, гражданской позиции, предполагающей полную отдачу в труде и учебе. Идеологические штампы их мало волновали: реальное бытие большого вузовского коллектива, возникающие коллизии, необходимость помощи и поддержки комсомолу и профсоюзу ориентировали новоиспеченный партком и его молодого лидера на конкретную и нужную людям работу — реализацию линии на развитие вуза.

И это стало традицией университетского партийного штаба до тех пор, пока не отошла в прошлое «идеологизация образования». (А на проверку, как отмечают многие ветераны, оказалось, что ушло и многое полезное в организации жизни коллектива, воспитании молодых, использовании опыта и знаний старших поколений.)

Далеко не все знают, что Пермский университет в конце 50-х собирался менять «прописку». Возникла у руководства области и министерства идея переместить вуз в центр Перми или на другой берег Камы. В качестве альтернативы предложили и место на нынешней Комсомольской площади. «Следы» этого проекта видны до сих пор в дислокации поблизости общежитий и Дома ученых, появившихся на Комсомольском проспекте.

Дом этот станет легендарным местом в Перми, связанным с именами его жильцов — выдающихся университетских ученых, среди которых был Исаак Самойлович Сандлер — первый декан экономического факультета, заведующий кафедрой отраслевых экономик, чей пост потом «унаследует» Рем Коренченко...

После долгих раздумий и споров было решено развиваться на традиционном месте — там, где Горнозаводская линия железной дороги мощной дугой огибает старые корпуса первого пермского вуза.

Как вспоминает Рем Александрович, победило желание сохранить «намоленное» поколениями студентов и преподавателей место — с Ботаническим садом, близостью транспорта... Сыграла свою роль и горячность сопротивления сторонникам переезда со стороны тогдашнего ректора Ф. С. Горового, и позиция секретаря парткома, проводшего «нормальную организационную работу».

В бурные дни 1991 года профессор Коренченко не стал жечь свой партбилет, хотя задолго до этих событий глубоко и серьезно анализировал очевидные ему — экономисту и гражданину — ошибки режима. Многие понятия в теории организации, которой и занимался он многие годы, помогли ему труды несправедливо забытого в России экономиста-теоретика Александра Богданова.

Это был человек, сочетавший в себе мощный революционный порыв, стремление к новому с фундаментальными знаниями в различных областях. Созданная им «Всеобщая организационная наука», или «Тектология», стала выдающимся памятником отечественной теоретической мысли начала прошлого века.

Книги Богданова были преданы забвению, хотя (по принципу — «не читал, но осуждаю») об ошибках «немарксиста» Богданова говорилось в курсе философии. Да еще знали его через ленинскую работу «Материализм и эмпириокритицизм», критиковавшую Богданова за «фракционную деятельность» и «махизм».

По мнению Рема Александровича, это был последний энциклопедист России XX-го века. А его «Тектология», ставшая настольной книгой профессора, намного обогнала свое время. Исходным пунктом этой теории является признание необходимости подхода к изучению любого явления с точки зрения его организации. Это значит изучать любую систему с точки зрения как отношений всех ее частей, так и отношений ее как целого со средой — со всеми внешними системами. И здесь обобщения, единые для любых объектов, получают высокую степень формальной чистоты, как в математике отношения величин. То есть на такой основе организационные задачи могут решаться способами, аналогичными математическим.

А ведь, как писал немецкий философ Эдуард Шпрангер, главное для ученого — «открыть идеальный мир закономерных связей. Мир для него — это бесконечное производство сущностей и система взаимоотношений зависимости... В наиболее естественном и чистом виде эта форма жизни воплощается в профессиональных ученых, которые, как правило, приходят к постановке своих жизненных задач в результате свободного интереса».

Перейдя в свое время с юридической стези на экономическую, Рем Коренченко, с подачи В. Ф. Тиунова, поставил своей первой целью подготовку высококвалифицированных кадров для экономического факультета. И нынешний потенциал — вплоть до создания коллектива

широко известной теперь кафедры экономики, предпринимательства и менеджмента — связан с деятельностью Рема Александровича, его усилиями по формированию нескольких поколений ученых-экономистов, педагогов и практиков, которые и призваны ныне осуществлять те самые реформы, начало которым положил бурный 1991 год. Не трескотней и политиканством, а конкретным практическим участием определяется приверженность переменам, уровень «демократизма» настоящего интеллектуала.

Как создавалась эта кафедра и какими крутыми маршрутами ей пришлось пройти, — это отдельная история, вполне заслуживающая описания. Но, коротко говоря, профессор Коренченко опередил здесь возможных конкурентов за счет интенсивнейшей личной работы: он сделал ставку на молодых и помог наиболее талантливым из них выполнить серьезные диссертационные работы.

Достоинства научного руководителя определяются его умением и талантом выбрать наиболее актуальное направление в своей отрасли науки и зарядить энтузиазмом в этом направлении своих учеников, щедро делясь идеями. Рем Александрович считает очень важным, что сам он достаточно давно понял огромное принципиальное значение ОРГАНИЗАЦИИ. И как научной темы, и как практического дела, требующего нетривиального подхода, глубоких знаний и понимания процессов управления.

— Корень — в умении организовывать людей, давать им в руки зерно, из которого они могли бы вырастить свой урожай, — заметил как-то профессор Коренченко, говоря о своих последователях и учениках. — Очень важно, чтобы они видели, как я сам тружусь...

Верный этому принципу, профессор каждый день, вне зависимости от «повестки дня кафедры», приходил сюда на работу, полагая, что заведующий кафедрой просто обязан это делать, стимулируя усердие сотрудников и учеников...

У Рема Александровича вышла в свет книга «Экономическое управление на предприятии». Ее с полным

правом можно было охарактеризовать как предвидение у нас рыночной экономики, ибо ученый объяснял и пропагандировал принцип настоящей материальной заинтересованности производителей.

Именно это обстоятельство, считает Рем Александрович, и послужило причиной того, что ему долго не давали дороги. Даже блестящую докторскую не утверждали целых три года. Кстати, победа потом придала ему силы и смелость все в науке делать «как душа велит» — на основе СВОБОДНОГО ИНТЕРЕСА. А времена наступали весьма любопытные, если не сказать судьбоносные, для экономики страны. Да и для ученых-экономистов.

— Мы вдруг оказались здорово востребованными, — говорит Рем Александрович. — В начале 90-х все эти ООО, АО и ЗАО давали живые примеры материальной заинтересованности. И если на меня раньше смотрели косо по этому поводу, то теперь проблемы вышли на острие экономической жизни, потребовали от нас — ученых — глубокого изучения практического материала в сочетании с теорией, которой мы многие годы занимались...

Его друзья «по жизни» — в обыденном общении — порой словно подталкивали к раздумьям. Михаил Дегтев — химик-аналитик, занимавшийся проблемами экологии, натолкнул на мысль о необходимости экономических исследований на крупных предприятиях для выработки грамотного управления промышленной безопасностью, защитой окружающей среды.

Беседы с другом — геологом Виктором Шуваловым невольно приводили к выводам о варварском, даже с экономической точки зрения, использовании недр. И он начинал размышлять о причинах этой нашей беды, об организации рационального хозяйствования. Ведь это — будущее России...

Резко изменившийся в начале 90-х политический климат в стране, судорожные попытки проведения экономических реформ, создание фирм и корпораций, организующих свою деятельность на рыночных принципах, поставили перед учеными-экономистами задачи оперативного осмысления этих процессов и выработки фундаментальных основ выхода из кризиса и построения новой системы хозяйства и экономики.

Сплошные карандашные пометки на страницах «Тектологии», сделанные рукой Рема Александровича, свидетельствовали об особом внимании профессора к идее А. А. Богданова о динамическом равновесии системы. Устойчивость всех организационных форм определяется и лимитируется крепостью самого слабого звена, что имеет особое значение для обеспечения пропорциональности и сбалансированности различных сторон, сфер и отраслей народного хозяйства. Необходимость учета слабых звеньев, их подтягивания до ушедших в своем развитии вперед и достижения нужного соответствия между различными частями и показателями — эта богдановская идея была в США положена в основу метода сетевого планирования и управления. И не получила в свое время должного распространения в нашей стране. Теперь требовалось, на основе современного научного анализа, вернуться к этой и многим другим идеям предшественников, чтобы помочь российской экономике и промышленности, другим сферам хозяйства выйти на новый уровень развития.

— Наш «последний писк» — кандидатская, защищенная Николаем Мартьяновым, — рассказывает профессор Коренченко. — Это прекрасный математик, и он использовал самые передовые математические методы: работа была построена на нейросетях, позволяющих рассчитывать вероятностные варианты до сотых процента точности. Новые методы ломают старые представления о планировании, дают предприятиям возможность более прогрессивно и эффективно использовать ресурсы...

Много копий сломано сейчас по поводу реформирования ЖКХ. По сути, ничего еще кардинально меняющего ситуацию в этой сложной сфере не сделано.

— Мы можем уже сегодня помочь достаточно хорошо планировать это хозяйство, — утверждает Рем Александрович, — Ибо в состоянии перевести на народнохозяйственный расчет всю бюджетную систему страны!..

Это можно считать весьма смелым заявлением. Но за ним — системная, основательная, многолетняя работа Р. А. Коренченко и его учеников. Верность позиции ученого, решавшего в продолжении всей своей научной биографии важнейший вопрос — об экономических методах управления предприятием. В «драку» настоящие исследователи и аналитики ввязываются не громогласными заявлениями с трибун, а такой вот, к примеру, небольшой брошюрой «Комплексный подряд», которую издали экономисты университета под руководством профессора Коренченко в острый период реформирования строительной отрасли в стране.

Он работал, стремясь помочь «соседям» — заводу имени Дзержинского. Эпизодами вновь возвращался к лесной отрасли, усматривая здесь богатства большие, чем нефть. И какие возможности для развития малого предпринимательства! ..

Рем Александрович написал труд — «Общая теория организации». Даже одно это дает полное право внести его имя когорту ученых, прославивших Пермский государственный университет и экономический факультет, который, к слову, закончили двое его внуков. Продолжая династию...

Экономическому факультету долгое время приходилось жить в стесненных условиях. Крупнейшей на Урале школе подготовки экономистов просто не хватало площадей для нормальной учебной и научной деятельности. Идея строительства «вставки» между корпусами пришлась как нельзя кстати. К тому же у идеи появился «двигатель»: на факультет пришел с завода имени Свердлова Валерий Иванович Пименов. В ту пору «экономисты» уже старались сами заработать деньги, выполнили ряд хоздоговорных работ. Задумались и о новом помещении.

Так началась эпопея строительства нового корпуса на месте развалюхи-общежития, с которым у Рема Коренченко связано много воспоминаний: здесь он жил студентом, потом, после окончания вуза, привел в этот «шалаш» молодую жену.

Деловая хватка Пименова, взявшего на себя решение многих практических задач, вплоть до обеспечения финансирования, позволила вскоре справиться новоселье. Конечно, главное, что факультет получил возможность для лучшей организации работы и учебы — на зависть некоторым другим факультетам. И тут стоит сказать, что заведующие кафедрами в ПГУ обычно не располагали своими кабинетами, проводя необходимые встречи и совещания на кафедре и работая дома или в библиотеке. Появление «резиденции» профессора Коренченко было обусловлено не столько открывшимися после новоселья возможностями, сколько потребностями иной организации труда руководителя. Рем Александрович считал принципиально важным держать «руку на пульсе» кафедры, ее сотрудников — ежедневно, постоянно. Личным примером показывая необходимость дисциплины, системности в работе. Своей трудоспособностью он заражал молодых, создавая на кафедре особую атмосферу сотворчества и ответственности. Это, кстати, «спровоцировало» и некоторых других заведующих кафедрами обзавестись постоянным рабочим местом: к такой вот традиции оказался причастен Рем Александрович, хотя и не любит об этом упоминать. Вроде бы совершенно обычный малозначительный факт — телефонный номер его кабинета в справочнике ПГУ. Но, как и, например, номер телефона кабинета профессора В. П. Живописцева — это все-таки «особая строка»: маленькая деталь проявления глубокого уважения к людям, продолжающим жить и работать в вузе. И только нездоровье, порой, бывает причиной отсутствия хозяев этих маленьких «резиденций».

Годы дают о себе знать, но, мужественно преодолевая недуги, профессор Коренченко, отметивший в юбилейном для ПГУ году и личную знаменательную дату — 80-летие, продолжает интенсивно работать, четко и ясно мыслить, заглядывать в будущее, заботиться об учениках.

Он придает действительно важное значение организации работы лидера научного направления, видя в ней, как специалист, «целенаправленное функционирование, задаваемое объективно. Так объективна сила тяжести воды,

падающей на мельничное колесо, чтобы молоть муку», — сказал он перед своим юбилеем. И добавил:

— Мне удалось себя реализовать. Это — главное...

Рем Александрович КОРЕНЧЕНКО родился в 1926 году.

С 1962 года — после защиты кандидатской диссертации — Р. А. Коренченко стал старшим преподавателем, а затем и доцентом кафедры отраслевых экономик, возглавлял ее с 1966 по 1998 год. Защитил в 1975 году докторскую диссертацию, через два года ему присвоено звание профессора.

В годы его заведования на кафедре подготовлено и защищено 5 докторских и более 60 кандидатских диссертаций. Под его научным руководством защитили кандидатские работы 35 человек. Четверо его учеников стали докторами наук.

Активная деятельность профессора Коренченко помогла появлению в ПГУ научной школы-направления по исследованию проблемы организации экономического управления и регулирования предприятий.

Научные результаты обобщены им более чем в 200 публикациях. Основные книги — «Экономическое управление тылами производства», «Экономическое управление на предприятии», «Теория организации» и другие.

Награжден десятью медалями СССР, почетными знаками страны и области. Академик МАИ ВШ. В 1991 году присвоено звание «Заслуженный деятель науки России».

VIVANT PROFESSORES!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ВЫЗОВ ВЕКА

В 1987 году Владимир Маланин стал первым в истории ПГУ ректором, избранным на альтернативной основе. Затем он одерживал победы на очередных выборах 1992, 1997 и 2002 годов...

К концу XX века в России заговорили с тревогой о состоянии науки: она не финансируется должным образом, учёные разъехались по миру, исследовательские институты обнищали и позакрывались.

Не лучше оценивалось положение дел и в высшей школе: мол, все здесь коммерциализуется, поступление и учеба только за взятки, дипломы можно просто купить в народившихся в невероятном количестве коммерческих предприятиях с вывесками «вуз».

На самом крутом изломе событий, в памятном многим 1992 году ректору Владимиру Маланину пришлось решать очень трудную задачу — как сохранить университет, кадры, качество подготовки специалистов и те традиции, что складывались в течение десятилетий усилиями профессоров и преподавателей, его замечательных предшественников и коллег. Сам он был убежден, что есть ценности, не подвластные любой политической конъюнктуре: производство и передача знаний — главное, чем живет человечество. И верил, что университет, вузовская наука в самые сложные годы политических, экономических и социальных пертурбаций могут доказать свою жизненную силу, неисчерпаемость потенциала.

Но — одно дело быть убежденным в этом, другое — построить на этой вере программу реальных действий, внедрения новаций, которые помогли бы преодолеть серьезные трудности и проблемы, поставившие тогда высшую школу на грань выживания. Да и по сей день еще полностью далеко не решенные.

Речь шла не только о резком падении объемов финансирования и ухудшении состояния материальной базы. Пожалуй, больше ректора беспокоило состояние моральной подавленности части ученых, преподавателей, сотрудников, почувствовавших себя невостребованными. В недавнем прошлом «передовой отряд» общества теперь был как бы оттеснен на обочину, забыт и не оценен государством, показателем чего стала почти нищенская оплата труда вузовских кадров, даже самой высокой квалификации...

На фоне заметно изменившегося отношения к науке и научным кадрам молодежи, студентам стало как-то недоставать трепетности перед храмом знаний. Многим ветеранам высшей школы показалось, что тяга молодежи к серьезной учебе, глубокому постижению научных знаний, исследовательскому поиску иссякает. Меняется вектор интересов, какие-то специальности стали вдруг ажиотажно приоритетными, другие оказались как бы в загоне.

Процессы, происходившие в начале 90-х годов, вызывали растерянность порой даже у самых, казалось бы, опытных и закаленных людей. Непросто было реагировать руководителям коллективов на явления, названные позже «издержками демократии».

Владимир Маланин, возглавивший вуз в начале «перестройки», много думал о концепции его развития в меняющихся условиях. На фундаменте почти столетней истории Пермского университета надо было срочно создавать и укреплять дополнительные опорные точки, определять приоритеты, искать пути и методы «оптимального управления ориентацией и движением твердого тела» — как называлась одна из его работ, посвященная проблемам механики. А главное — продолжать формировать отряд единомышленников, внимательно относиться к мнению оппонентов, убеждать словом и делом людей, которые, собственно, и есть главная опора Университета. Разрабатывать и ставить на обсуждение планы перспективного развития. Прочерчивать «орбиты», на которые надо было непременно выходить — вооружать университет информационными технологиями,

соединять вузовскую науку и преподавание с академической и отраслевой наукой, укреплять международное сотрудничество, внедрять новые специальности и современные образовательные технологии. И — постоянно заботиться о молодом пополнении, которому рано или поздно придется передавать эстафету...

Его поколение приходило в вуз как бы на волне знаменательных событий: от полета Гагарина до убийства президента Кеннеди... Они обозначали начало перемен, новых сдвигов в общественном сознании, переустройства мира.

Еще не минуло и двух десятков лет с окончания Второй мировой — и это недалекое эхо войны звучало в сердцах и душах поколения, воспитанного на народном подвиге. Не пафосные речи и агитки дежурного агитпропа, не формальное «патриотическое воспитание» в рамках заданной программы — сама жизнь давала этому поколению примеры доблести, чести, стремления к подвигу. Еще не ушли с улиц и из вагонов поездов в свое раннее небытие молодые инвалиды. А тихий незаметный сосед мог под настроение и светлую слезу рассказать пацанам свою жестокую правду о войне, о фронтовом братстве и ненавистных фашистах, сломавших прежнюю, казавшуюся такой замечательной жизнь. До сих пор это поколение «шестидесятников» живет словно осененное подвигом своих родных и близких, ощущая близость той трагической эпохи. Мальчик, рожденный в кунгурском селе Сылвинске в грозном 42-м году, воспитанный без отца- фронтовика, не мог не впитать атмосферу тех послевоенных лет.

Удивительно, но то далеко не благополучное время, с его нуждой и бедностью быта, вспоминается ныне ребятами послевоенной поры как наполненное любовью и каким-то особым светом.

Много пережившие и перестрадавшие люди, потерявшие порой всех своих родных, переносили на чужих ребятишек весь неистраченный запас нежности, душевных сил и дружеского покровительства, сурового и требовательного к словам и поведению — благородно ли оно по

141

отношению к другим, справедлив ли ты, не обижаешь ли слабого? В то время мимо мальчишеской драки взрослые не проходили равнодушно, не позволяли наваливаться гуртом на одного...

Мы так и не дали себе труда, занятые иными проблемами, изучить

феномен послевоенного социума, особой, рожденной трудными годами педагогики — и уличной, и организованной: в детских клубах, домах пионеров, бесчисленных кружках и секциях. Вне зависимости от состояния кошельков родителей любой ребенок имел возможность проявить и развить свой талант, способности. Под руководством любящих, знающих и умелых наставников детвора училась не только балету или выжиганию по дереву, но и отношению к жизни, к любой работе; исподволь воспитывались готовность к взаимопомощи, настоящее товарищество.

Олимпиады и смотры выявляли наиболее одаренных: страна помогала талантам встать на ноги. Детвора была согрета искренней родительской улыбкой огромной, победившей в войне страны. Психология победителей не может быть привита целому поколению искусственно: поколение росло на примерах героев, узнавая их в фильмах и книгах, в военных фотографиях отцов и братьев, что на почетном месте хранились в семейных альбомах.

В Сылвинске — в некогда монастырском селе Крестовоздвиженское — послевоенная жизнь не шибко баловала ребятишек, «не успевших под танки». Но доброта окружающего мира с лихвой покрывала и скудость питания, и дыры в одежонке. Люди, строя свою нелегкую жизнь, жили надеждой на отвоеванное будущее. Мама Володи Маланина — беспартийная учительница начальных классов сельской школы — по определению не могла обеспечить полный достаток семье. А его и не очень это заботило. Жизнь вокруг была наполнена интересными событиями. Появились и увлечения. К примеру, в бывшей церкви, что была недалеко от дома, сохранилась часть монастырской библиотеки. Аура старинных книг не могла не впечатлить мальчика из учительской семьи, имевшего «свободный доступ» к этим кладовым...

Невозможно сегодня оценить значение подобных факторов в становлении мальчика из обычного пермского села, а домысливать не хочется, да и не нужно. Заметим лишь, что учиться в школе, где преподает твоя мама, — статья особая и что-то такое формирующее в смысле ответственности. А с другой стороны, не каждому даровано такое, что первая учительница — твой самый родной человек!

Генетики многое могут объяснить в наследственности. Будем считать, что Володе Маланину повезло с родителями, с тихой красотой родной земли, с талантом, рано проявившимся в любви к математике. Только тут обязательно надо вспомнить и школьных учителей, сумевших не только пробудить, но и развить этот интерес. И того преподавателя математики в Кунгурском нефтяном техникуме, который однажды вселил в него какое-то новое чувство «профессиональной» уверенности, заявив всей группе, что по-настоящему, мол, понимают предмет в этой аудитории только двое — он сам и... Маланин. (Обладатель многих научных наград и званий, профессор В. В. Маланин до сих помнит эти слова; эпизод сохранился в памяти вовсе не из тщеславия: жизнь расставляет каждому не только маяки, но и маленькие вехи, важные только для него самого, дает импульсы для оценки своих возможностей, формируя и укрепляя личность.)

Как бы там ни было, но «красные корочки», дающие право поступать в вуз после техникума, получил он заслуженно, но неожиданно легко. И тогда мечта — Пермский государственный университет — стала реальностью.

Не красными углами запомнилась будущему ректору встреча с альма-матер. В маленькой комнатенке общежития в два яруса стояли кровати, бывшие и столовой, и учебной партой, и местом отдыха.

Уровень преподавания, как отмечают почти все представители того поколения студентов, был очень высок: еще сохранились кадры старой университетской закваски, истинные интеллигенты, образованнейшие люди высокой культуры, яркие личности. Известные в науке авторитеты входили в их аудитории носителями высокой миссии.

Высота эта ощущалась во всем: в культуре речи и аргументации, в умении изложить самый сложный материал доступным языком, логикой построения лекций и бесед организуя процесс мышления студентов, инициируя самостоятельный поиск знаний.

Очень любопытно было бы проследить причинно-следственные связи в формировании научных интересов крупных исследователей. Ведь порой достаточно тривиальные факты и сведения приобретают вдруг особое значение для данного человека и влекут за собой совершенно неожиданные последствия в творчестве.

В школьные годы Владимир Маланин узнал, например, об опытах русского физика Петра Лебедева, исследовавшего давление света на твердые тела. Рисунок той стеклянной колбы, где на серебряной ниточке вращались при облучении коромыслица крутильных весов, видели в учебниках тысячи и тысячи ребят. Многие слышали в юные годы о Фридрихе Цандере, предложившем идею солнечного паруса, площадью в целый квадратный километр и массой в триста килограммов.

Еще очень смелая, оригинальная идея — направлять на парус космического аппарата поток света, собранного вторым парусом, расположенным на соседней межпланетной станции. И если земные, вернее, морские паруса разгоняли корабли до 30 километров в час, то солнечный теоретически может помочь развить скорость до 30 процентов скорости света! И это при отсутствии огромных топливных затрат при межпланетных путешествиях...

Рожденная в России идея ждет пока своего воплощения. И оно непременно состоится, потому что в школьных классах России кто-то из ребят, листаящих учебник, обязательно запомнит слова «солнечный парус». А потом вернется к поразившей воображение идее как к цели своего поиска.

В феврале 1993 года был произведен эксперимент с разворачиванием 20-метровой тонкопленочной конструкции кораблем «Прогресс М-15», пристыкованном к орбитальной станции «Мир». Правда, задача ставилась другая — не испытание тяговых качеств, а возможность освещения участка земной поверхности отраженным светом.

Но, как бы там ни было, к этому времени среди других задач, решаемых пермским учёным-механиком Владимиром Владимировичем Маланиным, были уже работы в области теории устойчивости таких моделей в межпланетном пространстве. Пусть это было не главным в его теперешней деятельности, но, право же, весьма примечательной и симпатичной гранью научных интересов.

В августе 2004 года японцы произвели запуск и развертывание двух солнечных парусов на низких орбитах. А через год Владимир Владимирович прочел сообщение с Баренцева моря:

«Попытка вывести на орбиту «Космос-1» — уникальный космический аппарат с солнечным парусом — закончилась неудачей, так как на расчетную орбиту он так и не вышел. Ракета-носитель «Волна», на борту которой находился аппарат, накануне, 21 июня, в 23:46 по московскому времени стартовала с борта атомной подводной лодки «Борисоглебск» в Баренцевом море. Однако на 83-й секунде полета двигатель ракеты-носителя прекратил свою работу по неизвестной причине. Всю ночь продолжались поиски корабля. Это большая потеря для российской космонавтики...»

Да, это была грустная весть для тех, кого идея солнечного паруса привлекла не просто как красивая мечта, а как вполне реальная научно-техническая задача. Ее решение открывало новые возможности в освоении космического пространства. Для механиков-теоретиков это был и целый комплекс интересных исследований в области оптимизации систем ориентации космических аппаратов с таким необычным «двигателем».

Нам порой фатально не везет... «по неизвестной причине».

Почему России с ее обилием светлых голов и умных рук, державе, пионерной во многих отраслях науки и техники, так часто мешают «невынужденные ошибки», невнимательность к мелочам, те, казалось бы, несущественные моменты чьей-то безответственности, которые и опрокидывают в итоге замысленные большие дела?

Какой такой «менталитет» тут причиной? И будет ли нынешний капитализм лучшей базой для развития русской науки, чем трижды оплеванный социализм, который, хоть и в единичных экземплярах, но мог, кажется, создать в России все, что угодно и на самом передовом уровне?!

Побывав многократно за рубежом, Владимир Владимирович всегда с внутренней гордостью ощущал силу и беспредельные, казалось, возможности человеческого потенциала российской науки. Но век бросал вызов — без серьезных целенаправленных перемен наше отставание от передовых в научно-техническом плане стран будет возрастать. И, прежде всего, надо было вносить существенные коррективы в саму систему подготовки специалистов в высшей школе.

Однажды в разговоре Владимир Владимирович вспомнил почти анекдотический случай: в горбачевскую эпоху Европейская академия проводила в Страсбурге форум, темой которого должна была быть стратегия развития высшего образования.

Нашей делегации напомнили, что один из трех пленарных докладов должен быть от СССР. Тогдашний министр высшего образования охотно откликнулся на это предложение, пообещав свое выступление. Но, когда подошел срок, какие-то обстоятельства помешали ему поехать в Страсбург, и докладчиком министерство определило... ректора ПГУ Владимира Маланина, ввиду владения им языком принимающей страны.

Отвечать за всю перестройку высшей школы в стране пришлось Владимиру Владимировичу. Приехал срочно вызванный ректор в Москву. Назавтра вылет, а ни визы, ни билета нет. Съездил в посольство — к утру виза была. Министерские все же расстарались с билетом, да еще первого класса! Так вместо министра на европейскую трибуну вышел наш земляк и поведал форуму — европейским академикам и министрам, какими путями должны осуществляться развитие и демократизация нашей высшей школы.

Примечательно, что он и сам был живым примером этого процесса: первым ректором в России, избранным на эту должность, а не назначенным сверху.

Говоря в Страсбурге о необходимости перемен, он делился не только сведениями об официальной позиции министерства, но и своими размышлениями. Еще в 80-е годы, когда в Баку состоялся международный конгресс по астронавтике, у Владимира Владимировича возникло ощущение начала эры открытости: ведь это была сфера особо тщательно охраняемых секретов. Прямые контакты учёных свидетельствовали о выходе на новый уровень общения и взаимодействия мирового научного сообщества. Владимир Маланин выступил там по проблеме ориентации искусственных спутников Земли.

Было очень полезно пообщаться и со своими коллегами: учёные из МВТУ имени Баумана составляли ведущий отряд советских исследователей в космонавтике. В форуме участвовали и конструкторы, занимавшиеся практическими вопросами освоения космического пространства. Все это представляло для ученого из Перми особый интерес...

В университете постоянно идет не всегда видимый глазу, но от этого не менее интенсивный процесс развития научного знания. Особенности его таковы, что при определенных условиях — внутренних и внешних — возникают как бы «точки кристаллизации»: рождается творческий коллектив, подготовленный всем предыдущим ходом развития в университете данной отрасли знаний. Плюс потребностью в ней извне: нуждами народного хозяйства, самого хода развития науки и техники.

ОКБ «Маяк» создавался при университете с некоторой долей авантюризма (без чего редко рождается новое), но на серьезной базе «заказа» Министерства оборонной промышленности. Главным при его формировании стала опора на имевшиеся в ПГУ мощные научные школы. Важную роль сыграла и общность вузовских молодых исследователей — физиков, механиков, подготовленных уже и к коллективной работе, и к такому заданию. Пермь — сосредоточие мощной индустрии — конечно же, была активной участницей создания новой ракетной техники.

И немало тогдашних выпускников ПГУ уходило в «почтовые ящики». Что касается интересов Владимира Маланина, то речь, как говорится, шла не о «тактико-технических данных», а, скорее, — о понимании процессов управления, теоретической базе. Это было время, когда требовались новые методики и новые подходы, могущие дать новый импульс конструкторским решениям.

Старые представления уже не всегда работали. По мере расширения освоения космоса в науку органично входил слой молодых исследователей, сочетающих фундаментальные подходы с интересом к прикладным задачам. Перед Маланиным и его коллегами встали проблемы формирования и обкатки программных продуктов на существующих моделях, которые были бы сопоставимы с данными серийных испытаний.

Главной наградой стало для него понимание, что разработанные с его участием новые модели успешно реализуются на летающих «объектах». Более того, становятся утвержденными государственными методиками, нормативными документами, без которых расчеты создания других новых моделей не могли быть приняты.

Интересно, что если лидером среди вузов в «космическом» направлении по праву считался МВТУ имени Баумана, то пермяки тоже завоевывали своему университету заслуженную славу: к их голосу и мнению уважительно прислушивались, когда речь на совещаниях и научных форумах шла, например, о проблемах автоматизации управления летающими объектами, о новых программных продуктах, а главное — о теоретическом обосновании этих тонких вещей.

У этого «провинциального» феномена было простое и серьезное объяснение: в Пермском университете существовала целая научная школа механики, обладавшая не только высоким научным потенциалом, но и «продвинутой» в этой области знаний. По сути, все, что происходило в этой науке к середине прошлого века, не было тайной для пермских механиков и математиков. Здесь работали видные ученые академического склада и уровня.

Шел бурный процесс компьютеризации, открывавшей перед исследователями новые возможности технического порядка. Свое влияние оказывало и то обстоятельство, что ракетостроение Перми нуждалось в тесных связях с вузовской наукой, подталкивало молодых исследователей к решению самых животрепещущих проблем.

Вектор творчества, впрочем, задается разными путями. Размышляя сегодня о «стартовой отрезке» создания своего научного направления, Владимир Владимирович особо подчеркивает значение научного семинара, который он начал вести в те уже далекие годы. Здесь раскрывались творческие возможности молодых учёных, заметнее становился потенциал опытных исследователей. Демократическая форма «мозговых штурмов», свободная и необидная критика идей и решений, коллективная работа над ошибками выводили все новых коллег на орбиту самостоятельного поиска в рамках общих задач. К молодому кандидату наук Маланину люди тянулись — и это было подтверждением реального научного авторитета, определяемого зачастую не столько званиями и наградами, сколько способностью генерировать идеи.

Прорывные теоретические идеи для решения практических задач требовались сиюминутно. Потенциал молодых пермяков представлял для руководителей оборонного ведомства особый интерес: здесь уже созрели и проявились на ранних стадиях идеи использования аналитических методов вычисления, вероятностные направления в развитии информационных технологий. А вполне понятные сложности первых шагов помогали накачивать собственную мускулатуру: трудности, как известно, закаляют.

— Логика формирования коллектива «Маяка», — рассказывает Владимир Владимирович, — была понятна и симпатична. Речь ведь шла не просто о том, чтобы использовать возможности отдельных учёных: ставилась задача привлечь весь «прорывной» университетский потенциал — в физике, химии, математике, механике... Помощь оборонке — это одна сторона.

А другая — реальная помощь самому вузу в развитии этих направлений...

Симбиоз науки с военной и космической промышленностью — не только российское изобретение. Но в нашей стране, действительно, вынужденно ставшей военным лагерем, именно потребности защиты Отечества стимулировали многие и многие научные разработки, в том числе и фундаментальные, без которых не обеспечить прорывные высокие технологии. Режим секретности касался сотрудников «Маяка», может быть, в меньшей степени, чем производственников, но печать «закрытости» легла на молодые лица «маяковцев» и их лидера, по сей день не очень разговорчивого на эти темы.

Время и перемены в системе охраны гостайн в самых общих чертах приподняли завесу тайны над этим КБ, ставшем одной из важных страниц в биографии В. В. Маланина. В общем виде одна из задач, поставленных Минобороны, звучала так: создание нового программного материала.

Очевидно, не случайно это совпало по времени с бурным развитием не только материальной базы информационных технологий, но и с готовностью молодых ученых смело вторгаться в неизведанные области аналитики, использовать новые вероятностные методы.

— За последние полвека, — говорит Владимир Владимирович, — пройден просто гигантский путь в развитии информационных технологий. Они впечатляют и их просто невозможно сравнить с тем уровнем, который существовал в самом начале 60-х — времени нашей учебы и становления как специалистов.

Не часто удается ученому быть свидетелем и участником зримого процесса формирования качественно нового знания и опыта в коротком отрезке эпохи. Сегодня профессор Маланин и сам с некоторым удивлением констатирует почти невероятное изобилие новинок, ноу-хау, родившихся за эти годы в «Маяке». Может, этот багаж и стал решающим фактором того, что это КБ избежало участи многих других, завязанных на оборонку аналогичных организаций, «посыпавшихся» после 1991 года, и последовавшего коллапса оборонной промышленности, резкого снижения госзаказа.

Понятно, что сегодняшняя вычислительная база ПГУ несравнима с той, что имелаась в 70-х годах прошлого века. Но очень важным учёный В. В. Маланин считает не столько увеличение операционных возможностей машин, сколько внедрение новых подходов к аналитическим системам вычисления. Без сомнения, фактор быстрогодействия в получении огромного объема информации делает более интенсивным труд исследователя: то, что раньше занимало недели и месяцы выкачивания необходимой по той или иной тематике информации, теперь можно осуществлять, не выходя из дома, в сжатое время. Целенаправленный поиск в море информации — не просто подспорье: он определяет сегодня иные возможности, новое качество в решении научных проблем.

Еще в прошлые века усилиями таких учёных, как Гаусс, Гамильтон и других, были созданы теоретические предпосылки для решения таких задач механики, которые приобрели особую актуальность в эпоху освоения космоса. Во «Введении» к монографии «Оптимальное управление ориентацией и винтовым движением твердого тела» ее авторы В. В. Маланин и Н. А. Стрелкова указывали на важное прикладное значение этой темы для управления пространственным движением механизмов, при исследовании условий оптимального разворота, стыковки твердых тел и космических аппаратов, при управлении манипуляционными роботами.

Рациональное описание кинематики вращательного движения приобрело практическое значение при решении сложных задач, например, ориентации искусственных спутников Земли. Еще в 1975 году, в рамках изучения проблем механики управляемого движения, в Перми была опубликована работа В. В. Маланина (в соавторстве с Н. А. Князевой) «Трехосная ориентация спутника».

А в 2001-м вышла в свет книга «Случайные процессы в нелинейных динамических системах», в которой говорилось: «Задачи вероятностного исследования процессов в нелинейных динамических системах относятся к числу важнейших как в теоретическом, так и в практическом плане.

Необходимость их решения актуальна при изучении различных явлений: расчете полета летательных аппаратов под воздействием атмосферной турбулентности; анализе движения транспортных средств по неровной дороге (а что более актуально для России! — С. Ж.), при оценке перемещений высотных сооружений во время ветровых и сейсмических воздействий; исследовании качки судов на волнах; изучении отклонений элементов орбиты спутника от расчетных, возникающих из-за неточности изготовления ракеты-носителя и ошибок в работе систем управления». Надо сказать, и при получивших в последнее время особую актуальность проблемах изменения нагрузок энергосистем, зависящих от потребления энергоресурсов и даже при анализе непредсказуемого спроса в экономических сферах...

Этого списка достаточно, чтобы представить широчайший спектр применения данных теоретических разработок.

Владимир Владимирович внес свой вклад в интенсивно развивающуюся науку — статистическую динамику, занимающуюся исследованиями сложных явлений в стохастических (или вероятностных, случайных) системах. Это одна из прикладных ветвей теории случайных процессов. Если говорить о случайностях и закономерностях в нашем динамично развивающемся мире, то, пожалуй, случайностей можно насчитать значительно больше, и именно они представляют для науки и общества особо важный интерес...

Методы анализа стохастических систем, предложенные В. В. Маланиным и его соратниками, прочно вошли в научный обиход. Ведь до сих пор не существует достаточно универсального алгоритма, пригодного для решения многих возникающих задач. Поскольку методы случайного анализа сложны, предпринимаются попытки использования систем аналитических вычислений (САВ).

Только вот однажды ректор Маланин с некоторой грустью заметил журналистам, что мотиваций к теоретической деятельности у «нынешних» студентов, к сожалению, стало меньше. Снижается стремление к овладению

фундаментальными знаниями, хотя, безусловно, много талантливых и, как говорится, «продвинутых» ребят в нашем крае. Они выявляются и олимпиадами, и физматшколами, лицеями и т. д. Их число определяется, как и прежде, количеством увлеченных, настоящих педагогов в школах и лицеях, около которых и подрастают будущие исследователи — новая генерация учёных. Жаль только, что педагогов таких становится меньше.

К тому же заметна тенденция даже среди одаренных ребят, овладевших со школы компьютерной грамотностью, считать, что этот ИНСТРУМЕНТАРИЙ и есть самое основное, достаточное для творчества, чего, мол, «хватит для жизни» и продвижения в науке. Это явное заблуждение беспокоит ректора университета, традиционно ориентирующегося на повышение качества общетеоретической, фундаментальной подготовки будущих специалистов.

Принципиальная позиция профессора Маланина заключается в том, что определяющим фактором развития той области знаний, которой он посвятил жизнь, является глубокое аналитическое осмысление, совершенное владение математическим аппаратом, созданным современной наукой. По его мнению, здесь сейчас на первый план выходит изучение систем НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ, максимальное использование для этого возможностей ВЕРОЯТНОСТНОГО направления, оптимальное сочетание аналитических подходов с возможностями современной вычислительной техники.

В этот симбиоз, уверен он, будут упираться и любые прикладные исследования. А потому задача его, уже не просто как ученого, но и как ректора, — всемерно способствовать тому, чтобы профессиональная образовательная подготовленность базировалась на фундаментальном, академическом уровне. И проблема реформирования высшей школы в данном ракурсе ему вполне понятна, как и способы ее решения.

— Мне кажется, — размышляет он, — нельзя упускать ни одну из этих сторон в современном обучении на математическом, физическом и других естественных факультетах. Необходимо достаточно массовое и глубокое понимание этого процесса и путей реализации в высшей школе.

Надо готовить людей не просто продвинутых в какой-то области, но способных в рамках новых вероятностных методов осуществлять проекты, рассчитанные на длительную перспективу как с точки зрения пополнения научного знания, так и на путях практики.

В конце концов, уже сегодня существует проблема появления и становления действительно крупных учёных, способных стать лидерами новых направлений, сформировать свою полноценную научную школу. Увеличение числа пусть и очень грамотных исполнителей не обеспечит стране необходимые прорывы к высотам нового знания, новых технологий. Крупный интеллект — это огромная внутренняя работа педагогов и личности, независимой от шаблона и догм, умеющей за счет анализа огромного числа факторов предугадать новый путь в науке, определить вероятности, привлечь необходимые ресурсы...

— Смена научных приоритетов — не шутка, — убежден Владимир Маланин. — В течение многих лет российскую науку пополняли учёные с высочайшим уровнем подготовки и способностью воспринять новое, адаптировать свой научный потенциал и багаж к решению абсолютно новых задач в резко изменившихся условиях. Грубо говоря, при хорошей обученности, например, выпускники-математики могут работать в самых различных сферах — в тех же банках, фирмах, даже в искусстве. Но я не припомню случая, чтобы человек, получивший гуманитарное образование, стал профессиональным математиком. Фундаментальное образование — это ведь очень практическая вещь: оно обеспечивает и воспроизводство новых поколений учёных. Но, к сожалению, в этой очевидной истине приходится вновь и вновь убеждать.

Административный метод здесь работает достаточно ограниченно, уповать на него нельзя. Нужны органичные механизмы подготовки и воспитания исследователя с незашоренным мировосприятием. Нужны ребята, у которых есть блеск в глазах. Важно, что, несмотря ни на какие поветрия, число школьников, увлеченных естественными науками, не уменьшилось.

Этому, кстати, способствует компьютеризация образования и досуга. И хотя увлечение компьютером и математическая направленность подростка — вещи разные, но есть между ними и взаимосвязь. А в школах края немало педагогов с университетским образованием, которые по-настоящему увлечены поиском и поддержкой талантов.

Дальше должна работать система отбора, льгот и поддержек одаренных детей при поступлении и обучении в вузе. И — очень важно! — вуз должен позаботиться об эффективных живых связях с академической наукой. Это стало программой действий ректора Маланина, некоторые «итоги» которой отражены в первых главах этой книги. Приход академиков в ПГУ знаменовал, помимо всего, еще и большую степень доверия к выбору молодежи, продуманное инициирование самостоятельности студентов.

В биографии самого Владимира Владимировича есть весьма знаменательный эпизод: он на полгода раньше сокурсников окончил Пермский университет, и после недолгой подготовки в МГУ ему поручили вести занятия на... своем курсе.

Можно представить, как психологически сложно должно ему было быть в данной ситуации. Но в памяти осталось чувство легкости и естественности происходящего: шел нормальный процесс обмена знаниями, где вопросы какой-то субординации отступают на дальний план.

Для него это были особенно яркие и насыщенные годы — первые после окончания вуза. Комната в общежитии — как продолжение студенческого быта, не обремененного еще житейскими заботами. И первые подходы к актуальнейшей теме — задачам ориентации искусственных спутников Земли...

В представлении многих людей университетский учёный — это некий «двуликий Янус» в хорошем смысле данного определения: мол, половина его рабочего времени посвящается педагогической деятельности, а другая — фундаментальным исследованиям. Все это должно финансироваться государством. Только вот на деле «ба

155

ланс» этот подвержен сильным колебаниям, а нормальное бюджетное финансирование вузовской науки, похоже, отошло в область преданий. Перед ректором Маланиным еще в конце прошлого века со всей остротой встал вопрос: как поддерживать приоритетные вузовские научные направления?

Необходимо было переходить на проектно-программный метод финансирования. Это стало общей тенденцией в российской науке новейшего времени. Ученые должны были освоить конкурсные условия, привыкнуть к состязательности, ибо только победитель мог рассчитывать на поддержку проекта в рамках определенного срока.

Для многих ученых это было непривычно — писать десятки заявок, из которых ни одной не гарантировался успех. Но такая практика давно существовала в мире. Так что в «баланс» деятельности ученых ПГУ вошла еще одна «составляющая» — периодическая работа над заявками на гранты. Поначалу приходилось почти заставлять, да и до сих пор это воспринимается некоторыми солидными учеными с трудом. Ректору пришлось приложить немало усилий и личным примером показать необходимость и возможности участия в конкурентной борьбе за многочисленные научные гранты, что давно уже стало мировой практикой.

Принцип состязательности лишний раз подчеркнул, что реального успеха может достичь лишь сформировавшийся коллектив единомышленников, состоявшаяся научная школа или направление.

Предметом гордости ректора стало то, что ПГУ совместно с академическим Институтом механики сплошных сред победил в очень важном конкурсе, проводимом международной организацией CRDF по формированию научно-образовательного центра, о котором в этой книге более подробно рассказывает директор ИМСС академик В. П. Матвеевко.

Университет существенно продвинулся в поддержке коллективов молодых ученых — физиков, математиков, представителей других наук. Улучшилась материальная база исследований — появилось оборудование, которое вуз вряд ли сумел бы приобрести сам: возможности появились

с реальным финансированием в миллион долларов, идущим суммарно и по линии международных фондов, и по линии министерства, а частично поддерживается и Пермским краем. Причем очень важно, что приборы и оборудование, приобретаемые на гранты, используются не только в научных целях, но и в учебном процессе, обеспечивая современный уровень знаний у студентов.

А ректору стало особенно ясно, что подобные победы могут достигаться лишь при четкой доказательности проектов и поддержке их со стороны не только системы образования, но и со стороны региона. Жизнь и практика показали, что даже международные гранты, а тем более поддержка таких организаций, как РФФИ, РГНФ и других фондов, достигаются легче тогда, когда Пермский край проходит «свою часть пути», гарантируя участие региона в реализации проектов учёных.

Федеральное подчинение вуза — не помеха эффективным контактам университета с местной властью, промышленностью, народонаселением, наконец. Владимир Владимирович и как руководитель ПГУ, и как председатель совета ректоров вузов Пермского края не мыслит развития системы высшего образования и научного творчества коллективов вне постоянного и целенаправленного диалога с властью, общественностью и бизнесом Прикамья. И этот диалог ведется — консолидированно, с выработкой ректорами единой позиции по принципиальным, насущным проблемам высшей школы. Создание в крае университетских округов знаменовало еще один этап укрепления этих связей: один из них был создан в юбилейном году в Коми-округе, вошедшем недавно в состав края, но с которым ПГУ всегда поддерживал надежную связь.

Особая страница в биографии вуза и его ректора — международные связи ПГУ. Их интенсификация в определенной мере связана с так называемым «Болонским процессом». Это название движения в странах Европы по сближению и гармонизации систем образования, получившее развитие после подписания в 1999 году Болонской декларации. В соответствии с ее требованиями предусматривается к 2010 году реформировать национальные системы образования.

А это означает введение трехуровневой системы высшего образования — бакалавриата, магистратуры и докторантуры, ряда других обязательных параметров. Среди них, например, создание единого европейского исследовательского пространства...

Очень важным в этом документе было определение университетов как центров развития европейской культуры и носителей европейского сознания.

Первый европейский университет на границе с Азией, конечно, не мог остаться вне этих интересов и перспектив. На этот «вызов века» ПГУ готов был ответить, опираясь, опять же на глубокие корни своей истории и практики. Владимир Владимирович как-то сказал:

— Просто поражаюсь, как, находясь в течение многих десятилетий вместе с краем в «закрытом режиме», университет все же строил эту политику, сохраняя еще стартовые ценности и традиции. Прежде всего это проявилось в высоком уровне преподавания иностранных языков...

Да, язык — основа и необходимое условие общения. Удивительно, что, практически не имея контактов с носителями европейских языков, филологи ПГУ держали этот уровень, преодолевая проблему слабой мотивации у студентов и аспирантов к их изучению: реальная тогдашняя невостребованность «живого языка» ориентировала их лишь на переводы. А ученые, даже самые крупные, редко имели возможность выехать за границу.

— Преподаватели, которых я застал, были настоящие подвижники. Они блестяще владели языком со всеми его оттенками и даже неологизмами. Вспоминаю такого замечательного педагога, как Екатерина Иосифовна Преображенская — заведующая кафедрой иностранных языков. В ее судьбе (достаточно трудной) был и такой примечательный факт: она родилась в Париже. Там вскоре удалось побывать и мне.

Париж. Сорбонна...

В судьбе Владимира Владимировича этот университет сыграл особую, очень важную роль. Однажды его — первого в истории ПГУ председателя совета молодых учёных — пригласил проректор по науке Игорь Александрович Печёркин:

— Подумайте о Франции, Владимир.

— Но я совершенно не знаю французский! Может, лучше в США?

— Ну и засядешь там в университетском кампусе на год. А Париж

— это такое место, куда и американцы рвутся...

И, значит, язык за год надо было выучить.

В начале 70-х командировка за рубеж еще оставалась делом почти невероятным. Тем более — для представителя провинциального вуза. Пятнадцать союзных республик, Москва и Ленинград с лихвой закрывали квоту в 10–15 человек, командируемых во Францию на годичную стажировку. Маланин плотно взялся за изучение языка, сохранив с тех пор благодарную память о педагогах иняза — специалистах высокого класса. И — отметив важность хорошей постановки изучения языков в вузе...

Пройдя все этапы отбора и утверждений, доцент ПГУ оказался в «сердце Парижа» — Латинском квартале. Вскоре получил здесь однокомнатную квартиру, из окон которой были видны Пантеон и Нотр-Дам. Скучных денег ему вполне хватало на жизнь, тем более что по субботам в музеи пускали бесплатно. И даже путешествовать по Франции в выходные дни можно было без особых затрат.

Но главное — пермяк попал под опеку к профессору Ж.-Л. Лионсу, члену привилегированного научного сообщества Коллеж де Франс, ученому с мировым именем. Уже через два месяца стажеру предоставили возможность выступить с докладом на международном конгрессе по теории систем. Участие в семинарах, на которые приезжали учёные со всего мира, общение с коллегами в Сорбонне убеждали его, что высшее образование, даваемое тогда в России, было абсолютно «конвертируемым» и не ставилось под сомнение научным сообществом Запада. Но уже тогда проявлялось наше заметное отставание в вычислительной технике, использовании компьютеров в учебном процессе, которое потом еще более увеличилось.

Он наглядно убедился, что европейская система обучения основана на гораздо большей самостоятельной работе студентов, чем у нас. Классический метод нагружения лекциями и немного семинарами шел вразрез с мировыми тенденциями. Значит, и нам надо бы активной двигаться в эту сторону — развивать творческие способности студентов, приглашать в университет ведущих ученых и специалистов из академических учреждений, создавать гибкую систему специализаций, отвечающих требованиям времени. И, безусловно, создавать и укреплять систему международных связей, переходя от единичных контактов к новым формам широкого, полноценного сотрудничества.

Так закладывалась в те годы основа его будущей «ректорской программы». Это было испытано на себе и вдохновлялось живыми примерами, уверенностью, что университету с такими традициями, как у пермского, можно и должно войти в число лучших российских вузов. Таков был «дальний прицел».

Но прежде требовалось глубже понять, как позиционировать вуз в университетском пространстве и пространстве Пермского края. Искать пути выхода на совместные с зарубежными центрами проекты, поддерживаемые международными фондами. Надо было более конкретно определиться с партнерами — так начали устанавливаться и закрепляться будущие надежные связи не только с близкой ему Францией, но и с Англией, например, Оксфордом и Манчестером (куда теперь регулярно ездят на стажировку и практику студенты), с Германией, Соединенными Штатами...

Мэру Перми Владимир Маланин привез в свое время предложение лорда-мэра Оксфорда установить полноценные контакты между двумя старинными университетскими городами. Вуз, таким образом, помогал прокладывать нашему региону, его жителям пути сотрудничества, и теперь, например, общество «Пермь — Оксфорд» живет своей самостоятельной жизнью, значительно расширив спектр взаимосвязей. Вплоть до реализации идей побратимства Пермского края и графства Оксфорд, городов Перми и Оксфорда. А там, думается, чрезвычайно избирательны в своих симпатиях.

Опыт мирового университетского сообщества подтолкнул ректора к продвижению идеи создания в вузе в 90-х годах XX века Совета попечителей ПГУ. Позже Маланин вспоминал:

— Это была инициатива самого университета, а не навязанная сверху формальная акция. Совет был создан как центр привлечения выпускников — уже состоявшихся людей — к проблемам альма-матер. И я имею в виду не только меценатскую часть взаимодействия, хотя и она, безусловно, важна, Прежде всего речь идет о своеобразной лоббирующей функции членов Совета попечителей при решении важных законодательных и бюджетных вопросов, с выходом на высокие уровни исполнительной и законодательной власти.

Проще говоря, высшая школа в пореформенной России должна была искать и находить рычаги влияния на власти в интересах всего общества. И надо было сформировать общественное мнение, в том числе и через своих представителей-попечителей, являющихся и людьми знаковыми, влиятельными, и патриотами ПГУ.

Ректору Маланину важно было добиться, чтобы члены Совета не формально, а по существу и глубоко понимали, какие цели ставит вуз перед собой, какие проблемы и сложности существуют на пути реализации этих целей. Для этого надо было создать соответствующую атмосферу и возможности максимально полного информирования членов Совета.

С другой стороны, для ректора и университета было важно понять и правильно оценить возможности каждого из попечителей для достижения общих целей вуза. Ему важны прежде всего советы, информация, анализ — исходящие от них — практические: оперативные и стратегические. Конечно, очень важна и прямая поддержка, в том числе — материальная. В трудные 90-е один из попечителей «пригнал» в университет несколько вагонов бумаги — бывшей тогда серьезным дефицитом. Несколько лет издательский отдел жил на этом «хлебе», обеспечивая выход в свет сборников научных трудов и другой печатной продукции.

Попечительский совет формировался отнюдь не по признаку «богатый и покладистый». Приглашали прежде всего равнодушных к университету людей.

В числе первых попечителей только один не являлся выпускником ПГУ — будущий мэр Перми, губернатор и министр природных ресурсов Юрий Петрович Трутнев. С ним ректор продолжает общаться и после отъезда в Москву на министерскую должность.

Попечители помогали в проведении конференций, в издательской деятельности. Особенно серьезная помощь пришла с их стороны в завершении строительства нового корпуса. Ставший депутатом Государственной думы Юрий Медведев бился (при поддержке области) за соответствующую «строку» в федеральном бюджете. Весомую помощь в миллион долларов обеспечил выпускник университета Андрей Кузьяев — один из руководителей нефтяной компании «ЛУКОЙЛ». Помог, к примеру, и Александровский машиностроительный завод, обеспечивший мрамором новый корпус. Кстати, фонтан в форме шара, бьющий теперь на площади ПГУ, — предмет особой гордости Владимира Владимировича.

И хоть юридически в уставе университета пока не оформлено подобное попечительство, нет сомнений у ректора, что дело это поистине благородное и имеет большое будущее. Может быть, в форме Управляющего совета вуза — о чем сейчас идут обсуждения и споры...

Для понимания личности ректора Маланина нельзя обойти вниманием такую грань его деятельности, как общественная работа. В его биографии — пионерская организация, комсомол, членство в Коммунистической партии занимают важное, по его собственному признанию, место. Все это — вплоть до выборной должности секретаря партийного бюро мехмата, члена Пермского горкома КПСС — он справедливо считает важной и многогранной школой жизни, школой человеческого общения, воспитания организаторских навыков.

Его серьезно беспокоит сегодня малочисленность конструктивных молодежных движений, подобных комсомолу, где могли бы получать серьезные организаторские, лидерские навыки нынешние студенты. Действительно, с водой выплеснули и ребенка. Владимир Владимирович вспоминает, как в университете вполне успешно удавалось

преодолевать формализм в деятельности партийных и комсомольских организаций, ибо на первом плане выступали конкретные и насущные потребности общения, концентрации сил на реализации широкого спектра очень здравых, значимых проектов и движений. Они больше помогали раскрыться талантам, индивидуальностям, чем подавляли кого-то в лучших движениях и стремлениях души.

И это не какая-то ностальгия по «светлому прошлому». Ученый пристально, как и подобает истинному исследователю и гражданину, следит за процессами в обществе и откликается на зов времени в своих оценках прошлого и настоящего — без конъюнктурной поспешности, не предавая настоящие ценности.

И тут важна «просветительская» роль университетского ученого. Ведь как-то так сложилось в последние годы, что различные шарлатаны, «целители» и т. п. собирают в огромных залах немало людей. Но редко можно встретить афишу, приглашающую к общению с настоящим ученым. Стали редкостью публичные лекции наших выдающихся исследователей. Речь не идет уже о полномасштабном возрождении общества «Знание», все же обеспечивавшем людям какую-то возможность приобщения к научной мысли и способствовавшим повышению авторитета и имиджа научного работника в глазах общества. Особенно в противостоянии с лженаукой.

— Общественная аудитория нынешних лекционных залов заметно сократилась, — соглашается Маланин. — Однако в ПГУ достаточно системно проводятся дискуссии, диспуты, лекции, обсуждения, встречи, которые собирают сотни людей. Университетские преподаватели играют там роль первой скрипки. Это общение бывает по-настоящему интересным, полезным и познавательным, когда обсуждаются важные общественные проблемы и ситуации. Когда политиканство и «политтехнология» уступают место научной политологии...

Владимир Владимирович, конечно, был прав, когда говорил, что обсуждать в массовой аудитории сугубо научные темы — не столь увлекательно. И тут, безусловно, существуют иные формы и методы общения с публикой.

Но он согласен с тем, что ученые, педагоги должны больше и шире поднимать проблемы качества образования, развития высшей школы, сочетания ее интересов с интересами края. Исследователи могли бы внести более заметный вклад в обсуждение актуальных региональных проблем, помогая тем самым обществу и власти искать пути решения многих назревших задач пространственного развития региона.

Юбилейный для вуза 2006 год стал годом победы Пермского государственного университета в конкурсе инноваторов, проводимом правительством России в рамках федеральной программы «Образование». Это был настоящий триумф, давший далеко не просто: почти две сотни участников — ведущие вузы страны — оспаривали гранты. А по сути, это была и борьба за лидерство.

«Формирование информационно-коммуникационной компетентности выпускников классического университета в соответствии с потребностями информационного общества» — так назывался проект, представленный ПГУ. Сделан серьезный шаг в «трансформации университета в инновационный научно-образовательный комплекс, способный решать масштабные задачи подготовки высококомпетентных кадров, проведения многоплановых научных исследований и прикладных разработок, в том числе по проблемам социально-экономического развития региона.

Для вуза грант, превышающий его годовой бюджет, означает возможность модернизации учебно-лабораторной и научной базы, приобретение лицензионного оборудования и программ, лингафонных кабинетов, выход на системную перестройку образовательного процесса и новый уровень подготовки специалистов.

Что ни говори, это — и личная победа ректора Владимира Маланина, еще один рубеж в достижении им своей мечты о ПГУ как лучшем вузе России.

Стоит напомнить слова ректора, сказанные в 2001 году на 85-летию вуза:

«Мы празднуем свою годовщину 14 октября. 1916 год... Уже тогда «опорный край державы» нуждался в собственном образовательном и просветительском центре...

Пермский университет смотрит в будущее с оптимизмом, активно ищет ответы на вызовы истории и формулирует основы стратегии развития на первое десятилетие XXI века».

Ступенями десятилетий университет идет к своему столетию. Впереди еще одна ступень — рубежная в биографии вуза и очень значимая для его ректора...

...Он стал доверенным лицом Президента России Владимира Владимировича Путина, веря в благородство и искренность его дел и помыслов.

Ему по-настоящему дорог университет, в котором он живет, учится и работает вот уже сорок лет.

Работает — на благо нашего края и нашей России...

Владимир Владимирович МАЛАНИН.

Родился 30 августа 1942 года. Выпускник ПГУ.

Доктор технических наук, профессор. Автор 365 научных работ по теоретической механике, в числе которых — монографии и учебники для высшей школы. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Международной академии наук высшей школы, Российской академии естественных наук, Академии космонавтики имени К. Э. Циолковского, Международной академии информатизации, Национального комитета по теоретической механике РАН и ряда других академий.

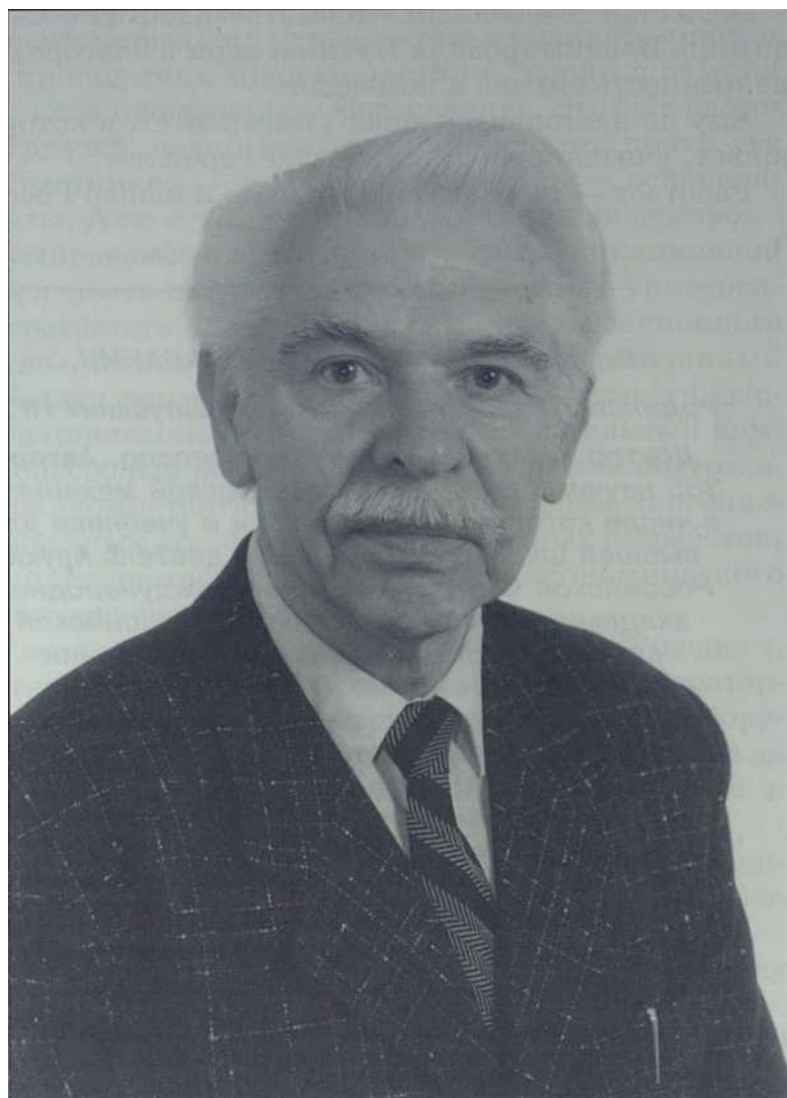
Бессменно, в течение десяти лет возглавляет Совет ректоров вузов Пермского края.

Член Совета Российского союза ректоров и Совета Евразийской ассоциации университетов, член коллегии Рособразования, почетный гражданин Пермского края.

Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством».

VIVANT PROFESSORES!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.
ГЛУБОКАЯ РАЗВЕДКА

Даже если бы кроме учебника «Электроразведка» и альбома палеток профессор Борис Константинович Матвеев не был бы автором ряда монографий и еще 120 научных работ, воспитателем целой плеяды докторов и кандидатов наук — его имя все равно вошло бы в список выдающихся учёных-геофизиков России.

Путь Матвеева — блестящий пример соединения таланта с трудом, доказательство того, сколь много может добиться человек, поставивший с юности себе правилом БЫТЬ ПЕРВЫМ.

В его жизни было три университета — Московский, Пермский и война...

«Цветком древлеправославного благочестия» называли Орехово-Зуево на Руси. История города неразрывно связана со старообрядческими династиями промышленников, предпринимателей, благотворителей Морозовых и Зиминых.

Орехово-Зуево, упоминаемое в летописях с марта 1209 года, было в начале прошлого века скромным русским городком на Клязьме. Но этот фабричный центр отличался от многих тогдашних мануфактур России особой атмосферой непоказной порядочности и трудолюбия населения и самих владельцев, вошедших в историю как образцы истинного меценатства, заботы о ближних. На их капиталы возводили храмы — центры духовности, шло грандиозное по тем временам строительство больниц, жилья для рабочих, социальных учреждений, заботящихся об обездоленных. И хоть неправильно было бы сегодня идеализировать «тот» капитализм (иначе, наверное, не поднялся бы на революцию орехово-зуюевский пролетариат), но добрый исторический пример нынешним предпринимателем те же Морозовы могли бы дать...

1926 год был отмечен для Орехово-Зуево важным событием — был сооружен городской водопровод. А для дружной семьи Матвеевых он ознаменовался появлением на свет младшего сына Бориса. Рожденный под знаком Рыб, он с малолетства проявил недюжинные способности, легко усваивая школьный курс наук и не упуская при этом любую возможность подольше погонять в футбол. Это обычное, полное радости детство было резко и жестоко прервано войной...

Вот что он написал об этом спустя годы:

«От ошеломляющего радиосообщения о нападении фашистов на нашу страну прошло мало еще времени, но мы уже жили с ощущением беды, которая надолго... начался иной отсчет дням и часам. Уже через месяц немцы оказались под Смоленском и начали бомбить Москву. С крыши нашего трехэтажного дома были видны рыскающие по небу столицы лучи прожекторов, разрывы зениток и зарево пожаров. Изредка чертили небосвод дымные трассы сбитых самолетов.

Ввели затемнение, отключили электричество и отопление на гражданских объектах — мир как будто сузился, обозначив для меня, подростка, жесткую грань между недавними светлыми планами и суровой реальностью.

Только что окончив семилетку, мечтал я о продолжении учебы, но оказался в ремесленном училище, где нескольких простых уроков оказалось достаточно для посильного участия нас, мальчишек, в изготовлении деталей мин, инструмента для военных заводов, да «ежей» против вражеского транспорта. С осени сорок первого главным ощущением войны стал голод. Хлеба, выдаваемого по карточкам, не хватало — все время хотелось есть.

Этой же осенью ушли на фронт отец и мой старший брат — восемнадцатилетний Юрий. Он погиб в феврале 42-го, когда началось контрнаступление наших войск под Ржевом — одна из самых кровавых страниц той войны.

А в марте пришла весточка от отца, что лежит он в подмосковном госпитале. Мне удалось выхлопотать пропуск на двое суток, и я поспешил к нему. Ехать надо было через Москву. Курский вокзал встретил истошными звуками сирены: началась бомбежка. Вместе с толпой я оказался в туннеле. Слышно было, как сердито бухали зенитки, да барабанили по мостовой осколки. После отбоя у нас проверили документы и я вышел на улицы Москвы.

Она была непривычно малолюдной, серой и грязной. Дома, окрашенные в защитный цвет, мешки с песком, противотанковые ежи, заклеенные окна. Некоторые здания закрыты маскировочными сетками. Почти на каждом углу патруль НКВД придирчиво проверял документы. Пока дошел до Рижского вокзала, останавливали раз десять.

В электричке, забитой одними военными, очередная строгая проверка: едем по прифронтовой полосе. За окном — сожженные дома, груды разбитой техники — свидетельства недавних тяжелых боев. Но тогда для нас было главным, что фашист не прошел! (До сих пор, уже прочитав немало полководческих мемуаров и разной исторической литературы, не могу до конца понять, как удалось выстоять той страшной осенью и зимой, обратить врага в бегство?! Разве что в воспоминаниях Константина Симонова встретились слова, якобы сказанные писателю маршалом Г. К. Жуковым на вопрос: что помогло предотвратить прорыв немцев? «Чудо» — коротко ответил тот, кто ныне памятником на коне перед Историческим музеем символизирует полководческую мудрость.)

А «чудо» это я увидел в тесном вагоне электрички и запомнил на всю жизнь. Их — небритых, таких непарадных и родных — солдат, офицеров...

Осунувшийся после ранения отец заплакал в палате, увидев, как болтается в воротнике черной «ремесленной» шинели моя худенькая шея.

Он ослаб — потерял много крови. Но я не мог не показать ему шершавый листок извещения о гибели брата. Отец посмотрел на номер полевой почты и выдохнул:

— Все! Там такое было, что и клочка Юриной шинели не найти.
Брат...

Иногда мне кажется, что довольно долгая моя жизнь — это и его непрожитые годы, несостоявшиеся чувства, мечты, надежды. Он был всегда для меня учителем, защитником, другом — самым близким, как и родители, человеком. Юрий походил на русского былинного богатыря: высокий, сильный, открытое умное лицо, теплый взгляд добрых серых глаз... Своей многогранной талантливостью брат поражал окружающих — прекрасно музицировал, рисовал, мастерил модели. Много и вдумчиво читал. Думаю, мне передалась его глубокая любовь к природе, ко всему живому. К той земле, в которую он лег.

С особым чувством отношусь я к великому нашему памятнику — могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Может, в ней лежит мой вечно юный старший брат...

А отец, чуть подлечившись, снова ушел на фронт. И снова в марте был ранен. На этот раз тяжело. Долго лежал в казанском госпитале. Потом вернулся домой инвалидом, но меня в январе 43-го уже призвали.

Попал я в учебный стрелковый полк, где готовили бронбойщиков. Все мечтали быстрее попасть на фронт. И, пожалуй, не столько подвигов ради, сколько от желания поскорее уйти от скудного питания, от внезапных подъемов и марш-бросков по промерзлой земле. Худенькое обмундирование не спасало от холодов. Вот уж поистине — «война совсем не фейерверк, а просто трудная работа...»

Победу встретил младшим сержантом, командиром отделения в Селецком военном лагере под Рязанью. В четыре утра разбудил дежурный по роте. На календаре — 9 мая.

— Вставай! Победа!..

Едва поверив в радостную весть, начали водружать над землянкой свой флаг Победы, устроили салют, расстреляв на радостях боекомплекты. Повяло вольницей — поехали с другом в Рязань. Окунулись в море ликования. Вернулись в расположение немного хмельными, с родившимся в этот памятный день и оставшимся навсегда чувством тоски и нескончаемого уже до веку моего ощущения печали и радости вперемешку. О чем потом, через годы, так точно прозвучат и лягут на душу народа слова песни о «празднике со слезами на глазах».

...В ноябре 45-го меня демобилизовали, и я вернулся в родной дом, чтобы снова начать отсюда свой путь в университет, в науку. Но еще предстояло похоронить уже после Победы отца, который, как и мой брат, и тысячи наших людей, остался на той войне...»

Еще в ремесленном Матвеев поставил себе цель — стать настоящим слесарем, мастером своего дела. С тех пор стремление быть первым, лучшим в любом деле, станет его глубокой внутренней потребностью и неотъемлемым качеством. А рассказ его хотелось бы дополнить вот чем.

Когда училище эвакуировали в Барнаул, Борис решил остаться в прифронтовом Подмосковье. Вскоре немцев от Москвы отогнали, и он поступил в другое училище, но с той же целью и решимостью. Вскоре жизнь устроила ему проверку: весной 42-го воспитанников РУ послали на работу в колхоз. Поезд довез их до Горького, где действительно было «горько» и ужасно голодно. У наиболее отчаянных родилось решение — двигать дальше на юг.

Борис устроился было прицепщиком в Лукояновском районе. Но обнаружил слесарный талант — почему и приглашен был на машинно-тракторную станцию. Старенькие, изношенные машины больше ломались, чем работали. Села без мужиков держались женским и детским трудом, да вот этими бросовыми тракторишками, без которых в поле вообще была бы хана.

Так и получилось, что к сентябрю воспитанник в училище не вернулся, а верой и правдой горбатился в МТС до самого декабря, пока Лукояновский райвоенкомат не призвал в армию.

И здесь, верный принципу «быть лучшим», он стал настоящим умелым солдатом, освоив «бронбойную науку» так, что командование поручило младшему сержанту Матвееву обучать молодых солдат. Восемнадцатилетний боец велением судьбы и времени стал командиром — воспитателем и наставником солдат. Значит, было уже тогда что-то такое заметное опытному глазу старших, что отличало этого юношу, заставляло верить в его основательность, умелость, надежность. Искорки педагогического таланта суровое военное время быстро превращало в подлинное умение воспитывать других, ибо главным способом и методом был личный пример. И тут уж никого не обманешь...

Эти штрихи из биографии профессора Матвеева важны для понимания фундамента, основы его личности. Мы вырастаем из молодости сформировавшимися людьми, и все заложенное и освоенное в эти годы, зачастую, наш самый главный жизненный багаж, определяющий дальнейшую судьбу. Можно сказать, что путь в науку Борису Константиновичу, конечно же, не был предопределен свыше, и все могло сто раз сложиться по-иному. Но давайте теперь взглядимся в цепь событий после ноября победного 45-го.

Итак, по стечению обстоятельств, вместо запланированного техникума он, благодаря настойчивости и помощи друга детства, идет со своими семью классами и слесарной подготовкой сразу в... 10 класс вечерней школы рабочей молодежи. Справка, выпрошенная у секретаря его родной школы об окончании, якобы, девяти классов, безусловно, не помогла и не спасла бы его от немедленного разоблачения, если бы в кратчайший срок он не подтвердил знаниями свои отчаянные притязания на аттестат зрелости.

Чем, кстати, поразил свою соседку в ШРМ, прекрасно знавшую, сколько классов Борис закончил перед войной на самом деле.

Очевидно, стремление парня компенсировать годы, отнятые войной, находили понимание и у руководителей средней школы. Но даже самое благожелательное их отношение не объяснит удивительного факта: «самозванец» не просто закончил обучение, а завершил школьный курс блистательно, с медалью, действительно еще тогда золотой.

Характерный для Бориса Константиновича Матвеева штрих: вспоминая школьные годы, он без натуги приводит имена своих учителей: «...а вот математик у нас был замечательный, Иван Романович Игнатенко...» Примечательное человеческое качество — благодарная память о наставниках, присущая всем героям этой книги...

Вот говорят, что биография ученого — в его работах. С одной стороны, это так. Но по ним вряд ли поймешь те импульсы, что влияют на выбор направления, тем исследований, собственно, на сам процесс формирования научных интересов. Нет сомнения, что кочевая армейская жизнь не имела прямого отношения к будущей науке — геофизике, которой Матвеев посвятит жизнь. Однако, когда встал вопрос о выборе факультета в Московском университете (кроме которого ничего для Бориса тогда и не существовало в высшей школе), геологический возник как цель естественно и однозначно, словно подготовка к новому и очень интересному продолжению военных «передислокаций» с их полевым бытом, близостью к природе и товарищам. Привлекала и романтика этой очень популярной в те годы профессии. Так он и изменил «хрустальной мечте детства» — стать авиатором, обретя вместо неба Землю...

Университет, в котором царил невыветрившийся даже в советскую эпоху дух старой русской профессуры, захватил властно и полностью. Особенно знаменательной для студента Матвеева стала встреча с ученым Александром Игнатьевичем Заборовским — его первым Учителем, который был и первым наставником всех геофизиков страны, и о котором спустя годы Борис Константинович писал в воспоминаниях:

«С ним была связана целая эпоха в становлении и развитии отечественной геофизики на всех ее этапах, от первых практических работ на Курской магнитной аномалии, показавших большие возможности геофизики в разведке полезных ископаемых, до создания крупных трестов, экспедиций и широкой подготовки специалистов в вузах и техникумах. Это был первопроходец, оставивший глубокий след в науке своими пионерскими работами по земному магнетизму, теории разведочной геофизике и оригинальными учебниками.

Мне посчастливилось быть его прямым учеником и непосредственно общаться в рабочей и домашней обстановке в последние 25 лет его жизни. Александр Игнатьевич был широко эрудированным интеллигентом, остроумным и находчивым собеседником, отличающимся большим тактом в общении. Обычно чрезвычайно сдержанный в рабочей обстановке, он оживлялся в присутствии увлеченных людей, искренне радовался успехам своих учеников, с большой теплотой отзывался об успехах своих коллег. Я до сих пор живо представляю его добрую улыбку, когда мне доводилось делиться с ним интересными, как мне казалось, идеями или новыми задумками. Как всякий крупный ученый, он, наверное, не был лишен честолюбия, но оно было глубоко сокровенным...

Впервые мне довелось увидеть Заборовского в июле 48-го года. Мы — первокурсники — вернулись после геодезической практики и нас ждала неприятная новость: геофизическую специальность на геологическом факультете закрывают, а студентов переводят на физический факультет.

Об этом нам сообщил лаборант, который и посоветовал обратиться к Заборовскому. Поехали к нему домой на Большую Полянку. Александр Игнатьевич был приветлив, но бледен после операции на сосудах ног и казался утомленным. Хотя он и был удивлен такой любовью к будущей профессии (о которой никто из нас еще толком не знал), наша решимость дойти до ЦК партии явно порадовала его. Успокаивая нас, профессор рассказал, что решение о закрытии специальности вынес пока Совет факультета, но вопрос будет решаться в министерстве, а там вряд ли согласятся с доводами Совета. По его тону мы поняли, что уже немало сделано, чтобы там «не согласились...»

Этот эпизод стал для нас хорошим уроком. Мы поняли, что геофизика — новое направление в геологии и за него надо бороться.

От традиционных геологических изысканий, непосредственных наблюдений геофизика вела к получению информации о поисковых объектах путем интерпретации инструментальных измерений. Вместо шурфов и скважин в полевых условиях стали применяться приборы, позволявшие как бы слушать Землю. Знание физических свойств пород и их «реакции» на то или иное воздействие позволяло быстрее и достаточно точно выявлять месторождения полезных ископаемых, картировать различные геологические структуры, такие как соляные купола и антиклинали — хранилища нефти.

Океанское дно, ледники, толща земной коры открывали свои тайны с созданием аппаратуры зондирования и разработкой новых научных методов измерения и интерпретации данных. Одним из ведущих направлений здесь становилась в те годы электроразведка, основывающаяся на изучении различных искусственных и естественных электромагнитных полей. Применяемые здесь методы весьма разнообразны, как широка и гамма естественных полей — космической, атмосферной и электрохимической природы, а тем более, искусственных полей с различными способами их создания и измерения на основе самых современных достижений радиоэлектроники и электротехники.

Но далеко не сразу эти «неразрушающие» методы поиска получили признание и доверие. Более того, волны неприязни к геофизике довольно долго распространялись в недрах научного мира.

Через десять лет Матвееву снова пришлось столкнуться с проблемой закрытия специальности «геофизика» на геологическом факультете Пермского университета. И вновь, не без участия А. И. Заборовского, удалось ее отстоять.

— Только сейчас, когда достижения геофизики очевидны, — рассказывает Борис Константинович, — мы по достоинству можем оценить дальновидность и твердость, с какой он, думая о будущем науки, отстаивал свою позицию. И делал он это, не подавляя своим авторитетом, а спокойно, деликатно и аргументированно.

...Летом 1952 года были развернуты крупные геологогеофизические исследования на севере Туркменистана: проектировался Главный Туркменский канал, который должен был соединить воды Амударьи с Каспием и оросить огромную площадь пустыни Кара-Кум. Геофизические работы участвовавших там геологов МГУ курировал профессор Заборовский.

По пути в Ашхабад Матвеев остановился в Баку и зашел в книжный магазин «Азеркитаб». «К моему глубокому изумлению в отделе технической литературы сиротливо стоял десяток заветных книг — «Электроразведка» А. И. Заборовского (1943 г. издания). К удивлению продавца я немедленно купил их все и отправил в Москву.

Ашхабад лежал в развалинах после разрушительного землетрясения 1948 года, но аэропорт работал, и я вылетел на базу экспедиции, расположенную в 400 километрах севернее Ашхабада. Меня сразу зачислили там в штат экспедиции инженером-геофизиком, поскольку специалистов катастрофически не хватало, и направили в электроразведочную партию, которая базировалась в самом пекле пустыни у безводного в те годы Саракамышского озера около колодца с горько-соленой водой.

Мне с небольшим отрядом было поручено обследовать плато Зенги-баба (Дедушкина лестница) южнее озера. Плато-останец с плоской вершиной и обрывистыми стенами простиралось с севера на юг в виде узкого бастиона и возвышалось над округой метров на 60. Его предполагалось использовать в качестве будущей плотины.

До самого горизонта дышала жаром барханная пустыня, а на восток простирался обширный такыр — плоская высохшая глинистая равнина. Однажды в небе появился самолет, помахал крыльями, развернулся и, к нашему изумлению, нацелился пикировать прямо на плато. Не успели мы осознать рискованность такого пилотажа из-за сильных воздушных завихрений около обрыва, как самолет благополучно приземлился и подрулил к нашим палаткам.

Из второй кабины «этажерки» ПО-2 неловко выбрались двое в летных шлемах: начальник экспедиции П. А. Виноградов и... профессор Заборовский. Как пошутил Петр Александрович, Александр Игнатьевич захотел повидаться со своими учениками непосредственно в экзотической обстановке. (Позже он с улыбкой вспоминал этот эпизод, а жена его — Екатерина Алексеевна сердилась и называла «безрассудством» и «детской выходкой».)

Но он не был домоседом и кабинетным работником. Часто выезжал в экспедиции, где работали его ученики, консультировал, учил, напутствовал. В Туркменской экспедиции профессор совершил рекогносцировочный облет территории — это в середине лета, в самую жару! — помог наладить обработку и интерпретацию грави-, магнито- и электроразведочных данных, увязать их с конкретной геологической обстановкой».

Аспирантские будни Матвеева совпали в 1953–55 годах с переездом кафедры в новое здание на Ленинских горах.

Продолжим его рассказ: «На очередной консультации Александр Игнатьевич вместо традиционного «Ну-ну...» очень заинтересованно просмотрел мои расчеты и весьма лестно отозвался о проделанной работе. Материалов накопилось много. Заборовский решительно отсек две трети, посоветовав приберечь их для монографии, а остальное включить в диссертацию. Результаты исследования позднее были опубликованы в монографии «Геофизические методы изучения движения подземных вод», а Александр Игнатьевич счел целесообразным упомянуть об этих экспериментах во втором издании учебника «Электроразведка»...

Три года в аспирантуре под руководством такого большого ученого много значили для Бориса Матвеева, имевшего тогда уже серьезный жизненный опыт, помогавший разбираться в том, что важно, а что и не очень. В теме диссертации было много вопросов и «белых пятен». Но тут случился неожиданный визит к профессору Заборовскому геофизиков из Средней Азии: они приехали проконсультироваться как раз по проблеме, над которой работал аспирант Матвеев.

Речь шла об изучении движения подземных вод. Молодому ученому казалось, что решение найти просто — «зарядить» скважину солью, она в подземной воде растворится и создаст зону повышенной электропроводимости. Тогда достаточно опустить электрод и проследить движение воды в зоне. Но на практике результат то достигался, то нет.

Профессор помог четче очертить задачу и вывел ученика на длинную череду экспериментов, теоретических расчетов, в результате которых выстроилась довольно стройная теория — первая обобщающая работа по изучению геофизическими методами движения подземных вод. Это имело большое научное и практическое значение и выводило молодого исследователя на «передний край» этого раздела геофизики.

Да и сам предмет изучения был весьма актуален для СССР, южные районы которого были в большинстве своём маловодными.

Шла разведка пресных и минерализованных подземных вод, пригодных для водоснабжения и бальнеологических целей. Для засушливых районов было жизненно необходимо разыскать под землей хорошую питьевую воду, для орошения, для водопоя скота... Линзы пресной воды, целые русла исчезнувших некогда рек — недра хранили богатства, которые для Бориса Константиновича и ныне значат ничуть не меньше, чем залежи «черного золота».

В январе 1956 года на ученом совете геологического факультета МГУ состоялась защита кандидатской диссертации молодым ученым Матвеевым, а через три недели он уже ехал в поезде в город Молотов, куда и был направлен по заявке области на преподавательскую работу в университет. Кандидат в члены КПСС не мог отказаться от распределения. Но Борис и не думал возражать с тем, чтобы остаться в столице. Он стремился к самостоятельности и хорошо запомнил слова Александра Игнатьевича, сказанные на прощанье: «Преподавательская работа — это большая школа для молодого научного работника, но в первые годы будет очень трудно».

Широка «география» геофизика Матвеева в научном поиске. От Туркмении и Армении — до Урала и Сибири. И личным участием в экспедициях, и консультированием коллег, и применением на практике разработанных им программ интерпретации данных он стремился реализовать одно из главных дел его жизни.

Кстати, среди москвичей, напутствовавших Бориса Константиновича в Пермь, был Ю. А. Орлов, работавший в Пермском университете со дня его основания в качестве ассистента профессора А. А. Заварзина. В Перми определилась его судьба — личная и как палеонтолога. Он с особым чувством пожелал ученику удачи в старейшем вузе Урала. И, как вспоминает Борис Константинович, «поезд моей судьбы тронулся...»

Потом каждая поездка в Москву была освещена для Бориса Константиновича яркими минутами общения с профессором Заборовским. Они не раз еще встретятся — учитель и ученик.

Матвеев вспоминает, что намеревался в Перми продолжить изучение подземных вод. Но в эти годы для Прикамья стало главным — освоение нефтяных месторождений. Резко менять тематику, переходя с гидро— на нефтегеологию — дело отнюдь не простое. Борис Константинович внутренне сопротивлялся этим переменам, но не мог не размышлять над встававшими задачами. И, как он сам рассказывает, во время лыжной прогулки (он даже запомнил эту лыжню у Бакинститута!) идея вдруг обрисовалась настолько четко, что буквально оставалось «только сесть и записать». А главное, вырисовались основные приемы и направления толкования результатов зондирования — создание специальных пособий для геологов — альбомов-палеток и применение ЭВМ в обработке данных разведки недр.

Вскоре вышел первый альбом, а два года спустя и второй, усиленные теоретической работой, что в совокупности позволило охватить все методы электромагнитного зондирования, систематизации данных разведки и их интерпретации на основе палеток.

(Привычный к аналитической деятельности исследователь вдруг обнаружил еще одну «закономерность»: после рождения первой дочери он успешно завершил диссертацию, после появления на свет другой — у него одно за другим выходят книги и альбомы, наметившие путь к докторской диссертации!)

Уже в первые годы работы с нефтяниками Прикамья быстро был накоплен огромный фактический материал по электрическому зондированию. Для обработки и интерпретации этого материала была создана специальная группа из талантливых выпускников Пермского университета — Н. Г. Шкабарня, М. Н. Юдин, Б. И. Шилов, Р. А. Бушуев и другие. И впервые ими стали применяться для анализа полевых данных электронно-вычислительные машины.

Это были, на нынешний взгляд, неуклюжие медлительные монстры. От загрузки данных до получения результатов проходило немало времени. После необходимой корректировки опять включался режим длительного ожидания. Надо было как-то ускорять этот процесс и молодые ученые пошли по пути создания алгоритмов и систем расчета, в чем им помогли программисты Пермского вычислительного центра. Но проблем возникло множество...

— В начале шестидесятых, — рассказывает Борис Константинович, — мы с Александром Игнатьевичем обсуждали в Москве план моей докторской диссертации на тему «Интерпретация электромагнитных зондирований». И вот в один из очередных моих приездов в столицу он представил меня основателю факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ Андрею Николаевичу Тихонову, с которым у него была многолетняя дружба:

— Вот Борис Константинович занимается вопросами интерпретации электромагнитных зондирований с помощью ЭВМ.

Андрей Николаевич посмотрел на меня с хитринкой в глазах и неожиданно тонким голосом полубопытствовал, не увлекаюсь ли я... хоккеем?

— «Действительно, заинтересуйтесь уж лучше хоккеем!» — добродушно засмеялись два мэтра.

Да, трудности, связанные с решением обратных задач электроразведки, были огромными и могли смутить любого. Мы, однако, продолжали работать, и в 1965 году Н. Г. Шкабарня защитил первую кандидатскую диссертацию на тему «Интерпретация кривых электрического зондирования с применением электронных цифровых машин». А в 1969-м я защитил докторскую на тему «Интерпретация электромагнитных зондирований», положительный отзыв на которую дали профессор Заборовский и другие известные ученые- геофизики.

Портрет Александра Игнатьевича — ныне в кабинете Матвеева среди портретов основателей мировой и отечественной геофизики.

Но пора вернуться к альбомам. Стандарты палеток позволяли сравнивать полученные результаты с образцами и довольно оперативно делать выводы по сумме полученных данных зондирования. На то время в мире было разработано всего три-четыре таких альбома. Был и российский — ленинградского ученого Пылаева.

Матвеев сам когда-то работал по палеткам Шлюмберже, и у него зародилась мысль сделать альбомы проще и «чище» французских. Озарения приходили как результат напряженной умственной работы и высочайшей квалификации, досконального знания предмета, что только и может питать настоящую научную интуицию.

К тому времени, как Матвеев с коллегами взялся за эту тему, нефтяники накопили при зондировании десятки тысяч точек наблюдения, которые обрабатывались примитивным способом. Переход на новый уровень обработки данных стал возможным после того, как Борис Константинович с упоминавшимися выше учениками стал руководителем тематической партии — по разработке приемов интерпретации данных, полученных на территории Прикамья.

Это был параллельный применению ЭВМ метод, и в совокупности оба они позволили в довольно сжатые сроки проанализировать наши нефтяные кладовые, что и по сей день продолжают исправно давать сырье на благо края и России.

Профессор Матвеев искренне считает себя в науке «больше инженером». И так уж повелось с первого курса университета, что лето не было ему временем отдыха. Мама — ткачиха не могла помогать ему материально. Он уезжал в экспедиции. Профессиональная карьера с самого начала строилась на тесной связи с практикой. Это был Крым, где исследовали оползни. Потом Армения, оставшаяся навсегда в его сердце маленькая страна, где он обрел друзей и коллег на всю жизнь.

В одной из геологических экспедиций он познакомился с будущей женой — и вот уже полвека они вместе.

С болью встретил Борис Константинович весть о мощном землетрясении в Спитаке, унесшем тысячи и тысячи жизней. Боль стала тем острее, когда он узнал, что бывший рабочий его экспедиции, неведомыми путями добывший диплом ученого, возглавлял, оказывается, в Ленинкане целое научное учреждение, призванное изучать и предсказывать такие катастрофы. Этот, очевидно, весьма пробивной человек (но, по словам Матвеева, «нуль в науке») собрал в тот трагический день в декабре 1988 года на десять утра совещание в своем институте. И... уцелел, опоздав на те роковые полчаса, в которые был разрушен институт и погибли люди.

Цена беспечности и непрофессионализма бывает запредельной. Четыре десятка сейсмических станций в Армении контролировали ситуацию, показывая предвестники беды. Но, как потом узнал Борис Константинович, только на одной (все произошло с пятницы на субботу) из них был дежурный, выпрыгнувший из окна в последнюю минуту, когда приборы уже зашкалили. А предвестники, которые, по убеждению профессора, обязательно были не менее чем за сутки на лентах записей, никто не удосужился или не сумел увидеть и проанализировать.

К сожалению, даже такие трагедии мало кого учат. Бориса Константиновича беспокоит ситуация и у нас в крае. Урал — зона повышенной сейсмичности. Прикамье входит в район, где возможны шестибалльные подземные «штормы». В 1961 году были обнаружены трещины на КамГЭСе, которые «залечили» бетоном, но это не сняло проблему.

Десять лет Матвеев работал в комиссии по электромагнитным предвестникам землетрясений. Академия наук курировала семь полигонов, шел масштабный мониторинг и на Урале. Но появилась генерация «экономистов», срезающих средства на самые насущные для жизнедеятельности людей исследования.

И как быть со «специалистами», купившими дипломы в растущих, как грибы, «вузах» и «филиалах» неведомых «университетов», девальвирующих дипломы и компрометирующих систему подготовки специалистов высшей квалификации? Недаром Пермский университет, его профессора — многим видятся форпостом в регионе и той «стражей», что не позволяет разгуляться некомпетентности, противостоит профанации вузовского образования, не позволяет снижать планку требований к подготовке специалистов.

В этом университете, ставшем жизнью и любовью Бориса Константиновича Матвеева, путь его вовсе не был гладким. Прямой и независимый его характер в разные годы и разным людям в чем-то мешал, а порой и раздражал. Может, из-за этого так и не удалось открыть две обсерватории, о которых ему мечталось. В трудный для семьи период пришлось, против воли, стать деканом факультета. И ответить, например, за гибель замерзших в турпоходе студентов. Приходилось порой выслушивать упреки, что наука, мол, для него стоит на первом месте в ущерб, якобы, учебному процессу. Доходило до вмешательства «партийных органов», «мудро» советовавших «наладить должный баланс». Но его поддержали товарищи.

И он вкладывал силы в подъем научного уровня преподавательского состава, справедливо полагая, что тем и повышается качество обучения в Пермском университете. Его, как известного и авторитетного гидрогеолога, неоднократно приглашали на работу в Москву. Он, однако, видел свои перспективы здесь, на Урале, в университете.

В «словаре» профессора Матвеева есть синоним нечисти — «третья сила». Это такая нелюбимая им сила, для которой личные материальные интересы всегда стоят выше любых других.

Она была раньше, цветет и теперь. Известный пермский ученый Владимир Анатольевич Сретенский, который читал на кафедре охраны природы лесоведение, рассказал как-то Борису Константиновичу примечательную историю.

Изобрел этот ученый-лесовод простой и эффективный способ тушения торфяных пожаров. Поскольку торф горит не глубоко, оказалось возможным применить бульдозеры для борьбы с огнем. И метод этот был запатентован, вызвав определенный интерес не только за рубежом, но и в Подмосковье, страдающем периодически от этой беды. Короче, губернатор Борис Громов пригласил пермского специалиста помочь в борьбе с пожарами.

Уже в гостинице местные чиновники предупредили ученого, что приезд его, мол, напрасен: в район согнали уже больше сотни пожарных команд. Выделены, а значит, непременно должны быть «освоены» большие средства. Съехалось начальство разного уровня. Не отправлять же задействованные силы обратно из-за того, что наука готова предложить более эффективный метод!

Пермяк попросил лишь выделить пару бульдозеров, но никто из чиновников и слышать не хотел — «оформляйте командировку и уезжайте!» До губернатора не добраться. Пожары продолжались еще долгое время...

Этот в общем-то рядовой эпизод российской практики напомнил Борису Константиновичу подобные ситуации из собственного опыта. Ведь то, что внешне порой выглядит как ровный и гладкий путь ученого, на деле — сплошные рытвины и колдобины. И, как это ни печально, сравнивая нынешнюю государственную политику в области организации науки с трижды осужденным советским «прошлым», профессор Матвеев видит серьезные нынешние недостатки в этом сложном деле. Когда слова и обещания подменяют конкретные шаги.

Причем больше материального беспокоит профессора нравственный аспект. Он с сожалением наблюдает проявление порой чуждых для высшей школы тенденций, когда преподаватель «отрабатывает» только свои часы и отказывается «за такую плату» работать с полной отдачей.

Беспокоит профессора, что аспиранты — очень толковые и перспективные молодые ученые — в последние 10-15 лет не спешат совершенствоваться в преподавательской деятельности, предпочитая работу в иных институтах и фирмах. И он не ставит им это в упрек, понимая стремление обеспечить свои семьи, пока так медленно реализуются правительственные планы по повышению оплаты и престижа труда университетского преподавателя.

Эта требовательность идет у Матвеева от глубокой благодарности своим педагогам, которые на разных этапах его жизни давали знания, формировали в нем тягу к поиску и собственным открытиям. И он никогда не забывал упомянуть в своих работах, на научных форумах — российских и зарубежных — о том большом влиянии, которое оказали на формирование его научного мировоззрения и тематики исследований А. И. Заборовский и такие профессора, как В. В. Федынский, А. А. Огильви, Г. П. Горшков, О. К. Ланге, А. Ф. Якушева и другие.

А направления эти — геофизическая разведка карста и подземных вод на стадии инженерно-геологических и экологических изысканий, применение электромагнитных зондирований для глубинного геологического картирования осадочной толщи пород и кристаллического фундамента.

Здесь авторитет профессора Матвеева бесспорен и заслужен. «Быть первым!» — прекрасный девиз для человека, всю жизнь ведущего глубокую разведку, умеющего слушать и людей, и планету Земля. Недаром он сказал как-то выстраданно и убежденно: «Она — живая!»

Борис Константинович МАТВЕЕВ.

Родился 18 марта 1926 года.

Доктор геолого-минералогических наук, профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Лауреат Пермского университета по науке.

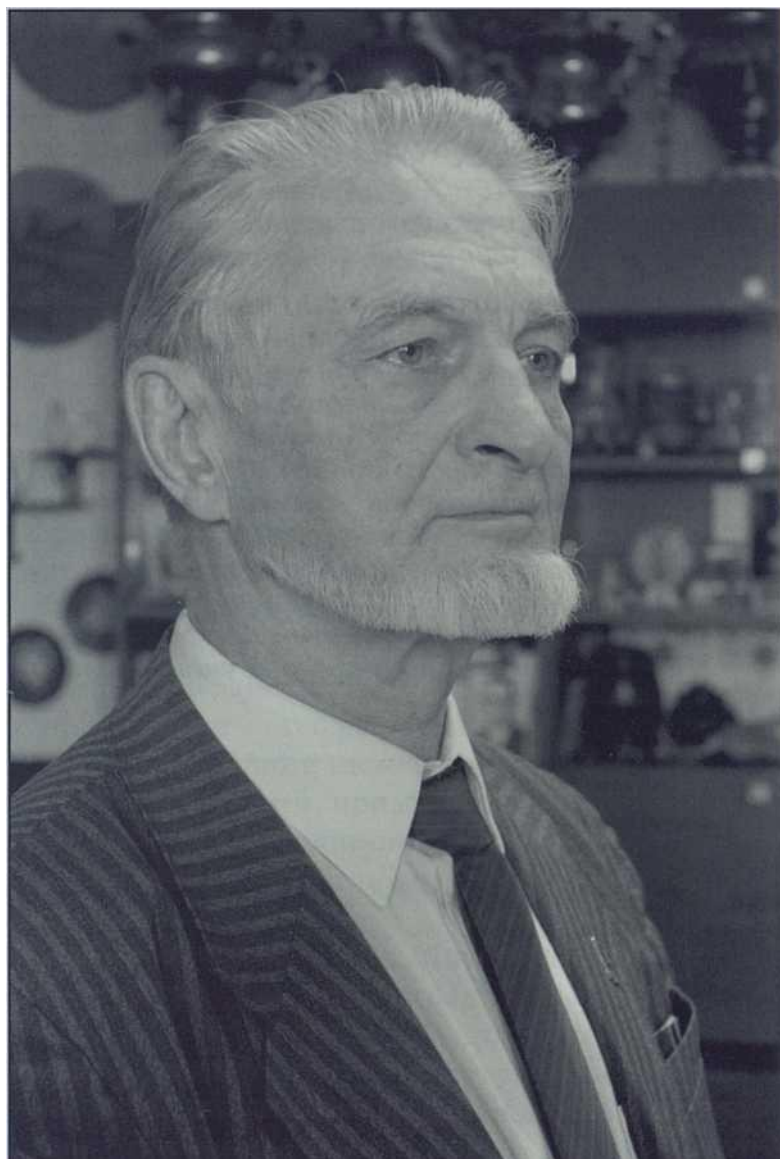
Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–45гг.» и другими медалями. Почетный работник высшего образования Российской Федерации».

Опубликовал свыше 120 научных работ, 4 монографии, два альбома сводных палеток, два учебника для вузов, соавтор справочников для геофизиков и гидрогеологов...

Решением ученого совета ПГУ в 2006 году за выдающиеся успехи в научной и педагогической деятельности и неоценимый вклад в развитие университета Б. К. Матвееву присвоено звание «Заслуженный профессор Пермского государственного университета».

VIVANT PROFSSORES!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.
НЕСЛУЧАЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Чуждый конъюнктуре в своем научном творчестве, Владимир Вячеславович остался таковым и в своей гражданской позиции. Профессор Орлов — личность не просто неординарная, но поразительная по масштабам осмысления мира и человека в XXI веке и на дальнюю перспективу...

На одном из городских митингов, организованном коммунистами, съемку вел кинооператор. По слухам, один из «птенцов гнезда Орлова» задумал снять фильм о своем педагоге — профессоре философии, который в этот момент находился на трибуне и своим «академическим» обликом производил впечатление человека, случайно оказавшегося на ней. Не знаем, имела ли эта съемка продолжение, но, право же, сегодня трудно найти более подходящего героя для размышлений о нашем сложном времени.

А, правда, любопытно — как становятся философами? И почему он — успешный учёный, весьма занятой человек — выходит с народом на митинги, продолжает свою деятельность в компартии? Что движет им, трезвым аналитиком, на собственном житейском опыте убедившимся в сущности антинародной, казарменной политики Сталина и его последователей — вплоть до краха КПСС?

— Стремление к истине, — ответил Орлов.

К этой цели у каждого из нас своя дорога. И если постараться, не навешивая ярлыков и не делая скоропалительных выводов, вникнуть в систему взглядов Владимира Вячеславовича, то приходит понимание, что взгляд профессора действительно обращен не столько в прошлое, сколько в будущее. «Прошлое» он знает не хуже других.

Из бесед с философом В. В. Орловым, активно откликающимся на любую общественно значимую проблему, но крайне неохотно говорящим о себе, только фрагментами, мозаикой представало полотно его жизни. Но, как это часто бывает, даже маленький эпизод способен сказать многое о человеке.

Начало 50-х. Ленинград. Университет. Время белых ночей. Первокурсники-философы уже сдали сессию, когда Володю Орлова — комсорга группы — вызвали в партком.

— Ты должен написать характеристику на Горячкина. Его арестовало МГБ...

Аббревиатура эта в те годы была неразрывно связана с бериевцами, а значит — слежкой, доносами, репрессиями со стороны всесильных органов госбезопасности. За несколько месяцев учебы Володя не так уж много узнал о рабочем парне из Петрозаводска — своем сокурснике Горячкине. Но слова про арест вызвали естественную реакцию — за что?

Комсомольцу «старшие товарищи» пояснили, что, учась год в Петрозаводском университете, Горячкин вел дневник, который каким-то образом оказался в руках «органов». Те провели в Питере целую конспиративную операцию: сначала организовали для Горячкина «работу» — заполнять формуляры книг, собранных студентами для сельских школ. Невинное предложение «писаря», мол, ввиду плохого почерка писать только печатными буквами, было немедленно отвергнуто и расценено, очевидно, как коварство «врага». Добившись натурального образца и, сличив почерки, гэбисты парня арестовали.

Оказывается, студент позволил себе поразмышлять в личном дневнике на тему, почему в пролетарском государстве он — рабочий и сын рабочего — так трудно и бедно живет? В то время как сынок директора, не стесняясь, бьет баклуши и «весь в шоколаде»...

—Я могу сказать о Горячкине только одно — знаю его как отличного студента, — заявил Орлов. — Больше ничего написать не могу.

(Он сказал это, прекрасно понимая, что «завис» с общежитием. После нескольких месяцев мытарств по съемным углам ему дали, наконец, койку в общежитии и даже выбрали старостой комнаты. В которой и накрыл бдительный комендант «постороннего» — такого же бездомного студента, несколько раз переночевавшего у друзей. Кто допустил непорядок? Староста! Встал «вопрос» о выселении Орлова...)

—Значит, не можешь, — задумчиво оглядел его секретарь парткома, — Ну, правильно, мы же не можем обманывать наши органы и что-то придумывать...

Дело, однако, получило продолжение: на следующей неделе Володю вызвали на заседание факультетского бюро комсомола.

— Как ты мог дать положительную оценку этому пипу?! — наехал актив. — Такие характеристики даются разве что при выдвижении на Сталинскую стипендию, ты — репрессированному!..

— По закону существует презумпция невиновности, — только и ответил Орлов. — Если вы знаете о Горячкине что-то плохое, попробуйте сами дать ему характеристику.

За «утрату бдительности» комсоргу Орлову поставили на вид, записав для органов мнение, что Горячкин, мол, крыл от товарищей свое прошлое и к тому же был груб с «англичанкой». Аукнулась студенту и невинная перепалка с преподавательницей английского. Больше ничего крамольного активисты пришили к «делу» не смогли.

А Володю «в назидание» из общежития выселили. И неизвестно, как сложилась бы его дальнейшая жизнь и учеба, если бы не внезапная болезнь.

Через пятьдесят лет профессор Орлов, вспоминая об этом, совершенно непроизвольно сказал: «И тут, к счастью, обнаружился у меня ТБЦ!»

«Счастье» было в том, что больным туберкулезом общежитие предоставляли в обязательном порядке...

На одном из «круглых столов» в полемике на тему «Социализм «накроется» или «накроет»? он бросил фразу:

— Вы что же хотели, чтобы социализм сразу был такой красивенький, хорошенький и птички пели? Ни одна революция сразу не побеждала. У нас прошляпили сдуру великолепную, хоть и требующую серьезного ремонта, страну... Вы говорите о справедливости, как главной ценности идеи социализма, но это не определяющая его черта. Суть — в экономическом базисе. Социализм — это обязательно общественная собственность на средства производства.

Если говорить о социализме в простейшей форме, то он предполагает смешанную частно-государственную экономику. А развитый социализм, какого еще нигде не было — это, по Марксу, переход за пределы товарного производства. В советской модели, по моему мнению переборщили в сторону огосударствления собственности, тогда как ручной труд, которого было до 40 процентов, требует 10-20 процентов частной собственности. А вторая основная черта социализма — это отсутствие эксплуатации... И скоро придет вторая социалистическая волна — ни одна революция не побеждала сразу!..

По мнению Орлова, объективно существующие глобализационные процессы в итоге приведут к следующему этапу развития — социалистической революции: «Постиндустриальное общество не будет капиталистическим однозначно. Труд становится глубоко общественным, а значит, и собственность будет общественной».

Кризис мировой цивилизации, перспективы постиндустриального общества — здесь сегодня сосредоточены интересы профессора Владимира Орлова и ряда его учеников.

Нередко он идет «против течения», как делал это и в былые годы, смело и прямо отстаивая свои научные и гражданские позиции. Прежде всего, он один из самых ярких представителей пермской философской школы, базирующейся в ПГУ и разрабатывающей чрезвычайно сложную и актуальную проблему — концепцию единого закономерного мирового процесса.

Но все же — как становятся философами?..

Прошли тысячелетия, но, похоже, путь не изменился в сущности своей: нужен Учитель-собеседник и Книга.

Вот короткий сюжет: мама — врач по специальности — в 40-х годах прошлого века училась в вечернем университете марксизма-ленинизма города Кирова, где и жила семья. Соответственно, в доме появляются необходимые книги, которые восьмиклассник Володя Орлов почему-то листает более охотно, чем школьные учебники. Закономерно он знакомится с преподавателем университета — философом Иваном Минеевичем Сметаниным. И к девятому классу, наверное, смог бы уже сдать философию по институтской программе. Во всяком случае, на том формальном уровне, что требовался от студентов.

Может быть, это увлечение так и заглохло бы, если бы после одного из уроков физики Володя не подошел с вопросом к учителю. А тот не побоялся рекомендовать мальчишке поискать в свежем журнале «Вопросы философии» (№ 2 за 1947-й год) статью М. А. Маркова «Квантовая механика и философия».

Можно представить, как этот школьник появился в Кировском горкоме партии в поисках «рекомендованной литературы». Однако без лишних проволочек журнал ему дали. И... начался штурм.

Строчка за строчкой, застревая в терминах и понятиях, поминутно листая энциклопедию, справочники и учебники, подросток «пробивался» к пониманию сути предмета. Ему уже на каком-то новом, не школьном уровне стали открываться загадки материи.

Он почти физически ощутил пульс биения современной научной мысли и безбрежность горизонтов познания. И это не напугало: в юности ум особенно отважен и раскрепощен.

Есть такая вполне правдивая история о полиглоте, самостоятельно обучавшемся иностранным языкам по классической литературе. Он брал, к примеру, «Фауста» Гете на незнакомом ему немецком языке, грамматику, словарь — и переводил фолиант: слово за словом, фразу за фразой — пока произведение не становилось «прозрачным». А с ним и чужой язык...

Методика оказалась схожей.

Много лет спустя профессор Орлов был приглашен в Киров на конференцию с основным докладом. И начал с благодарных слов этой земле и ее людям, тем педагогам и ученым, что поддержали в юности его интерес к философии. В перерыве к нему подошла одна из участниц конференции:

— А вы знаете, в музее нашей школы есть материал о вас...

К тому времени «материалы» о Владимире Вячеславовиче публиковали американские и европейские издания, он был удостоен медалей как «Человек года»...

Но это вот сообщение особой теплотой отозвалось в груди. Говорят, человеку обязательно надо бывать в местах, где он родился, подпитываясь особенной энергетикой родной земли, которая помнит его первые шаги...

Вот с этого вокзала (тогда это было старенькое «пряничное» здание) он уезжал в Ленинград поступать в университет. Там в институте инженеров железнодорожного транспорта учился его старший брат, жили дальние родственники. Но абитуриент рассчитывал на свои силы, стараясь не напрягать родню, даже после того как ему отказали с местом в общежитии.

Вообще родственные связи особенно заинтересовали его с того момента, как он узнал, что на Красной площади в Кремлевской стене покоится прах его двоюродного дяди — Панфилова, зампреда председателя Совнаркома

РСФСР, одного из организаторов мобилизации людских ресурсов в годы Отечественной войны. Дядя скончался молодым в канун Победы и, очевидно, недаром его заслуги были отмечены таким почетом. Бывая у мавзолея, Владимир Вячеславович навещает и это памятное для семьи место: история страны ему открыта и такими штрихами. И когда говорят, что, например, борьба с троцкизмом была лишь надуманной игрой Сталина за власть, он может привести совершенно конкретный пример этого противостояния не на жизнь, а на смерть — в 1938 году на чисто политической почве троцкист убил сестру его матери. Одно дело — читать об этом в книгах, другое — ощутить такое близкое дыхание истории. И Орлов всегда стремился сам глубоко разобраться и понять суть исторических процессов. Ленинград был и оставался для него городом с особой аурой, сохраняющей отзвуки самых важных для страны событий века. Здесь он не только получил высшее образование, но и необходимый для ученого интеллектуальный багаж, культурный потенциал.

А в Перми сначала работал в мединституте, затем в Высшей партийной школе, которые в начале 60-х стали закрывать. Позже он был переведен в университет, где кафедрой философии заведовал Алексей Васильевич Щеглов — один из первых выпускников Института красной профессуры. В то время здесь же трудился Василий Михайлович Букановский, смело пересматривавший устаревшие, на его взгляд, концепции «неприкасаемого» тогда «основоположника» — Фридриха Энгельса — по классификации современного естествознания. Великолепную книгу по проблемам труда, до сих пор хранящуюся на кафедре, написал еще в начале 50-х Герман Сергеевич Григорьев. Работал на кафедре и известный, очень интересный философ Илья Борисович Новиков. И в этой плеяде классиков советской философии не потерялся молодой Орлов: вскоре он возглавил кафедру, где и трудится по сей день. И именно 60-е годы считает временем начала становления того коллектива ученых, что и составили новое научное направление в ПГУ.

Владимира Вячеславовича интересовали фундаментальные проблемы философии: прежде всего — чувственного познания. К тому времени накопилось в биологии, психофизиологии много материала по проблемам ощущений. Он предполагал, что здесь — ключи ко многим вопросам человеческого существования. На Западе этим увлеклись представители экзистенциализма — течения, ставшего впоследствии модным и у нас. опережая время, В. В. Орлов «завел» эту проблему даже в написанный им учебник...

А учебники он придумал издавать с «форточками» — своеобразными эпиграфами, которые, как крючки, цепляли воображение и звали к размышлениям.

«Красна ли роза, когда мы ее не воспринимаем?» — вроде бы, банальная фраза, но из нее автор учебника тянул ниточки к Бергсону, Беркли и экзистенциалистам. Ведь здесь был заложен серьезный вопрос о самом существовании искусства. Орлов внимательно изучал работы столпов французской психологической школы и англо-саксонской, находя у них между прочим и предметы для спора. Его докторская диссертация была посвящена действительно одной из ключевых точек мировоззрения — психофизиологическим проблемам и их современным решениям. По сути, это была работа, связанная не столько непосредственно с философией, сколько с глубоким взглядом на физиологию, педагогику — пониманием смысла человеческого существования. Ещё не был преодолён в нашей стране период вульгаризации психологии — учение академика Павлова трактовалось порой весьма однобоко и на психорефлекторной концепции поднялся уже приличный слой ученых. А Орлов, начиная с дипломной работы, критиковал эту концепцию, да столь убедительно, что вузовские наставники посоветовали ему одну главу «пустить на диплом», а остальное — на кандидатскую. Вот так его первая диссертация родилась вместе с дипломом...

А он привыкал идти против течения в отстаивании собственной позиции. Потому сразу и определенно заявил, например, что развал СССР и поражение социализма не было вызвано исторической необходимостью. Что нынешний кризис навязан нам Западом. Что взамен былого появился новый еще более мощный барьер цензуры — теперь уже антикоммунистический, и даже антисоциалистический — пусть не официальный, но активно поддерживаемый весьма влиятельными кругами. И эти фобии свидетельствуют об отсталости нашей, ибо проводимый, к примеру, в конце XX века компанией Би-би-си опрос показал, что «человеком тысячелетия» интеллектуалы мира считают... Карла Маркса. А вслед за Эйнштейном — Ленина.

Орлов не может мириться с дикими, на его взгляд, отсталыми представлениями российской экономической «элиты» о рыночном хозяйстве. Либерализм, рыночный фундаментализм в практике правящей «публики», наскоро и неглубоко обученной, превратит страну в колонию. И профессор не мог не взяться за анализ того глубокого кризиса, в который ввергнута Россия, а главное — за выработку прорывной стратегии выхода из него. Стремясь объединить в работе над этой важнейшей проблемой лучшие научные силы университета, Орлов ратует за создание в ПГУ центра по исследованию постиндустриального общества.

Он не декорирует разрабатываемую на кафедре концепцию современной формы научной философии иносказаниями, открыто заявляя, что это современная форма именно марксистской, философии. И пусть это имя, как красная тряпка, раздражает кого-то: для Владимира Вячеславовича и его единомышленников гораздо важнее, что методология Маркса в большей степени отвечает задачам анализа состояния современной науки.

А обобщение хода развития естествознания за последние годы — очень острая проблема, ибо научная философия ценна своими предсказаниями направлений развития науки, истолкованием событий. Недаром один из американских физиков — лауреат Нобелевской премии Пау элл заявил, что ленинское предвидение о неисчерпаемо сти электрона было просто потрясающим!

Особую актуальность, по мнению Орлова, философия приобрела в связи с развитием современного движения, получившего название «глобального эволюционизма». Распространение общей теории относительности не только на физику, но и на целый ряд наук — вплоть до космологии может создать серьезный кризис в процессе научного познания мира. Но возникла идея что физической форме материи предшествует ряд суб физических. И это требует очень серьезного осмысления.

Один из аспирантов профессора Орлова (аспирантуру заканчивал, кстати, на мехмате) защитил диссертацию о субфизических свойствах материи. ВАК ее утвердил поддержав уверенность диссертанта и его научного руководителя, что в XXI веке величайшие научные открытия, буквально, перевороты будут сделаны на этом вот уровне — «под физикой». А значит, настало время глубокого пересмотра основ и других наук, их соотнесение с другим пространством и временем — более объемлющим, чем традиционно представляемое нами. И человечество получит такие мощные средства для жизнедеятельности и познания мира, о которых пока и не мечтает. Предвестниками этого в постиндустриальную эпоху, как считает профессор Орлов, являются, к примеру, все более мощные компьютеры или те же нанотехнологии, открывающие новые горизонты воздействия на природу и материалы.

Вообще, проблема «Будущее человечества» занимает сейчас, пожалуй, центральное место в научных размышлениях Владимира Вячеславовича.

Что ожидает человечество, когда оно перейдет границу сингулярного состояния? Еще в 1964 году его внимание привлекла статья одного физика о моделях будущего видимой Вселенной — либо замерзание, завершающее длительное расширение, либо обратное сжатие. Далее там приводились три уровня будущего земной цивилизации по степени овладения энергией: к первой — 10^{22} эрг в секунду — мы уже близки. Следующие — смогут поставить под контроль Солнечную систему и Галактику. Философия, осмысливая это, так или иначе занимается более частными проблемами — куда идет человечество, научно-технический прогресс?

— Надо глядеть в эту сторону концептуально, отбрасывая мелочовку и искажения века, — уверен Орлов. — Мы в СССР шли правильным путем. Им пойдет весь мир! Постиндустриальное общество — это преддверие мирового социализма...

Профессор жестко анализирует ошибки и недостатки сталинской модели социализма, прежде всего — недооценку товарного производства, частной собственности, чрезмерное огосударствление. С этих позиций он выступал и сорок лет назад, за что его десять лет не утверждали в должности заведующего кафедрой. Он рисковал и многим другим, отстаивая свои взгляды. Сразу после защиты докторской на крупном совещании партийнохозяйственного актива Пермской области он заявил о господстве аппаратного мышления, которое вредит развитию страны. Эти слова еще долго ему не могли простить...

Он не стал скрывать своего мнения и позже — по поводу того, что «команда Ельцина ввергла Россию в большую беду». Да, стране были нужны реформы. Поверив поначалу во фразеологию Михаила Горбачева, не занимавший никогда выборных должностей в КПСС профессор Орлов вошел в состав Пермского горкома. И вскоре, при огромной партаудитории, заявил, что «Горбачев сдаёт Россию»... Потому что увидел — он ведёт «не в ту степь».

Через год был август. Крах системы. И приход к власти тех реформаторов, в отношении которых Владимир Вячеславович испытывает лишь одно сомнение: они это делали сознательно или от некомпетентности?..

Сказать, что для философов, обществоведов тогда на ступили сложные времена — почти ничего не сказать. Демполитизация образования, с одной стороны, тогдашние учебные планы и стандарты — с другой: даже такая консервативная (в положительном смысле слова) система, как университет, не могла не испытать идеологического воздействия смены строя. Позицию, выбранную философами, руководителем кафедры, можно, впрочем считать безупречной.

— Мы преподаем мировую философию, — утверждает профессор Орлов. — Наша задача — дать студентам, аспирантам четкое представление об основных течениях философской мысли прошлого и настоящего. А там — по Конституции: мировоззрение — это выбор самого гражданина. Так я и объясняю студентам: какую позицию вы выберете — это ваше личное дело. (Должен тут заметить, что и в советские времена мы отнюдь не были такими политизированными, как это принято сейчас изображать.) Понятно, что сейчас нет государственной идеологии. Но я говорю сразу — я марксист. Коммунист. И вовсе не собираюсь ставить вам оценки за тот или иной выбор позиции. Вы обязаны знать материал в объеме программы — вот и все!..

Нашелся, впрочем, студент, писавший в «инстанции» возмущенные заявления о том, что вот, мол, марксисту не место в демократическом вузе. Да с троечника какой спрос, если и тогдашний губернатор вдруг задался как-то вопросом — почему это коммунист заведует кафедрой философии в вузе?!

А профессор четко придерживался правила проявлять свои политические пристрастия лишь во внеучебное время. Еще до «перестройки» он начал вести в Перми клуб, который вырос из студенческого и сейчас называется «Будущее России». Орлов сожалеет, что не может уделять этому клубу в последнее время много внимания: семь аспирантов плюс докторанты — нагрузка немалая, не считая лекционной. А студентам преподавать становится, на его взгляд, все труднее: нет вкуса к абстракциям, интеллектуальной культуры. Развал школьного образования больно бьет по уровню абитуриентов. Да и отбор в аспирантуру свидетельствует о возрастающем количестве провалов, при снижении числа отличных оценок знаний выпускников вузов.

Недавно произошел и вовсе комичный случай: на экзаменах в аспирантуру внимание Орлова привлек какой-то странный звук. Оказалось, что, как в популярной комедии, изобретательный экзаменующийся спрятал в прическе приемную аппаратуру — только более современную и миниатюрную — от сотового телефона. Подивившись на чудо шпаргалочного «прогресса», профессор билет отобрал и указал соискателю аспирантского места на порог.

Подобные происшествия, впрочем, не заслоняют для Владимира Вячеславовича то положительное, что проявляется в нынешних студентах и аспирантах. С удовлетворением отмечает он и растущий интерес к аспирантуре со стороны молодежи. Создание десять лет тому назад отдельного факультета помогло сконцентрировать обучение людей, стремящихся к глубинам философии. Что, впрочем, не мешает идти к нему в аспиранты и докторанты биологам, историкам, математикам... И не только из ПГУ: ведь первый докторский совет, созданный в Пермском университете в 1992 году — философский! И сюда приезжают соискатели из разных уголков России. На базе кафедры еще в начале 70-х был открыт Проблемный совет Минвуза, преобразованный впоследствии в Секцию

Головного совета Минобразования «Особенности современной формы научной философии». Это показатель уровня кафедры и факультета: конкурс на философский — один из самых больших в университете...

Орлов признает, что ему «не хватает времени на зарубежные поездки». Он руководит большой издательской деятельностью: сборники, монографии, циклы работ по актуальным направлениям выходят регулярно, привлекая внимание зарубежных и российских коллег. Доволен контактами с Люблянским университетом, где обучается неимоверное количество студентов — десятки тысяч! — и с которым они подготовили совместный научный сборник — результат проведенной в ПГУ между народной конференции.

Признание Запада проявилось для него не только в приглашениях на большие научные форумы: биографии В. В. Орлова в англоязычных справочниках «Кто есть кто», Кембридж присудил ему серебряную медаль «Человек года». Его и профессора Т. С. Васильеву пригласили стать послами культуры от создаваемой при ООН международной культурной ассоциации. Американцы прислали орден Почета русскому профессору, коммунисту, философу, утверждающему, что капитализм теряет смысл буквально на наших глазах.

Может они лучше ощущают его правоту...

— Вас беспокоит будущее ваших внуков? — спросили как-то В. В. Орлова журналисты.

— Меня беспокоит будущее России, — ответил он. — Мы все ее дети...

Владимир Вячеславович ОРЛОВ родился в мае 1932 года. Доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета. Является специалистом в области философской теории материи, теории развития, философской антропологии. Заведует кафедрой философии ПГУ.

В. В. Орлов — заслуженный деятель науки РФ, академик ряда международных и российских академий, опубликовал более 350 научных работ, включая

21 монографию и учебное пособие.

Воспитал двух сыновей: старший стал доктором философских наук, профессор в Санкт-Петербурге. Младший — выпускник юрфака ПГУ, в 40 лет ушел в отставку из МВД.

VIVANT PROFESORES!

**ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.
КАМЕНЬ ЧИСТОЙ ВОДЫ**

О совершенных кристаллах говорят — «вот камень чистой воды». В этом образе удивительно сошлись противоположности — «вода и камень». Так и хочется добавить — «лед и пламень не столь различны меж собой...» Особо одаренных людей награждают словом «самородок».

Поэт откликнулся строчкой — «наших душ золотые россыпи...». Мы словно примеряем на себя, на человеческие качества драгоценные дары природы. Не сразу и не каждому открываются истинные ценности.

Но, правда, интересно познакомиться с рассказом человека, который прокладывает пути к сокровищам?

Не только недр земных...

Край наш всегда отличался богатствами земными. Калийные соли, уголь, нефть, золото — все это есть в Прикамье, и все это успешно добывается на протяжении десятилетий. Но почему-то именно алмазы, может, в силу редкости и красоты своей, особенно будоражат наше воображение.

Известно, что добычу алмазов уже более сорока лет, с 1962 года, ведет в Красновишерском районе предприятие «Уралалмаз». Здешние алмазы — высокого качества, но, как и все самое ценное, они — редкость, их доля в общероссийском объеме составляет менее одного процента. Послушаем, что говорит по этому поводу доктор геолого-минералогических наук, заведующий кафедрой минералогии и петрографии Пермского государственного университета, профессор Б. М. Осовецкий:

— Относительно небольшое количество алмазов, добываемых в Прикамье, обусловлено тем, что алмазоносные месторождения здесь по своему характеру — россыпные, причем содержание алмазов в них довольно низкое.

Надо бы к ним добавить запасы хотя бы одного богатого коренного месторождения. Это — наша задача на сегодня и на ближайшую перспективу.

Данные, которыми располагают геологи, говорят о том, что в Пермском крае имеются хорошие предпосылки для поиска и разработки коренных алмазных месторождений. Наиболее вероятно их обнаружение на территории ряда районов — Красновишерского, Александровского, Горнозаводского и других.

То же можно сказать и о золоте. Месторождения россыпей с содержанием золота от 150 до 750 миллиграммов на кубометр (что считается хорошей промышленной кондицией) сосредоточены на северо-востоке края. Сейчас в пользование золотодобытчикам переданы два месторождения россыпного золота в Горнозаводском районе и одно месторождение в — Красновишерском.

Но это — лишь один шаг по пути, который предстоит пройти Пермскому краю и всей стране. В XXI веке дальнейшее развитие и использование минерально-сырьевой базы России имеет решающее значение для ее геополитического положения. При этом на мировом рынке минерального сырья приоритетными, по крайней мере до 2050 года, останутся углеводородное сырье (нефть и газ), черные и цветные металлы, агрохимические руды (калийные соли, например), алмазы и драгоценные металлы — золото и платина. То есть те виды минерального сырья, по запасам которых наша страна находится в ряду мировых лидеров, а наш Пермский край — на передовых позициях в стране...

Прозвучало суховато и заземленно? Так что делать, если профессия обязывает видеть в богатствах недр не блеск, не романтику, а «цели и задачи поиска и освоения»? Ведь уж коли край «на передовых рубежах», то пермским ученым-геологам, соответственно, сам Бог велел на эти рубежи выводить науку и практику. А в ряду этих первопроходцев, конечно, геологи Пермского университета. И в их числе — профессор Борис Михайлович Осовецкий:

— К 1961 году, когда я закончил геологический факультет Пермского университета, на нашем факультете была создана лаборатория геологии, которую возглавлял ученый с мировым именем — профессор Георгий Алексеевич Максимович. В составе лаборатории имелся отдел, который работал под руководством доцента кафедры методов поиска и разведки полезных ископаемых Бориса Степановича Лунева. В отделе тогда разворачивались работы по изучению четвертичных отложений, требовались сотрудники, и Борис Степанович предложил мне после окончания университета остаться у него и войти в состав отдела.

Мы начали свою работу на территории Пермской области, изучая песчано-гравийные месторождения. Актуальность таких исследований была обусловлена тем, что высший руководящий орган тех лет — областной совет народного хозяйства (совнархоз) — был заинтересован в пополнении и развитии материально-сырьевой базы строительства. Прикамье, как известно, обладает значительными запасами строительных материалов природного происхождения — песка, глины, щебня, гравия.

Однако кроме обычного строительного песка и гравия такие месторождения в Прикамье имеют в своем составе ценные попутные компоненты — это и золото, и платина, и титано-циркониевые минералы. Как все это извлечь? Поиски ответа на этот вопрос являлись в то время одним из главных направлений нашей работы. Они нашли свое отражение и в моей кандидатской диссертации, которую я защитил в 1968 году.

Незадолго до этого, в сентябре 1967 года мне было предложено занять должность ассистента кафедры минералогии и петрографии — той кафедры, на которой я трудился все последующие годы, то есть вот уже почти сорок лет, и которую сейчас возглавляю. А в 1968 году лаборатория, в которой я делал свои первые шаги в науке, возобновила свою деятельность. Теперь она называлась лабораторией осадочных полезных ископаемых, и руководил ею, как и раньше, Борис Степанович Лунёв.

Кстати, скоро исполнится сорок лет как на геологическом факультете ПГУ непрерывно действует лаборатория осадочных полезных ископаемых. Поскольку заявки на исследования поступали отовсюду, сотрудники нашей лаборатории объездили за это время весь тогдашний СССР. Исследования велись на Украине, в Прибалтике, Армении, Азербайджане, Казахстане, Карелии, Сибири, Якутии, Забайкалье, на Алтае и, естественно, на Урале.

При этом основным направлением исследований было изучение золотоносных россыпей, причем россыпей нетипичных, в которых кроме очень мелких частиц золота может встречаться и платина. А главная проблема, которую необходимо было решить, заключалась в следующем: как не потерять при добыче это мелкое золото?

Другая проблема была связана с поисками и извлечением платины и металлов платиноидной группы.

Третья проблема касалась поиска и добычи алмазов, в частности изучения алмазности некоторых территорий Урала, Казахстана и Кавказа...

В ходе работ над этой проблемой Б. М. Осовецким в соавторстве с Б. С. Лунёвым была написана монография, посвященная мелким алмазам Урала.

Мелкими в практике добычи считаются алмазы размером менее одного миллиметра. По сути это — пыль. Такая пыль при разработке месторождений, как правило, не улавливается, не извлекается и остается в отвалах. Казалось бы, ну и что? Ни ювелирной, ни даже технической ценности такие мельчайшие алмазы не имеют, их добыча стоила бы дороже, чем они сами.

Зато алмазная пыль способна значительно облегчить поиски настоящих крупных камней, из которых потом особо крупные и красивые могут превратиться в дорогие бриллианты.

Дело в том, что поиск и добыча алмазов — дело очень дорогостоящее, трудозатратное. На территории, где теоретически могут быть найдены алмазы, приходится брать очень крупные пробы грунта, каждая из которых объемом 50 и более кубометров.

В дальнейшем пробы подвергаются процессу обогащения, что тоже дорого стоит.

Причем природа, конечно, не дает никаких гарантий: можно затратить массу сил и средств только для того, чтобы в итоге убедиться — тут ничего ценного нет. Нередки случаи, когда на перспективном, казалось бы, месторождении более половины проб оказываются пустыми.

Идея Б. С. Лунёва и Б. М. Осовецкого заключалась в следующем: нельзя ли использовать мелкие алмазы как особый признак при поисках алмазодержащих месторождений? Для обнаружения алмазной пыли достаточно брать пробы объемом всего один кубометр, а порой и того меньше. Кроме того, можно изучить сливы, «хвосты» обогатительных фабрик, где алмазная пыль попросту сливается в отходы. То есть вести поиски, исходя из простой логики: раз в данном месте имеются мелкие алмазы, то могут быть и крупные.

Геология — это наука, которая невозможна без отбора и изучения значительного количества образцов исследуемых пород. Если, например, в математике или философии исследования могут проводиться достаточно абстрактно, путем мысленного эксперимента, то геология по определению накрепко привязана к матушке-земле.

Чтобы чего-то добиться, геологу сначала надо очень много походить по полям, горам, лесам и болотам, проплыть тысячи километров по рекам, испытать на себе холод и зной, а потом значительное время посвятить лабораторному изучению собранных материалов. Если не видеть в этом своеобразной романтики, геологом стать нельзя:

— Я очень люблю вот эту нашу обычную, черновую работу. Ведь это увлекательнейшее дело — проводить тонкие анализы образцов, собранных тобою в поле. Когда знаешь, что исследуется проба, отобранная именно твоими руками где-нибудь очень далеко, то испытываешь особое чувство. Внутренним взором видишь место, где был взят образец, вспоминаешь геологическое

окружение и очень хорошо понимаешь те, может быть, едва заметные, почти неощутимые тонкости и нюансы, которые данный образец собою иллюстрирует. И, соответственно, научные выводы в этом случае гораздо точнее и достовернее, чем тогда, когда человек сидит в кабинете и ему приносят для изучения взятый кем-то материал.

В 1985 году Б. М. Осовецкий успешно защитил в Ленинграде (опять встает в наших повествованиях город на Неве) во Всесоюзном (ныне — Всероссийском) геологическом институте докторскую диссертацию.

Чуть позже на основе этой большой научной работы он подготовил и издал свою первую монографию «Тяжелая фракция аллювия». Тяжелой фракцией называется та часть речных донных (аллювиальных) отложений, которую составляют компоненты с наибольшей плотностью — от трех граммов на кубический сантиметр и выше.

Чем была интересна исследователю именно эта часть речных осадков? Прежде всего тем, что именно в них сосредоточено все самое ценное — золото, платина, алмазы и титано-циркониевые минералы. Поэтому аллювий в целом, а особенно его тяжелая фракция традиционно привлекала и привлекает внимание геологов во всём мире.

Однако монография профессора Б. М. Осовецкого — это первый в мире научный труд, в котором тяжелая фракция аллювия описывается как специально выделенная система минеральных зерен.

После защиты докторской Борис Михайлович Осовецкий три года работал деканом геологического факультета, а в 1987 году он был назначен на должность проректора по науке Пермского университета, где и проработал два пятилетних срока.

Десятилетнее проректорство в трудовой биографии профессора Б. М. Осовецкого пришлось на самые, пожалуй, нелегкие, самые напряженные годы — период перестройки, который переживала вся страна.

Менялись политические, экономические, хозяйственные механизмы и, конечно, система образования. Точнее было бы сказать, что прежняя система образования, а вместе с ней и система финансирования науки просто рухнули, а новые формы складывались медленно, с большим трудом.

Все это требовало от руководства ПГУ своевременных, а главное правильных и точных решений по обеспечению исследовательских работ, всего труда ученых соответствующими финансовыми средствами. Значительная роль в этом принадлежала проректору по науке, профессору Б. М. Осовецкому.

— Как было в прежнюю, доперестроечную эпоху? — вспоминает Борис Михайлович. — За свою преподавательскую деятельность университетский ученый получал определенный оклад, а за научно-исследовательскую работу, например за выполнение хоздоговорных работ, — еще половину оклада. Причем эта величина оставалась неизменной и тогда, когда выполнялись два-три темы, и тогда, когда удавалось завершить пять или даже, допустим, десять хоздоговорных тем. Прямой материальной заинтересованности в выполнении максимально большого объема заказных работ не было.

Результатом же перестройки системы оплаты труда стала такая картина: сейчас, если это исследователю под силу, он может выполнить и пять, и десять тем, и по каждой из них получить от заказчика указанное в договоре вознаграждение — никаких ограничений нет.

Правда, тогда же, в годы перестройки, возникла другая проблема. В связи с общим кризисным состоянием экономики резко упало количество хоздоговорных работ. Многие предприятия были озабочены не перспективами развития, а элементарным выживанием в сегодняшних условиях. Это, например, очень ощутимо проявилось у нас в геологии, ведь поиск и разведка полезных ископаемых — это именно работа на перспективу. Сокращение количества заказных исследовательских работ ощутимо проявилось и у химиков, и у физиков.

И все-таки, считает Борис Михайлович, период перестройки принес и науке в целом, и Пермскому университету больше плюсов, чем минусов.

Одним из главных положительных моментов было то, что исчез «железный занавес» между Западом и Востоком, появились новые возможности для контактов российских ученых с коллегами из разных стран и их взаимовыгодного сотрудничества.

Впрочем, тут, по словам Бориса Михайловича, имелись свои трудности. В 1988 году Пермь перестала быть городом, закрытым для посещения иностранцев. Необходимо было организовывать поездки делегаций университетских ученых за рубеж и принимать такие же делегации у себя. Целью такого общения с зарубежными коллегами было не только личное знакомство и обмен результатами исследований, но и возможное получение финансовой помощи — денежных грантов, выделяемых иностранными благотворительными фондами на исследования.

Однако получить такой денежный грант от Западе было очень непросто. Еще не исчез налет недоверия, еще давали себя знать последствия «холодной войны», поэтому западные инвесторы, как правило, проявляли в выдаче грантов российским ученым большую осторожность:

— Должен сказать, в годы моего проректорства случаев получения зарубежных грантов было немного. Мы ведь тогда только начинали работу в этом направлении, и за границей к нам тоже довольно долго присматривались. Но все-таки первые необходимые шаги были сделаны, и к середине 90-х Пермский университет завоёвал за рубежом необходимую репутацию как стабильный и надежный научный центр.

Именно тогда был заложен фундамент долговременных отношений с зарубежными инвесторами. Вскоре грант получили физики, вслед за ними — политологи, и дело пошло: зарубежные гранты все активнее начали поступать в университет. В те же годы было положено начало дружбы и сотрудничества между старейшим университетом Урала — Пермским и старейшим университетом Англии — Оксфордским.

Инициаторами этого с нашей стороны были филологи во главе с Борисом Михайловичем Проскурниным, и понятно, почему — ведь для общения с иностранным партнером надо прежде всего знать язык. Нам, представителям ректората, важно было вовремя оценить и поддержать эту инициативу, что и было сделано.

Особенно важным это оказалось позднее, когда выяснилось, что наше министерство без всякого энтузиазма и даже с некоторым недоумением относится к набирающим силу контактам ученых Перми и Оксфорда. Москвичам, привыкшим считать, что все самое лучшее и интересное находится в столице, непонятно было, почему вдруг Оксфордский университет — один из старейших в Европе — желает дружить не с Московским университетом, а с Пермским.

Поэтому, когда инициатор со стороны Оксфорда, ныне почетный профессор ПГУ Карен Хьюит обратилась в министерство с просьбой помочь в заключении договора о дружбе и сотрудничестве между Пермским и Оксфордским университетами, ей там вежливо дали понять, что она совершает ошибку: дескать, ну зачем знаменитому Оксфорду заводить дружбу с каким-то провинциальным уральским вузом, в России для этого есть более достойные кандидаты...

К чести англичан, они проявили твердость и заявили: нет, нам интересен именно Пермский университет. Договор между Оксфордским университетом и нашим вузом был подписан, и в дальнейшем это позволило установить широкие регулярные контакты не только между учеными, но и между городами в целом.

Сегодня общение по линии Пермь — Оксфорд уже имеет достаточно богатую историю: установлены связи между муниципалитетами, происходит обмен делегациями... Недавно даже одна из улиц города Оксфорда была названа в честь Перми.

Обеспечение исследований первыми зарубежными грантами, установление партнерских связей с Оксфордским университетом — это лишь наиболее значимые и яркие достижения, которых удалось добиться ректорату ПГУ за время работы Б. М. Осовецкого на посту проректора.

Кроме этого, было, конечно, много текущей повседневной работы. Тем не менее, именно в эти годы, тратящему много сил и времени на организационную работу Борису Михайловичу удалось выпустить в свет ряд написанных им монографий. Это и «Тяжелая фракция аллювия», и «Мелкие алмазы Урала», и «Дробная гранулометрия аллювия». Всего же перу Б. М. Осовецкого принадлежат одиннадцать монографий и учебных пособий, он автор более двухсот научных работ, опубликованных в России и за рубежом.

Только в 1998 году Борис Михайлович Осовецкий вернулся на геологический факультет, где возглавил кафедру минералогии и петрографии. Основное направление его научной деятельности в последние семь лет — это проблемы, связанные с поисками в Прикамье таких ценнейших природных богатств, как золото, платина и алмазы.

Несмотря на возраст, Борис Михайлович по-прежнему регулярно выезжает в экспедиции во время каждого полевого сезона. Не так давно за одно лето он побывал в экспедициях десять раз! Результатом этого стал очередной научный труд — «Золото Верхнекамской впадины». Это коллективная монография, написанная Б. М. Осовецким в соавторстве с четырьмя другими учеными, двое из которых — В. А. Наумов и И. Я. Илалтдинов — его бывшие аспиранты.

Золото Верхнекамской впадины — это, в основном, золото Пармы, то есть Коми-Пермяцкого автономного округа, который, объединившись в 2005 году с Пермской областью, стал частью нового субъекта Российской Федерации — Пермского края. Целью объединения, как известно, было повышение уровня жизни в крае, и особенно — в Коми-округе, который продолжает пока оставаться депрессивным, дотационным регионом.

Но, как выяснили университетские геологи, в недрах Пармы есть золото, и добыча его — один из путей превращения Коми-округа в развитой, богатый регион.

В монографии «Золото Верхнекамской впадины» описываются закономерности залегания золота на территории округа, его возможные объемы и перспективы добычи.

Еще одно направление работ, которые проводятся под руководством и при участии профессора Б. М. Осовецкого на территории Пермского края, — это поиск алмазоносных участков.

— У нас на Урале это очень актуальная проблема, — говорит Борис Михайлович. — Ведь Урал, а точнее говоря, наше Прикамье, был первым в стране районом, где еще в 1940 году началась добыча алмазов. Правда, до сих пор здесь были найдены россыпные месторождения, причем относительно небогатые. Сегодня задача состоит в том, чтобы найти коренные месторождения.

Есть мнение, что коренным источником алмазов в Прикамье были кимберлиты — то есть такие же геологические породы, как в Якутии. Но найти эти многообещающие кимберлиты до сих пор не удалось... Впрочем, вопрос остается открытым, поиски продолжаются. Если удастся открыть новые алмазоносные участки в Пермском крае, то этим мы не только поддержим российскую алмазодобывающую промышленность, но и значительно пополним бюджет экономики Западного Урала.

Вот почему на данном направлении работ сегодня концентрированы усилия всей лаборатории осадочных полезных ископаемых, всех трех входящих в нее коллективов, руководимых Борисом Степановичем Лунёвым, Владимиром Александровичем Наумовым и мной. Мы также тесно сотрудничаем с группой, возглавляемой профессором Ф. А. Курбацкой, которая имеет огромный опыт работы над проблемами геологии Урала.

В год 90-летия университета исследовательские работы геологов ПГУ продолжались и в северных районах Прикамья, и в соседней Кировской области. Результатов этих работ очень ждут алмазодобытчики Западного Урала.

Вот что сказал, например, генеральный директор ЗАО «Уралалмаз» В. Полковников:

— Вал заявок на разведку алмазов не только в Красновишерском районе, но и по всей области носит несколько ажиотажный характер. Дело в том, что по явился новый метод космической геофизики, так называемая «торсионная съемка». Ее данные показали, что признаки месторождений алмазов достаточно широко присутствуют на всей территории области...

Столь же пристально следят за геологическим изучением недр и золотопромышленники. Так, в декабре 2005 года территориальное агентство по недропользованию Министерства природных ресурсов РФ по Пермскому краю выдало лицензии на геологические изыскания по 43 перспективным участкам, которые могут содержать золото и алмазы.

Стоит привести данные, которые фигурируют в Интернете: пермские алмазы имеют на мировом рынке весьма высокую котировку, ценятся на уровне тех, что добываются в Намибии (Южная Африка) и имеют среднюю цену 300 долларов за карат, а специально отсортированные партии — до 1100 долларов за карат. Отсюда понятно, что открытие коренного месторождения могло бы значительно усилить алмазодобывающую политику Пермского края.

В целом же, по некоторым оценкам, освоение коренных алмазоносных месторождений Урала может достичь объема в полмиллиарда долларов. Учитывая исключительную ценность уральских алмазов, перспективы их огранки в бриллианты и применения в технике, эта сумма способна увеличиться на порядок.

Одно это убеждает в особой ценности того научного поиска, что ведет вместе с коллегами профессор Пермского университета Б. М. Осовецкий. Он — прямой продолжатель тех традиций, что были заложены в ПГУ еще в 1916 году, когда в рамках естественного отделения физико-математического факультета была создана геологическая кафедра. Имена академиков А. Д. Архангельского, Ю. А. Орлова, профессоров Н. П. Герасимова, Л. И. Преображенского и других известных ученых со ставили славу пермской геологической науки, которой служит вот уже сорок лет Борис Михайлович Осовецкий. Геолог, учёный, прекрасной души человек...

Борис Михайлович ОСОВЕЦКИЙ.

Родился 5 января 1939 года.

Выпускник ПГУ. Доктор геолого-минералогических наук, профессор.

В 1987—97 гг. — проректор по научной работе, с 1998 г. — заведующий кафедрой минералогии и петрографии.

Заслуженный деятель науки РФ. Действительный член Экологической академии РФ. Автор 200 научных работ, опубликованных в России и за рубежом.

VIVANT PROFESSORES!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ТАЙНЫ ЯЗЫКА

Интересно, что ведет по жизни человека, избравшего нелегкую научную стезю? Почему решение именно той или иной проблемы стало для этого ученого целью, а порой и смыслом жизни? Это, пожалуй, будет проще понять, если следовать совету незабвенного Козьмы Пруткина, рекомендовавшего «зреть в корень». Вот с корней и начнем наш рассказ о Елене Николаевне Поляковой.

Она родилась в семье инженера-гидротехника Николая Алексеевича и филолога Марии Алексеевны Поповых. Чтобы обустроить (вою жизнь и добиться желаемого, им пришлось полна испить чашу немалых лишений и людского недоверия. Школа жизни научила их, что при столкновении с трудностями стоит выбирать не проторенные, заезженные дорожки, из колеи которых можно и не выбраться, а новые, свои пути. Стойкость характера и верность намеченной цели они передали своей дочери.

Родители происходили из среды духовенства. За что и были нелюбимы ревностной к религии советской страной. Когда Мария Алексеевна пришла поступать в Саратовский государственный университет на филологический факультет, где давно мечтала учиться, у нее документы просто не приняли. И все же она добилась того, что совпадало с ее гуманитарными пристрастиями, — стала специалистом по романо-германским языкам.

Николая Алексеевича за происхождение выгнали из того же университета в Саратове. И он, недолго думая, вместе с молодой женой уехал в Ленинград. Поступил в Ленинградский институт инженеров водного транспорта. Основал семейное гнездышко в городе Пушкине (ныне Царском Селе) Ленинградской области. Блестяще закончил институт и стал прекрасным специалистом своего дела.

Дочку Мария Алексеевна родила в Саратове, где у нее проживала мать. Когда первенцу исполнилось шесть лет, Николай Алексеевич выбрал Пермь, поскольку здесь ему сулили заманчивую перспективу, интересную работу. Как показало время, выбор этот был сделан не зря. В Перми, куда семья Поповых переехала в 1938 году, Николай Алексеевич вскоре стал главным инженером Камского бассейнового управления пути. Он сотрудничал и с Пермским государственным университетом, где читал студентам географического факультета курс «Водное хозяйство». Мария Алексеевна работала в Пермской государственной областной библиотеке имени М. Горького в отделе иностранной литературы.

В Перми юная Ляля Попова стала поначалу ученицей школы-семилетки № 26. Это двухэтажное здание, переходом соединенное с соседним педагогическим училищем, оставило в душе девочки особенно тревожные воспоминания. Первый школьный год, полный радужных впечатлений и светлых ожиданий, резко оборвался «черным» летом 41-го. Началась война.

В зданиях школы и педучилища разместился военный госпиталь. Впоследствии в училище так и остался госпиталь инвалидов войны, а в школе обосновалось хореографическое училище.

С началом войны отец Елены Николаевны практически все время стал проводить на работе. По Каме снабжался фронт, Сталинград. Отец приходил домой поздно, наскоро ужинал и снова уходил на ночной «селектор», который связывал весь Камский речной бассейн. Появлялся отец лишь глубокой ночью. А рано утром пульс большой водной артерии снова будил его неотложными заботами.

Река в тяжелые военные годы жила напряженной жизнью. Речной флот стремился как можно полнее обеспечить фронт. Многие пароходы уходили и не возвращались. Спустя годы Елена Николаевна узнает о трагической судьбе парохода «Александр Невский» из рассказа пермского писателя Олега Селянкина.

Автор служил на этом судне юнгой и собственными глазами видел его гибель.

Тем временем 26-ая школа, в которой училась тогда Ляля Попова, превратилась в вынужденного «переселенца». Постоянные переезды с одного места на другое изматывали учителей и ребят, вызывали постоянную головную боль у родителей. В семье Поповых, кроме дочки, рос еще годовалый сынишка Иван. А где взять детскую одежду? Не хватало валенок, шубеек. Поэтому от долгих походов по зимнему городу пришлось отказаться. Родители перевели дочку в железнодорожную начальную школу № 6, которая находилась совсем близко — в квартале от дома.

Новые лица, новые классные кабинеты, новая жизнь. Жизнь, над которой продолжала властвовать холодная, голодная война. И в то же время эта жизнь, несмотря на все трудности и лишения, проходила под знаком детства — с его светлыми мечтами и надеждами. Класс, в котором училась Ляля Попова, состоял из десяти девочек и тридцати мальчиков и был на редкость многонациональным — в школу ходило много эвакуированных ребят: украинцы, белорусы, евреи... В школу ходили и ссыльные немцы. И, несмотря на всю эту многоликость, ребят в столь тяжелое время сплачивала крепкая дружба. Елена Николаевна не может припомнить ни одного конфликта, возникшего на национальной почве, каких-либо оскорблений и непониманий.

В классе Ляля Попова носила гордое звание командира девичьего отряда на занятиях, где школьников — от мала до велика — учили «стрелять». Брала в руки винтовку, и военрук, потерявший на фронте правую руку, давал задание: «Целься!» И они целились в воображаемого врага...

После семи классов Елена Попова пришла в известную своими традициями пермскую среднюю школу № 17. На новом месте ей почти сразу «определили» должность — секретаря комитета комсомола школы.

Закончилась война. Начались годы восстановления разрушенного. Школа тоже была разорена.

Приходилось терпеть многие неудобства: книг не хватало, за одной партой ютились по трое учеников... Причем, несмотря на то, что ребята уже выросли, парты им достались маленькие, тесные.

Но подростки не унывали, старались как можно чаще устраивать себе маленькие веселые праздники. В школе они жили. Днем — учеба, а по вечерам развлекали себя спектаклями, «сваренными» по собственным «рецептам». Получалось довольно забавно. Поскольку школа была женская, все мужские роли исполняли девчонки. Так, однажды в постановке гоголевского «Ревизора» Ляле Поповой досталась роль городничего. Школьный фартук, одетый задом наперед, заменил фрак. А одноклассница, игравшая Хлестакова, взяла в руки ножницы и перевернула их ручкой вверх. Таким образом у «артистки» появился монокль. В школе этот спектакль ещё долго помнили...

Шли годы. Для юношеского возраста очень важна роль учителей, которые могут заложить в личности мощное стремление развиваться и достигать всё новых высот. На жизненном пути Елены Николаевны не раз встречались именно такие педагоги. Многими из них она и сегодня восхищается не только как мудрыми, терпеливыми, понимающими педагогами, но и — с высоты собственного жизненного опыта — как достойными людьми и сильными личностями.

Самыми добрыми словами вспоминает она учителя географии Бориса Алексеевича Чазова. В школу он пришел молодым начинающим специалистом, только-только закончившим университет. Пришел в чисто женский коллектив, в классы, где учились одни девочки. Каждую из них он называл исключительно на «Вы»...

Позже Борис Алексеевич станет профессором Пермского государственного университета, деканом географического факультета. Жизнь еще раз столкнет Полякову с ним: в 1990 году он был рецензентом ее книги «Память языка», не ведая, очевидно, что автор — его ученица.

Благодарна Елена Николаевна и прекрасному историку, интересному человеку Александре Клементьевне Новокрещенных, которая была ее классным руководителем. Она часто приносила на уроки по древней истории красочные иллюстрации старинных городов, построек, архитектурных памятников. И каждый раз умела так увлечь учеников, впечатлить их невиданными ранее удивительными вещами, что они не хотели уходить с урока.

В старших классах Поляковой посчастливилось учиться у превосходного филолога Веры Соломоновны Фан-юнг. Она была эвакуирована в Пермь из Одессы и всегда страшно сердилась, когда кто-нибудь произносил название ее родного города через букву «э». Работу в школе она умудрялась совмещать с преподаванием в классическом и педагогическом университетах. Остроумная, на редкость обаятельная, Вера Соломоновна буквально очаровывала своим отношением к языку. Многие ученицы меняли свои планы на будущее и готовились последовать ее примеру. Семеро одноклассниц Поляковой стали филологами, благодаря Вере Соломоновне. И, удивительное дело, каждая из них состоялась как прекрасный специалист.

Елена Николаевна сначала решила посвятить себя журналистике. Как большинство сверстников в столь романтический период жизни, она писала стихи и прозу. Все написанное бережно хранила в заветной тетрадке, впоследствии в связи с многочисленными переездами эта тетрадь с бесценными для автора пробами пера была утеряна. Но увлеченная литературными изысканиями, выпускница школы от намеченной цели не отступила.

И потому, как только стихли звуки прощального школьного бала, она — золотая медалистка — поспешила подать документы в Пермский государственный университет на филологическое отделение историко-филологического факультета.

Вступительные экзамены прошли без особых проблем. В отличие от того, с чем она невольно столкнулась в первые дни учебы...

Шел 1950 год. Неожиданно первокурсники филфака оказались в непростой ситуации. Как раз в этот год по радио выступил генералиссимус Сталин со статьей «Марксизм и вопросы языкознания». В этом обращении он в пух и прах развенчал учение Марра, на котором до того времени базировалась вся система преподавания языка в советской высшей школе. Это обучение языку на основе социологического подхода вождь предписал заменить обучением с точки зрения происхождения и истории развития языка. Кстати, в этом русле система преподавания филологических дисциплин строится и сегодня.

Выступление Сталина руководители и преподаватели вузов восприняли с должным восторгом, однако в учебный процесс оно внесло полнейшую неразбериху. Когда осенью студенты сели за парты, никто не знал, как им отныне преподавать!

На первом курсе Елену Николаевну ждало еще одно «потрясение»: так и не успев толком начаться, закончилась ее «поэтическая карьера». Однажды новички реши ли устроить для старшекурсников творческий вечер, на котором должны были в самом выгодном свете презентовать себя. Каждому следовало показать свои таланты, и Елена Николаевна поняла, что лучшей возможности заявить о себе как о поэте и писателе и не придумать. Поборов волнение, она вышла на импровизированную сцену и начала читать свои стихи.

Однако на середине выступления остановилась: она напрочь забыла текст. Постояла, подумала, махнула рукой и ушла. После этого случая увлечение поэтическим творчеством как-то стало проходить. Но однажды студентку Попову пригласили переписывать тексты в общеуниверситетскую сатирическую стенгазету «Перец». Издание это торжественно вывешивалось каждый месяц и собирало толпы любопытствующих. Через некоторое время в этой газете стали появляться и стихи за подписью Поповой. В них с нотками легкой сатиры Елена Николаевна рассуждала о студентах, о преподавателях, об университете и о жизни в целом.

А войдя во вкус, начала активно сотрудничать с многотиражкой «Молотовский университет». Редактором газеты в ту пору был доцент кафедры древней истории Владислав Владимирович Мухин. Номер за номером, он собирал подшивку газеты, сохранил ее у себя дома. А спустя десятилетия передал в музей университета. Как-то перелистывая пожелтевшие страницы, наткнулся на интересную публикацию.

— Знаешь, я нашел статью, которую мы с тобой писали вместе и в которой сделали критический разбор премьеры нашего драмтеатра! — немедленно позвонил он Елене Николаевне, чем приятно ее удивил. — И ты знаешь, ведь очень даже прилично написано!

Но чем дальше Елена Попова продвигалась по журналистской стезе, тем отчетливее понимала, что это не ее призвание. Все больше и больше осознала, что обладает скорее логическим складом ума, чем образным, столь необходимым литератору. Запомнились и слова отца — Николая Алексеевича: «В наши времена жесткой цензуры ты все равно не сможешь опубликовать то, что тебе захочется!..»

С такими настроениями Елена Николаевна закончила первый курс. Продолжать учебу совсем не хотелось. Что делать дальше? Неопределенность ее не пугала. Пугало совсем другое: не могла она вот так просто прийти заявить родителям, что бросает учебу.

Что говорить, жили Поповы нелегко, выкручивались, как могли. Поэтому и отношение к учебе дочери было соответствующее: раз поступила, будь любезна додочиться, и уж потом поступай как знаешь, хоть в математики иди.

В этот очень важный период жизни рядом с Еленой Николаевной вновь оказался учитель, благодаря которому она смогла найти поистине главное и любимое дело всей своей жизни. Когда Елена Полякова училась на втором курсе, из Москвы в Пермский университет приехала Ксения Александровна Федорова, прекрасный специалист в области истории языка и диалектологии, человек большой души и вместе с тем требовательный к себе и к своим ученикам. С первой встречи она обаяла студентов своим уникальным преподавательским талантом.

Ксения Александровна начинала учиться в легендарном ИФЛИ — Московском институте философии, литературы и искусств, давшем миру плеяду замечательных литераторов. В войну этот институт безвозвратно закрыли. Ксения Александровна закончила МГУ. Ее приезд в Пермь изменил судьбу Поляковой.

Однажды на спецсеминаре Ксения Федорова познакомила студентов с хранящимися в Пермском краеведческом музее многочисленными, тогда еще неразобранными свитками деловых документов XVII века, написанными скорописью. И предложила желающим заняться их прочтением, палеографическим анализом и исследованием языка. Елена Николаевна оказалась единственной из группы, кто заинтересовался расшифровкой этих па мятников старины — длинных, порой до нескольких метров, склеенных свитков, сборников различных документов.

Так началось увлечение лингвистикой, и с третьего курса она специализируется под руководством доцента Ксении Александровны Федоровой. Поначалу ей было невероятно трудно. В Перми сохранилось лишь около трех десятков подлинных текстов документов XVII века, написанных в Прикамье. В основном здесь хранились сибирские тексты (тобольские, шадринские и другие), а для пермской и русской лингвистики в целом важен анализ именно пермских текстов, сопоставление которых с материалами местных говоров и просторечия XIX-XX веков дало бы возможность анализировать язык целого региона в историческом аспекте.

Поэтому параллельно с работой над шадринскими рукописями Елена Николаевна начала поиски пермских текстов в Москве в Российском государственном архиве древних актов и в Российской государственной библиотеке, в Санкт-Петербурге в архиве филиала Института русской истории Российской академии наук, в хранилищах Чердыни, Соликамска, Кунгура.

Затрудняло работу и отсутствие учебной литературы. В то время по этой теме еще не было ни специализированных учебников, ни практических инструкций, ни палеографических материалов. Кроме того, тогда еще не знали, что такое ксерокс, лишь иногда можно было заказать фотопленку со снимками текстов. Поэтому приходилось расшифровывать и переписывать от руки сотни деловых документов.

На этом начальном этапе, когда каждый мелкий камешек казался неподъемным булыжником, Елена Николаевна поняла главное: это то дело, которым она хочет заниматься. Она, действительно, нашла «свое». Работа над древними рукописями приносила огромное удовольствие, становилась потребностью. Она влекла своей неизвестностью, той тайной, которую хотелось непременно разгадать, «подчинить» себе.

— Только представьте: вы держите перед собой свипок, вглядываетесь в его текст, но, увы, не понимаете, что там написано, — рассказывает Елена Николаева. — Буквы, слова не поддаются вам. На первый взгляд, это даже не кроссворд, а сплошной шифр! Когда я сидела над этими еще непонятными мне символами, непреодолимая тяга одолевала меня разгадать загадку письменной речи, сделать ее «своей».

После терпеливых стараний эта беспорядочная масса стала вырисовываться в слова, и я впервые прочитала: «лошадь». Тогда я еще не понимала, по каким языковым законам оно составлено, почему на конце нет мягкого знака. Но радости было столько, что все остальное просто меркло!..

Елену Николаевну серьезно увлекла лингвистика. В исследовании древних свитков, в изучении происхождения слов она находила сходство с чтением занимательного детектива. Конечно, разгадки приходили не сразу. Но что за детектив без запутанного сюжета!

Мысль об уходе с филологического факультета отпала сама собой. Новое занятие принесло уверенность в завтрашнем дне и новые перспективы.

Курс, на котором училась Полякова, сдружился. Студенческая жизнь стала еще более веселой и разнообразной.

Надо сказать, среди университетских товарищей за Еленой Николаевной закрепилось уже порядком надоевшее ей имя «Ляля», которое «преследовало» ее с детского садика. Как она ни возмущалась, как ни запрещала, иначе ее друзья не называли. Эта традиция сохранилась у них и по сей день. Сегодня это вызывает у Елены Николаевны улыбку и приятные воспоминания.

Тогда на зависть нынешним студентам каждую субботу устраивали в университете танцы. Приходили гости. За порядком следили сами хозяева. В то время второй корпус ПГУ, в котором проходили танцевечера, выглядел несколько иначе, нежели сейчас. Он был полностью радиофицирован, и музыку включали на все импровизированные танцплощадки. Кроме того, в корпусе имелся необычный по форме Горьковский зал, в котором даже соорудили подсветку.

Каждый раз, когда дочь собиралась на очередной танцевальный вечер, отец по-доброму язвил: «Ну вот. Опять 129 лет со дня рождения Петрушки!» Дочь на такие намеки по поводу изыскиваемых ею каждый раз дежурных «юбилейных» причин лишь смущенно улыбалась.

Романы того времени... Они начинались с традиционных выездов «на картошку», еще перед первым курсом. Для Ляли Поповой, совершенно городской девушки, никогда не бывавшей в деревне, выезд в колхоз сам по себе таил романтику приключений.

И это путешествие действительно стало незабываемым. На пароходе — до Оханска. К месту назначения прибыли глубокой ночью. Погода стояла отвратительная: холод, дождь, мешавший грязь в слякоть...

Всю университетскую компанию сначала поселили в местном кинотеатре, в котором почему-то полностью отсутствовало освещение. И только под утро пришли машины. В кузове грузовика им, правда, пришлось ехать недолго: машина вдруг резко остановилась — забуксовала.

Пассажирам велели выгружаться. А вокруг одна сплошная грязь... Так пешком и топали до ближайшей деревни Подволок.

А на следующий день они уже дружно копали картошку, в деле узнавая характеры и личные качества сокурсников. А девочки — филологи первого курса — быстро сдружились с мальчиками-третьекурсниками. Что, в свою очередь, не вызвало радости у девочек третьего курса. Как они тогда ревновали!

— Забавно сегодня это вспоминать, — улыбается Елена Николаевна. — Но родившуюся тогда дружбу мы сохранили на долгие-долгие годы. Сегодня о многих я давно ничего не слышала, с большинством не виделась. Жизнь разбросала всех по разным городам и весям...

И припомнила тут Елена Николаевна одного своего сокурсника, обладавшего довольно оригинальным мышлением, и неизменно бывшим душой компании. Этот «вечный поэт» писал изумительные стихи в есенинском стиле. Бывало, встанет в уголок, пошепчет что-то себе под нос и выдаст строки! Успехом он пользовался тогда оглушительным. Но, окончив университет, стал как-то угасать, в итоге вовсе спился... И эта судьба осталась какой-то зарубкой в их душах: успех бывает мимолетным, а жизнь — такой долгой, требующей сил на всю дистанцию...

Она помнит, как не раз в обсуждении учебных вопросов выступал репатриированный из Шанхая сокурсник Юрий (Георгий) Сильницкий. Он увлекал совершенно оригинальным видением филологических проблем. Много работал, стал профессором Смоленского университета, доктором наук, заведующим кафедрой английского языка. Несмотря на разные специализации, Полякова не раз встречалась с Юрой на различных конференциях. И каждый раз родной им университет действовал магически, вызывая в памяти образы юности. С особой теплотой вспоминает она и замечательного Владимира Санникова. Он также стал прекрасным лингвистом, доктором наук, профессором Московского государственного университета.

Выпустил ряд научно-популярных книг, связанных с языковыми играми.

В одной группе с нею училась и Белла Рословлева — дочь режиссера Пермского драматического театра Рословлева и известной актрисы Васильевой. В силу своей профессии родители Беллы мало бывали дома, который, однако, отличался редким гостеприимством. Квартира у них была добротная, в самой большой комнате стоял диван два на два метра, похоже, из театрального реквизита. Перед ним — уютный маленький столик, за которым частенько собирались сдружившиеся однокурсники. Несмотря на камерность выбранного для посиделок места, и по 15 человек зараз могли расположиться. Болтали, шутили, танцевали...

На пятом курсе на одной из совместных лекций Елена Попова обратила внимание на приятного молодого человека, студента-историка Юрия Полякова. Они познакомились, стали дружить. Вскоре поняли, что друг без друга уже не могут.

Дипломная работа Елены Николаевны была посвящена палеографическому и лингвистическому описанию шадринской рукописи XVII века. Позже она вплотную занялась многоаспектным исследованием лексики и ономастики уральских (преимущественно пермских) памятников письменности — это стало делом всей жизни.

После окончания университета Полякова начала готовиться к поступлению в аспирантуру Института русского языка Академии наук в Москве, куда должна была отправиться по распределению. В это же время мужу — Юрию Алексеевичу — выпал «билет» во Владимир. Молодые супруги горевать не стали, рассудили, мол, как-никак, будут близко друг от друга. Если бы только Министерство образования не запретило вдруг выдавать «археологические» дипломы. И Юрию Ивановичу заменили диплом археолога на диплом со специальностью историка, преподавателя средней школы. На выбор предложили несколько мест, из которых он предпочел Алтай.

Тогда Елена Николаевна забрала из Москвы документы и уехала за мужем.

Они поселились в селе Березовка Краснощековского района Алтайского края. До сих пор Елена Николаевна с улыбкой вспоминает, как местные жители учили их выговаривать название своего села: с подчеркнутой «я» в первом слоге.

Муж занимался раскопками, а она устроилась в местную школу учительницей русского языка и литературы. Это, отнюдь, не были «потерянные годы»: работая в школе, Елена Николаевна приобрела бесценный опыт общения с аудиторией, не менее сложной и важной, чем любая другая...

Годы спустя произошел любопытный случай. Полякова принимала участие в большой международной ономастической конференции. Мероприятие проводилось в престижном пансионате под Свердловском. Среди выступавших на конференции свой доклад должна была читать и профессор из Барнаула Анна Васильевна Иванова. Елена Николаевна была с ней хорошо знакома, поскольку выступала оппонентом на защите ее кандидатской и докторской диссертаций. Но о том, что сама когда-то жила и работала на Алтае, ранее не рассказывала. И вот в одной из бесед за чашкой утреннего чая Анна Васильевна упомянула, что в своем докладе будет приводить примеры из села Березовка. Елена Николаевна поразилась такому совпадению: из всех тринадцати Березовок, что прописаны в Алтайском крае, она выбрала именно ту, в которой жили Поляковы!

После Алтая молодая семья вернулась в Пермь. Жить было негде. Юрий Алексеевич отправился в департамент культуры, где ему как археологу предложили на выбор работу в городах области. Недолго подумав, молодые супруги переехали в Кунгур, где обосновались на целых три с половиной года.

Там Елена Николаевна одновременно работала преподавателем сразу в двух техникумах — дневном сельскохозяйственном и вечернем кожевенно-обувном.

Причем последний размещался в здании бывшей церкви. Аудитория, в которой проходили занятия, располагалась очень высоко. Лестница была неудобной, уже порядком износившейся. Елена Николаевна даже сегодня с ужасом вспоминает, как каждый раз, спеша на лекции, одолевала эти шаткие ступени. А она уже носила ребенка...

Работая в Кунгуре, Полякова разобрала коллекцию свитков Пермского краеведческого музея и составила их коллекционную опись. После чего описала коллекцию свитков и тетрадей XVII — XVIII веков Кунгурского краеведческого музея.

Когда у Поляковых родился сын, они решили растить его в большом городе. И семья вновь вернулась в Пермь. В 1960 году Елена Николаевна начала работать в Пермском классическом университете, где прошла путь от лаборанта кафедры иностранных языков до доцента кафедры русского языка и общего языкознания и затем профессора кафедры общего и славянского языкознания.

На следующий год Елена Николаевна поступила в за очную аспирантуру при Уральском государственной университете в Свердловске: в Пермском университете аспирантуры на филологическом факультете тогда еще не было. Кандидатскую диссертацию «Шадринская рукопись 1687-1688 гг. как памятник делового языка XVII века» она писала под руководством доцента Александры Петровны Громовой. Защитила эту работу в 1968 году в Ленинградском университете. Оппонентом ей назначили профессора Марию Александровну Соколову. При первой же встрече она поинтересовалась у Поляковой:

— У кого вы учились?

— У Ксении Александровны Федоровой.

— Нет, не знаю такую...

— Но она училась в вашем университете во время войны...

— Ой, Ася Федорова что ли?

Так любимый педагог снова, хоть и косвенно, встретила Елене Николаевне на жизненном пути. Кандидатскую диссертацию Полякова защитила с блеском. А как иначе, ведь работа над ней шла в трех университетах: материал собирала в Перми, писала в Свердловске, а защищала в Ленинграде!

После переезда из Кунгура в Пермь нужно было заново обустраиваться. Пришлось изрядно помаяться. Поначалу жилье снимали, потом построили кооперативную квартиру. Но этому предшествовали долгие годы упорного труда. Причем, в отличие от сегодняшних дней, тогда к возможности быть совместителем относились крайне прохладно, даже негативно.

Елена Николаевна вспоминает, как впервые в Пермском педагогическом университете уговорили ее прочитать там спецкурс. Для этого нужно было получить разрешение в альма-матер. А у Поляковой тогда и без этого работы было много, лишней груз брать не хотелось. Когда она все-таки пришла к проректору ПГУ, тот стал возражать: «Но ведь нельзя. Не положено...» Она сразу оживилась: «Очень хорошо! Только напишите, что нельзя. Я не хочу туда идти...»

Однако что-то подсказало тут проректору иную линию поведения, и он вдруг среагировал «с точностью до наоборот» и... выписал разрешение. В дальнейшем сотрудничество с педуниверситетом продолжилось.

В начале 70-х годов Полякова обратилась к исследованию пермской ономастики — имен собственных в памятниках и говорах Прикамья. Она рассматривала их и как материал для собственно изысканий, и как основу для реконструкции нарицательной лексики, уже ушедшей из живой речи, но закрепившейся в топонимах и антропонимах.

Вплотную занимаясь практическими исследованиями, она в своей педагогической деятельности с особым предпочтением относилась к спецсеминарам. Ведь именно на них студенты проводили и проводят исследования, из которых потом вырастают серьезные работы — вплоть до кандидатских диссертаций.

Поэтому каждое такое занятие Полякова проводила с индивидуальным подходом.

Палеографические семинары, на которые Елена Николаевна, как в свое время Ксения Александровна Федорова, приносила памятники письменности XVII века, пользовались у студентов особым вниманием. Занятия посещали не только студенты, специализирующиеся по языку, но и студенты-литераторы. Среди таковых был и известный ныне писатель Леонид Юзефович.

В 1983 году в Ленинградском университете Елена Николаевна защитила докторскую диссертацию «Лексика пермских памятников XVII — начала XVIII века (к проблеме делового языка как функциональной разновидности русского литературного языка)». В ней она на местном материале, сопоставив его с данными центральных и пермских местных говоров, решила один из актуальных вопросов истории русского литературного языка — статуса делового языка XVII века — начального этапа формирования национального русского языка.

Исследуя лексику памятников, Полякова одновременно сопоставляла ее с материалами пермских говоров, часто выезжала в диалектологические экспедиции, в ходе которых записывала лексику во многих районах Пермской области — Чердынском, Соликамском, Ильинском, Добрянском, Карагайском, Оханском, Осинском, Частинском и других. С интересом и даже рвением отправлялась она в каждую такую экспедицию. До сих пор ностальгически вспоминает первую и последнюю из них.

Первый раз она отправилась в экспедицию еще в студенческие годы, «холодным летом пятьдесят третьего». В год кончины вождя всех народов была объявлена пресловутая бериевская амнистия.

А на севере Прикамья, куда часто ездили студенты и учёные ПГУ, было полно лагерей. И в 1953 году окрестности кишели освободившимися уголовниками. Ехать в те места было страшно.

Но было слово «надо». Руководила экспедицией замечательный педагог доцент Франциска Леонтьевна Скитова. Группа состояла из шести студентов. Экспедиция сначала выехала в деревню Бигичи Чердынского района. А после того как работа там была успешно завершена, Франциска Леонтьевна разделила своих подопечных на три группы и каждой дала отдельные задания. Полякова оказалась в паре с сокурсником Володей Санниковым. Сначала они собирали материал в деревне Камгорт, что недалеко от Бигичей. Потом — в соседнем селе Пянтег.

А в четырех километрах от Пянтега находилось древнее городище, заросшее густыми лесами. Елена Николаевна, наслышанная о нем, очень хотела туда попасть. Когда она попросила местную бабку показать им с Володей дорогу, та громко запрочитала:

— Нельзя туда, родненькие, ходить. Там чудится и мерещится. Место злое, одни несчастья приносит...

Студентов такой рассказ не пронял. Пришлось-таки бабке отправить вместе с ними свою внучку.

Путешествие их состоялось и вреда никому не принесло. Да и не увидели спутники в тех местах ничего особенного, только один сплошной непролазный лес. Правда, одно «зло» их все-таки одолело. Таких злющих комаров, которых там было видимо-невидимо и которые не давали ступить ни шагу, они в жизни не видывали. Приходилось стегать друг друга ветками, отгоняя ненасытных кровопийц. Володя Санников, который пошел в поход в чистой белой рубашке, в деревню вернулся в майке, черно-красной от крови и погибшего в схватке комарья.

Время в селе текло размеренно. Работа спорилась. Однако от постоянного чувства голода Санников и Полякова просто не знали, куда деваться. Продуктов купить было негде. Целыми днями жевали кедровые орехи, на которые потом долго смотреть не могли.

Конечно, участникам экспедиции, как командировочным, должны были выписывать продукты в колхозах. Но известно, как это бывало: то все на складе, то вообще ничего нет. Выдавали иногда солонину, которую студенты отвозили бабке. Та варила ее в большом котле. Есть это варево было невозможно — голая соль и чуток мяса плавают. Ребята почти все оставляли местным. Откровенно сказать, они были просто поражены тем, что увидели. Деревня была совершенно разорена. В Пянтеге на все большое село приходилась всего одна «личная» корова. Да и ту держать было невыгодно, поскольку налог на нее был больше, чем она могла дать доходу. Да что там корова. Каждая яблонька была описана, с каждой надо было платить налог!

Когда городские гости, следуя цели экспедиции, начинали расспрашивать местных жителей, те на все вопросы неизменно жаловались: «Ой, а вы запишите, что у нас это плохо, то плохо...» Людей из Перми они воспринимали как представителей власти. В связи с этим окончание экспедиции получилось поистине трагикомичным.

Как раз в сентябре 1953 года вышло постановление которое существенно облегчало жизнь колхозникам отменив часть непосильных налогов. Однокурсники потом долго шутили: мол, в деревне, наверное, решили, что вот приехали эти Попова с Санниковым, все записали и сразу нужный указ в Москве издали.

Смех смехом, а экспедиция та получилась на редкость результативной. Собирая материал, сверяя фонетику, группа работала по программе Академии наук. Студенты к делу подошли ответственно. Каждое слово буквально вытягивали у сельчан. Потому как самим произносить слова и таким образом подсказывать было запрещено.

Елена Николаевна с улыбкой вспоминает такой случай. Ей нужно было узнать местную фонетическую форму слова «пшено»: пашено, лишено или еще как-то. И вот показывает она на ладошке бабке то, что сочла пшеном, и спрашивает:

—Что это?

Та смотрит на нее как на полоумную и отвечает:

—Просо...

Или перед самым отъездом, когда время экспедиции неумолимо истекало, Полякова никак не могла получить форму «на меже». И вдруг она сориентировалась:

—Ну что на ней растет-то?!

Бабка как закричит на нее:

—Да я тебе толкую-толкую! Что за бестолочь такая! Ничего на меже не растет!..

А Елена Николаевна уже радостно записывает нужную форму.

Участники экспедиции могли часами слушать сельчан, рассказывавшим о своей жизни, о своем труде и отдыхе. А когда они доставали из своих сундуков старые вещи, студенты просто замирали. С удовольствием примеряли все на себя. Однажды Елена Николаевна попыталась надеть дубас — косоклиный сарафан. Он так назывался, потому что его красили корой дуба, то есть «дубили». Несмотря на «худой» 44-й размер Поляковой, дубас этот оказался до невозможности тесным. Но странно — такой сарафан был рабочей одеждой всего русского севера Прикамья...

Первая экспедиция Елены Николаевны принесла незабываемые впечатления. Ей, выросшей в многонаселенном городе и воспитанной на советской и зарубежной классической литературе, такие вещи были в диковинку, приводили в восторг. Что-то подобное по силе эмоций она испытала и в своей последней экспедиции.

Это было в 1970 году. Путь лежал в уже знакомое село Камгорт Чердынского района. Елена Николаевна возглавляла экспедицию вместе с замечательным педагогом, профессором Пермского и Ленинградского университетов Леонидом Владимировичем Сахарным. Их группа состояла из тридцати студентов.

В стране в то время жестко боролись с тунеядством. Тогда в Чердынский район сослали девиц легкого поведения сразу из двух городов — Ленинграда и Калинин града.

И что там началось! Чердынские женщины даже выступали с письменным обращением в Кремль, в котором просили о помощи.

Елена Николаевна выехала в Чердынь за день до основной группы специально для того, чтобы выбрать в районе наиболее благоприятное место. Пришла в милицию, и вместе с блюстителями порядка выбрали они деревню Камгорт. В ней, по сводкам, находилось всего два тунеядца.

Когда экспедиция приехала на место, их там уже не было: накануне один убил другого, ударив ножом в живот. И студенческие записи начались с подробного описания именно этих событий.

Экспедиция поселилась в одноэтажной местной школе. Школа была старинной, земской, с высокими потолками и просторными классами. Студенты вместе с руководителями заняли два кабинета. В одном из них они работали за партами — обрабатывали собранный материал. А в другом классе обустроили спальную комнату. Навезли с собой пустых матрасных мешков, набили их соломой и разложили по периметру. А в центре поставили две парты, на которых дежурные устраивали раздачу еды. И каждый, получив свою порцию, отправлялся с ней на свой матрац. Зрелище было комичным: ребята словно римские патриции, возлежали на своих «ложах» и чинно вкушали пищу.

В самом начале экспедиции произошел инцидент. Одна студентка еще по дороге из Перми, на катере, вывихнула ногу. По приезде в Чердынь нога распухла и посинела. Елена Николаевна забеспокоилась: горе-путешественницу надо срочно отправлять назад. А та в слезы: «Нет, я с вами поеду!»

В Камгорте ноге стала еще хуже. А студентка никак не унимается: «Ну я хоть один денек позаписываю...». И поковыляла к местным жителям собирать материал. Вдруг через два часа возвращается совершенно здоровая. Что за чудо?! Оказалось, что одна бабка, заметив больную ногу гостыи, принялась ее лечить: тут погладила, там надавила. Эффект был поразительным!

Потом удивленные участники экспедиции случайно узнали, что девушка попала к знаменитой в округе бабке-костоправке. К ней даже чердынские и Соликамские хирурги отсылали своих пациентов, когда сами помочь не могли.

Находчивые студенты тогда сложили такую частушку:

В первом доме за углом
Проживает костолом.
То с рукамо, то с ногамо
Каждый день к нему идем!

В один из дней участники экспедиции совершили длительный поход в село Цыдва, расположенное в 12 километрах от Камгорта. Для Елены Николаевны эти места были заочно знакомы по исследуемым ею памятникам XVII века, в которых содержалось немало документов, написанных в Цыдве или о цыдвенцах. Общаясь с местными жителями, она детально расспрашивала их о тех или иных окрестностях. Многие слова местные жители уже не знали.

— Лексика, в отличие от топонимов, не всегда хорошо сохраняется, — комментирует Елена Николаевна.

У самого входа в село стояла высокая старинная церковь с колокольной, покосившаяся и заброшенная. Любопытные студенты, не долго думая, забрались внутрь. А там разглядели одиноко стоящие вдоль стен толстые деревянные доски, метра по два в высоту, с изображением святых. Во многих местах краска на этих досках облупилась. Девчонки загорелись привезти старинные иконы в Пермь. Но от идеи этой пришлось отказаться, потому что за иконами было опасно забираться на второй этаж по хрупкой сгнившей лестнице. Да и к тому времени немало развелось охотников за «черными досками»...

В тот год в стране начиналась мода на мини-юбки. И девчонки, не дожидаясь возвращения в город, решили покрасоваться в привезенных мини-юбках на сельских улочках. Это была тактическая ошибка: с собирательницами фольклора старухи напрочь отказались разговаривать.

Только пели им вслед частушки:

*По деревне Камгорту
Девки в мини шаستاют.
Удивляются быки
И хряки ушастые.*

Такой вот фольклор «спровоцировали»...

В 1999 году исполнилось 100 лет со дня основания Чердынского музея им. Пушкина и 200 лет со дня рождения самого поэта. По этому поводу в Чердыни проходила большая конференция, на которую была приглашена Елена Николаевна Полякова. В рамках культурной программы участников конференции повезли на экскурсию в Ныроб. И путь туда лежал через деревню Камгорт. С ностальгией глядела Елена Николаевна на хранимые в памяти места. Вспомнила и старую земскую школу, в которой жила тридцать лет назад. Здание уже рассыпалось, стояла лишь одинокая стена, оставшаяся от фасада, школьные окна пустовали. Печальное явилось взору зрелище.

Участвуя в поездках по области и собирая местный материал, Полякова к тому же нередко сопровождала мужа в его археологических экспедициях. Ездил в качестве гостя в свое отпускное время, вроде как отдохнуть. Но когда муж отправлялся на раскопки, его супруга обычно брала ручку с блокнотом и мчалась в ближайшие деревни и села. И вновь беседовала со старожилками, вновь записывала лексику и изучала полученные данные. Частенько эти выезды становились семейными, когда Поляковы брали с собой сына Александра. Благо, условия археологических экспедиций с их строгим режимом, организованным проживанием в палатках и горячим обедом это позволяли.

В одной из совместных с мужем поездок Елена Николаевна открыла для себя «печальную» деревню Бутыры, которая располагалась недалеко от Добрянки. Рядом с этой деревней, на заросшем лесом мысу, находилось Бутырское городище, которое Юрий Иванович Поляков копал много лет.

Там, по всей видимости, сохранился астрономический центр древних людей: прослеживалась система каналов, выложенных камней. А между городищем и деревней был выселок, где стоял одинокий покосившийся дом. Когда муж приезжал с очередной раскопки Бутырского городища, каждый раз грустно говорил: «Уже выселка нет». Или: «Пять старух осталось...» На карте Пермской области 2000 года издания Елена Николаевна эту деревню уже не нашла. Исчезли люди, канула в Лету деревня. А записи, сделанные там, остались. И не раз пригождались в дальнейших исследованиях.

По разработанной Еленой Николаевной для студентов-заочников программе собирания географических терминов и названий хозяйственных участков были обследованы более 200 населенных пунктов. Благодаря полученным данным в 1988 году свет увидела книга «От арайны до яра. Русская народная географическая терминология Пермской области», в которой одновременно с современными использованы и материалы пермских памятников письменности.

Во многих городах и районах Прикамья побывала Елена Николаевна, много интересных мест повидала. Поддерживая научные связи с исследователями проблем исторической лексикологии и ономастики, она многократно выступала на международных, всесоюзных, российских и региональных научных конференциях.

А вот за границей не бывала ни разу! Причина на то существовала весьма серьезная: со студенческих лет ее мучила сильная гипертония. Медики позволить выехать ей просто не могли.

Да, наверное, и особого желания, что говорить, не было. Елена Николаевна всегда считала советскую систему высшего образования лучшей в мире. Соглашаясь с наличием ряда серьезных проблем и пробелов, она понимала, что они были вызваны общественной ситуацией в стране. К чему, например, были нужны усилия по изучению иностранных языков, если в жизни они многим специалистам просто не могли пригодиться?

Приглашения со стороны зарубежных вузов Елене Николаевне поступали, впрочем, неоднократно. Однажды ей предложили на два года выехать в Югославию — преподавать в одном из престижных вузов. Многие пермские коллеги тогда пытались ее уговорить: «Что же ты не соглашаешься? Югославия почти капиталистическая страна...» Но Полякова была непреклонна. К тому же у нее подрастал сын, которому тогда только что исполнилось 12 лет. Оставить семью на два года она не могла.

Многие коллеги Елены Николаевны преподавали в иностранных университетах. Когда стало ясно, что и ее поездка в Югославию практически неизбежна, Полякова придумала необычный ход. Заявила: «А ведь меня не выпустят!» В парткоме, заподозрив признание в неблагонадежности, дар речи потеряли. И тут Елена Николаевна объяснила: «Так у меня же гипертония!»

Но это вовсе не означало ее замкнутость, нежелание общаться с миром. Несмотря на то что прямых контактов у Поляковой с иностранными коллегами не было, за рубежом знали и читали ее книги, восхищались их новаторством и глубиной исследования. О чем свидетельствовали приходившие в университет благодарственные отзывы. Так, на научно-популярную книгу «Из истории русских имен и фамилий», вышедшую в московском издательстве «Просвещение» в 1975 году стотысячным (!) тиражом, пришло письмо из Чехии. Писала Здэнка Трестерова, опытный лингвист из города Усти-на-Лабэ, профессор местного университета. С Поляковой лично она никогда не общалась. Но книгой была совершенно потрясена.

Рецензия чешки начиналась со следующей фразы: «Счастливы читатели Советского Союза, что могут иметь такую литературу, с одной стороны, научную, с другой — массовую, легко читаемую. К тому же издаваемую такими тиражами!»

Вся жизнь Елены Николаевны оказалась связана с Пермским государственным университетом. И пусть филологическое отделение, став факультетом, переехало в другой корпус, в чужие для нее стены. Это не главное. Университет давно превратился для нее в родное место, без которого она не представляет свою жизнь — как профессиональную, так и семейную. Здесь она встретила будущего мужа, с которым прожила долгую счастливую жизнь. Кандидат исторических наук Юрий Алексеевич Поляков тоже работал в ПГУ — читал на историческом факультете курс лекций по истории России с древних времен до XVIII века, курсы по археологии.

В университете учился сын Александр, закончивший физический факультет. Он стал кандидатом наук и долгое время проработал в лаборатории радиоспектроскопии. Диплом исторического факультета ПГУ получил и внук Елены Николаевны — Алексей. Он в определенной степени воплотил в жизнь ее мечту и выбрал в качестве профессиональной деятельности журналистскую сферу: стал ведущим новостей на пермском телевидении. Другой ее внук Юрий закончил Екатеринбургскую консерваторию и аспирантуру по классу виолончели. Ездит с концертами за границу, побеждает в конкурсах...

Пермский университет для Елены Николаевны — это и ее школа. С огромной благодарностью вспоминает она преподавателей, которые когда-то работали с ней, наставляли и учили.

Университет — это, несомненно, и коллеги, с которыми она работает на протяжении вот уже 46 лет и поддерживает теплые отношения сотрудничества.

Это и студенты, которых она, несмотря на порой нескрываемую ими беспечность в учебе, любит. Вместе со знаниями в студентов она вкладывает и частичку своей души. И ей кажется, что они это чувствуют.

— Студенчество — это и мое прошлое, и мое настоящее, — говорит Елена Николаевна. — Все они разные, к каждой группе требуется индивидуальный подход.

Одни — ровные и смиренные, другие — беспокойные и шумные. Но нет таких студентов, с которыми неинтересно работать...

В начале апреля юбилейного 2006 года Полякова принимала участие в XI международном симпозиуме финноугроведов, который проходил в Перми. В один из дней симпозиума к ней подошла незнакомая женщина с пышным букетом цветов. «Вы меня не узнаете?» — скромно спросила она. И тогда Елена Николаевна вспомнила эту девушку, поступившую в университет в 1979 году. Она оказалась настолько преданной ученицей, что привязалась к Елене Николаевне как к матери...

Многие студенты поступали в аспирантуру, защищали у Елены Николаевны свои кандидатские диссертации и сами становились преподавателями. Среди них кандидаты наук доцент Ирина Ивановна Русинова и старший преподаватель Мария Владимировна Богачева. Сейчас они работают над созданием пермской части большого всероссийского издания «Лексический атлас русских народных говоров», издаваемый Академией наук. Ездят в экспедиции, собирают материал. Исследование основывается на местных материалах севера Прикамья, поэтому помимо собственных данных Ирина Ивановна и Мария Владимировна используют записи, привезенные в свое время Еленой Николаевной из экспедиций в Чердынский район.

Не только в классическом, но и в педагогическом университете работают кандидаты филологических наук, начавшие в прошлом свою специализацию у Поляковой и затем прошедшие под ее руководством аспирантуру. Как, например, доцент ПГПУ Татьяна Александровна Сироткина. После окончания педагогического она поступила в аспирантуру ПГУ только для того, чтобы учиться под руководством Поляковой. Потом снова вернулась в педуниверситет. Обучается в докторантуре, пишет докторскую диссертацию на тему этнонимов (названия людей по национальностям).

— Такие прекрасные специалисты! И как жаль, что студенты как-то охладевают к научной деятельности. Получив дипломы, они не стремятся в науку, — с грустью говорит Елена Николаевна. — Да и специалистов с высшим образованием буквально выкачивают из страны за рубеж. А задумайтесь, почему? Да все потому, что советская система образования, которую сегодня клянут на каждом углу, была действительно самой лучшей.

В наши дни все определяется финансированием. Дело не только в мизерных зарплатах преподавателей, научных работников или лаборантов. Надо брать шире. Если те же филологи могут обойтись одним компьютером, библиотекой и архивами, то физикам или химикам нужна дорогостоящая аппаратура. Вот и уезжают многие молодые учёные туда, где могут позволить себе качественное оборудование. Есть, конечно, среди них такие, которые лет десять живут за границей, зарабатывают там немалые деньги и возвращаются на родину уже с возможностью беспрепятственно работать здесь. Но это, скорее, исключение, нежели закономерность.

Елена Николаевна считает, что подходы к образованию в России, в частности, к филологическому, в XXI веке, действительно, меняются не в лучшую сторону:

— Многие из того хорошего, что было наработано долгими десятилетиями, к сожалению, разрушается. Например, совершенно необоснованно сокращается учебное время, отведенное на изучение фундаментальных дисциплин. Вместо этого все большее количество времени отводится предметам, которые к специальности не имеют никакого отношения. Так, добрая половина учебных часов в расписании отдана под такие дисциплины, как физкультура и ОБЖ. Причем зачастую их растягивают, преподают «вразвалочку». В то время как мы, филологи, уже привыкли давать студентам материал сжато, без закрепления, потому как ограничены в учебных часах. Только представьте, что на всю историю русского литературного языка от XI до XXI века на третьем курсе русского отделения у меня отводится в целом 32 часа!

За последние 25 лет вдвое сократилось количество часов по таким трудным, но важным дисциплинам, как старославянский язык и историческая грамматика...

— Все больше меня волнует то, что умственную деятельность постепенно вытесняют компьютерные действия, — продолжает Елена Николаевна. — В частности, для лингвистики это губительный процесс. Поскольку в том же изучении истории языка очень важно не упустить ни одного факта. Любая, на первый взгляд, незначительная деталь может сыграть большую роль. Техникой хорошо пользоваться тогда, когда работа идет с большими объемами информации. Компьютер значительно облегчает организацию труда, позволяет быстро и удобно редактировать тексты и экономить тем самым время. Но в исследованиях, которые опираются на отдельные факты, он может только помешать. Процесс компьютеризации остановить нельзя, да и не нужно. Только с ним надо обращаться осторожно.

За многие годы преподавания в Пермском университете Елена Николаевна разработала и прочитала лекции по различным дисциплинам: «Морфология современного русского языка», «Методика преподавания русского языка», «Введение в языковедение», «Историческая грамматика русского языка». Вела занятия по древнерусскому и польскому языкам. Ее основные курсы: с 1964 года «История русского литературного языка», с 1977 года «Введение в славянскую филологию». В разные годы она читала такие спецкурсы, как «Русская палеография», «Историческая лексикология русского языка», «Русская ономастика», «Русская антропонимия в школе» и «Топонимия Прикамья». В последнее время читает «Историю русской антропонимии» и «Лингвистическое краеведение Прикамья». Она основала направление «Лексика и ономастика пермских памятников письменности XVI-XVIII веков».

Занимаясь со студентами дневного и заочного отделений, Елена Николаевна постоянно ведет спецсеминары по исторической лексикологии, ономастике, этимологии, руководит курсовыми и дипломными работами, исследованиями аспирантов.

Она постоянно обращается к самым животрепещущим вопросам современной науки, участвует во многих актуальных научных программах. Так, с 1992 по 1995 год по программе «Университеты России» руководила темой «Пермский государственный университет как центр научного изучения региональных особенностей этнокультурных процессов на территории Западного Урала (язык, этнография, фольклор, литература)». В 1994-1995 годах по гранту Международного научного фонда Сороса разработала актуальные проблемы пермской антропонимии. В 1998 году по гранту Госкомитета РФ изучала и описывала историю формирования пермских говоров. По комплексной программе Минвуза СССР «Духовная культура Урала» в течение многих лет руководила работой «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте»...

В общем, дел так много, что свободного времени практически не остается. Хотя в случае с Еленой Николаевной работа — это не только профессиональная деятельность, но и самое главное увлечение в жизни. Так бывает, когда работа действительно любима.

Сегодня Елена Николаевна вся «ушла» в написание двух словарей. А работа эта требует большой усидчивости. «Пермский топонимический словарь», в котором исследуется происхождение географических названий Пермь, Кама и других, и «Словарь географических терминов в речи жителей Пермского края» она пишет по грантам Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования. Медлить нельзя — сроки поставлены небольшие. Поэтому в любую свободную минутку она принимается за свои записи.

Словари для Елены Николаевны — один из любимых видов деятельности. Особо ценны для нее «Этимологический словарь славянских языков», «Словарь русских народных говоров» и «Словарь русского языка 11–17 веков». Последний — издание Института русского языка Российской академии наук — еще находится в процессе выпуска в московском издательстве «Наука». Полякова сотрудничала с издателями при подготовке с 7-го по 15-й том, выступая составителем пермской части. Уже вышло 26 томов.

В прошлом году в пермском издательстве «Книжный мир» увидел свет «Словарь пермских фамилий», в котором автор-составитель Полякова рассматривает коренные фамилии Пермского края XVI–XVIII веков. В книге собран огромный научный материал с подробным указанием года и места, в котором та или иная фамилия встречалась, а также информация об ее носителе и этимология (то есть происхождение). В общей сложности в словаре собрано 5,5 тысяч фамилий!

В числе своих любимых книг Елена Николаевна называет уже упомянутую ранее книгу для учащихся «Из истории русских имен и фамилий», вышедшую в московском издательстве «Просвещение» в 1975 году. Работа над ней особо запомнилась тем, что началась с малоприятного казуса.

Когда москвичи заказали Поляковой учебное пособие по ономастике, она решила написать книгу по истории русской ономастики. Приехала в столицу и предоставила издательству пробный лист. На что ей заявили: «Нам не нужна вся ономастика, только антропонимия!» (Это отдельно имена, фамилии, отчества, клички людей.) Оказалось, что, когда давали задание, просто перепутали два понятия. Тут же выяснилось, что издательству запретили выпускать пособия для вузов. И они изменили свой заказ на книжку для школьников.

Елена Николаевна никогда в жизни для детей не писала! Но после уговоров решила попробовать, используя свои вузовские материалы. В результате чего и появилась научно-популярная книга «Из истории русских имён и фамилий».

Пособие было доступно не только специалистам, но и массовой читательской аудитории. Сегодня от 100-тысячного тиража у Елены Николаевны остался один единственный экземпляр. А в этом году одно из пермских издательств высказало намерение выпустить эту книгу на электронном диске.

Дорога для Елены Николаевны и научно-популярная книга «Память языка», которая вышла в Пермском книжном издательстве в 1990 году. Появилась она по авторской инициативе, после того как издательство обратилось к Поляковой с предложением написать интересное пособие о языке для массового читателя. И Елена Николаевна в этой книге рассказала о том, что в языке содержится память о нашей истории, о культуре, о местах, в которых жили наши предки. Язык — это настоящий кладезь знаний об очень многих вещах. Пособие получилось необычным, занимательным, с интересной авторской позицией.

У Елены Николаевны есть удивительная особенность: все книги и словари она всегда писала исключительно в одиночестве. Говорит, что не умеет работать в «колхозе». И дело не в том, что она не доверяет коллегам и студентам. Просто не может допустить материал, который сама не проверила и не «прощупала».

Ее «Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII веков», выходявший в Перми с 1993 по 2001 год, содержит в шести своих выпусках десять тысяч словарных статей! А материалы к нему собраны в картотеке, в которой более ста тысяч карточек! Все до одной собраны и написаны самой Еленой Николаевной.

Как ей это удалось? Полякова всегда вела большую общественную и административную работу: выступала ведущим телевизионных циклов («Страна топонимия» и «Как вас зовут?»), участвовала в передачах на областном радио. Работала заместителем декана и деканом филологического факультета, председателем методической комиссии ПГУ, возглавляла редакцию радиоузла университета, состояла членом ученого совета филологического факультета и ученого совета ПГУ.

С 1973 года работает в качестве члена топонимической комиссии при администрации города Перми. Поэтому по два — три раза в неделю «пропадала» на всевозможных заседаниях, где старалась совместить «приятное с полезным» — параллельно писала картотеку.

Кстати, материалы «Словаря пермских памятников XVI — начала XVIII веков» сейчас довольно широко используются за пределами Прикамья. Так, многие уникальные слова, которых нигде, кроме пермских памятников письменности, нет, включены в «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI — XVII веков», издаваемого под руководством Санкт-Петербургского государственного университета. Например, слово «барма», более известное как расшитое оплечье царского наряда, в Кунгуре означало оплечье женского сарафана. За активное сотрудничество авторская группа составителей пособия прислала Поляковой большое благодарственное письмо.

Елена Николаевна считает, что педагог — это призвание в совокупности с необходимыми способностями. Человек, не заинтересованный этой профессией, не «горящий» ей, не сможет «разбудить» в себе талантливое специалиста и достичь определенных высот. Педагог либо есть в человеке, либо его нет. И никак иначе. С этим, конечно, можно поспорить. Но стоит ли?

Жизнь и профессиональная деятельность Поляковой — наглядное тому подтверждение. На то есть и «вещественные доказательства». Елена Николаевна имеет три диплома лауреата Пермского университета за лучшую научно-исследовательскую работу среди ведущих ученых в области филологических наук (последний был получен в 2005 году). Она награждена медалью «Ветеран труда», знаком Минвуза СССР «За отличные успехи в работе» и знаком «Почетный работник высшего образования России». В 1998 году была удостоена диплома лауреата областной премии им. Л. Е. Кертмана за цикл работ по истории лексики и ономастики пермских памятников письменности и говоров. А в 2000 году ей было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Разве это не талант и не призвание — сберечь для поколений язык, родную речь, вернуть родные забытые имена! Сберечь корни сущности нашей...

Елена Николаевна Полякова.

Родилась 26 мая 1932 года в Саратове.

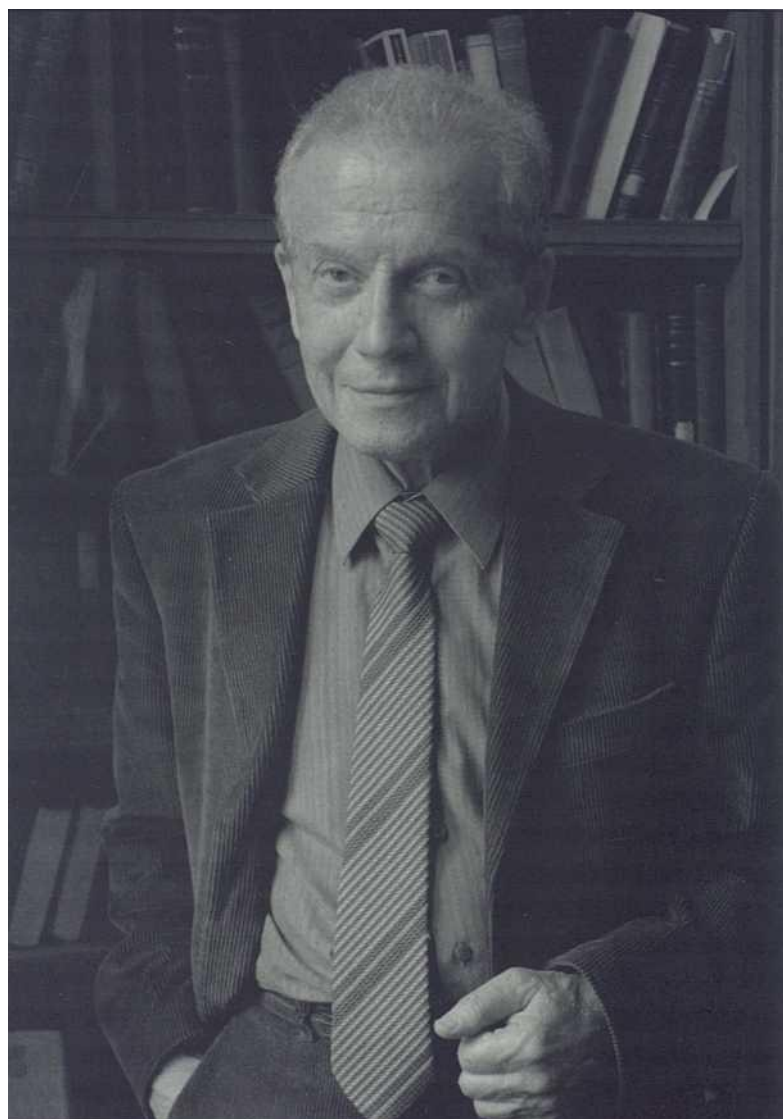
Исследователь в области русской исторической лексикологии, лексикографии и ономастики.

Автор книг по лексике, топонимии и антропонимии пермских памятников письменности XVI–XVIII веков и русских говоров Прикамья.

Профессор Пермского государственного университета, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

VIVANT PROFESSORES!

**ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.
НА ОСТРИЕ МЫСЛИ**

Начиная рассказ о докторе исторических наук, профессоре П. Ю. Рахшмире, скажем сразу: читать его статьи и монографии — дело чрезвычайно увлекательное. Острота мысли и глубина выводов сочетаются здесь с блестящим литературным стилем, который мог бы сделать честь любому беллетристу, а формулировки и полемические выпады всегда точны, изящны и разят наповал — совсем как острие шпаги, которой в студенческие годы отлично владел Павел Рахшмир.

Кандидат в состав сборной команды России по фехтованию, студент ПГУ Рахшмир вполне мог бы в середине 1950-х годов избрать для себя спортивную карьеру. Но любовь к исторической науке оказалась сильнее, и вся дальнейшая судьба Павла строилась не на острие шпаги, а на острие мысли — на том интеллектуальном оружии, которым и сегодня блестяще владеет профессор П. Ю. Рахшмир.

— В Перми, — вспоминает Павел Юхимович, — я оказался во время Великой Отечественной войны в результате эвакуации. В 1941 году путь наш лежал из Киева через Харьков на восток, причем, когда покидали Киев, все были уверены, что война продлится недолго, что через месяц-другой немцы будут изгнаны и мы вернемся обратно. Харьков — Саратов — Энгельс — Свердловск... Таков был наш маршрут, который мы преодолели за два с лишним месяца. Лишь много позже я осознал, как тяжел был этот путь. Но тогда нам, детям (мне и моему другу было всего по шесть лет), все это казалось интересным приключением. Зато потом очень скоро пришлось, как говорится, хлебнуть лиха. Тяжелейшую зиму 1941–1942 годов наша семья прожила в Свердловске. Здесь нам довелось вдосталь познать и холод, и голод — не было ни продуктов питания, ни теплой, одежды, ни другого имущества, поскольку все осталось в Киеве...

А с фронта день ото дня приходили пугающие вести, одна хуже другой. Мы, дети, конечно, всего не понимали, но по лицам взрослых чувствовали — приближается большая беда.

Как знать, может быть, именно эти детские воспоминания о непонятной и страшной угрозе, идущей с запада, подспудно подтолкнули впоследствии Павла Рахшмира всерьез заняться изучением вопроса о том, что же такое фашизм, какова его история, предпосылки возникновения и каким образом он приходит к власти?

После двухлетнего пребывания в Свердловске семья маленького беженца Павлика в декабре 1943-го перебралась в Пермь. Здесь уже жилось получше, хотя тоже было нелегко. Поначалу жили не в самой Перми, а в Закамске, среди соснового бора. И хотя до центра города было далеко, зато здесь можно было дышать целебным воздухом, который оказался для Павлика в буквальном смысле спасительным, поскольку до этого он простудился и заболел плевритом.

Потом семья жила в центре Перми, здесь Павел учился в школе № 21. Из-за болезни он пропустил первый класс, пришел учиться сразу во второй. Но новичка едва не отчислили обратно в первый, поскольку он не был силен в чистописании. «Писал я как курица лапой, — вспоминает Павел Юхимович, — и спасла меня только арифметика, которая давалась мне легко. До сих пор я храню самые светлые воспоминания о 21-й школе, в которой закончил десять классов и где у меня было много друзей».

Интерес к истории пробудился у Павла рано, лет в десять-двенадцать. Этому способствовало чтение, поначалу, конечно, довольно беспорядочное, потому что книг было мало, и читать приходилось то, что попадало под руку. У хозяйки, которая сдавала эвакуированным квартиру, нашелся роман Вальтера Скотта «Квентин Дорвард», потом в руки Павла попал роман «Три мушкетера» Александра Дюма — таково было первое прикосновение к исторической тематике.

— Но вот однажды, — рассказывает профессор, — мне подарили книгу известного российского историка Николая Костомарова, я прочел ее уже более осознанно, причем множество раз. Знаний, почерпнутых из нее, мне хватило надолго. Потом, после многократного прочтения известной книги Тарле, меня увлекла фигура Наполеона. А потом уже я, как говорится, с головой окунулся в прошлое, прочитав не совсем понятную в силу моего возраста, но очень меня увлекшую «Историю XIX века» в восьми томах.

Окончив в 1953 году школу с серебряной медалью, Павел решил поступать на историко-филологический факультет Пермского университета. Правда, в то время ему, семнадцатилетнему, более важным делом казалась не учеба в вузе, а спорт — Павел занимался в секции фехтования и как раз должен был ехать на очередные соревнования. Придя подавать документы, он обнаружил, что на филфаке открывается историческое отделение, и отдал документы туда. И в дальнейшем ему постоянно приходилось совмещать учебу и спорт, причем порой бывало так, что спорт выходил на первое место, а учеба отодвигалась на второй план.

Дело в том, что спортивная карьера Павла складывалась весьма удачно, и делить время между исторической наукой и фехтованием, между учебой и спортом было все труднее. Тем более что и наука увлекала Павла все больше.

Этому, конечно, способствовал первый наставник Павла, его Учитель (именно с большой буквы) Василий Федорович Глушков. учёный еще с дореволюционным стажем, знаток античности, приват-доцент В. Ф. Глушков был одним из основателей Пермского университета.

Интересно, что в свое время он начал так же, как В. И. Ульянов-Ленин: окончил в Симбирске ту же гимназию, а затем — юридический факультет Казанского университета. Правда, больше его ничто с вождем мирового пролетариата не объединяло. Более того, по отношению к советской власти Василий Федорович всегда оставался оппозиционером, и этим очень походил на профессора Преображенского из повести «Собачье сердце» М. Булгакова.

Как и тот, профессор Глушков был настроен весьма критично и порой не боялся довольно язвительно комментировать происходящие события.

В силу таких умонастроений читать курс истории Глушкову не доверяли, и он преподавал студентам ПГУ латинский язык. Но что это были за лекции! По словам П. Ю. Рахшмира, занятия латынью были для него настоящим праздником, они доставляли огромное удовольствие. Ведь если для кого-то латынь и является мертвым языком, но только не для историка. Это многократно демонстрировал на своих лекциях В. Ф. Глушков. Так, приводя какое-нибудь крылатое выражение по-латыни, профессор комментировал его на все более далеких исторических примерах, открывал различные параллели и оттенки смысла, чем, конечно, увлекал студентов. Так что в скором времени, несмотря на разницу в возрасте, между студентом Павлом Рахшмиром и В. Ф. Глушковым завязалась настоящая дружба, которая продолжалась много лет, вплоть до самой смерти профессора.

Своими учителями П. Ю. Рахшмир считает также Владимира Антоновича Оборина и Отто Николаевича Бадера. Под руководством Оборина студент Павел Рахшмир занимался историей заселения Урала русскими переселенцами, историей Соликамска, Чердыни и знаменитого Пыскорского монастыря.

Немалую роль сыграло и недолгое, но весьма значимое наставничество Бадера. Профессор Бадер, происходивший из поволжских немцев, в начале войны вместе со многими своими соотечественникам был депортирован на Урал. В Пермском университете к нему отнеслись с пониманием, и здесь он очень продуктивно проработал до 1956 года, сделав ряд ярких научных открытий. Бадер тоже возлагал на Павла Рахшмира определенные надежды, между ними сложились достаточно теплые отношения как учителя и ученика, но тут опять помешал спорт.

На то же время, когда Бадер пригласил Павла в академическую экспедицию, пришел вызов на спортивные сборы. Впереди маячила перспектива выступать за сборную команду России, и Павел не смог этим пренебречь.

Ученичество у Бадера, к сожалению, на этом закончилось...

Следующим учителем был Лев Ефимович Кертман.

— С ним были связаны и мои студенческие годы, и вся дальнейшая научная и преподавательская деятельность вплоть до самой кончины Льва Ефимовича, когда мне пришлось занять его место, — продолжает воспоминания П. Ю. Рахшмир. — И у этого моего наставника была весьма драматичная судьба. В 1949 году, когда в стране по указанию Сталина была развернута широчайшая пропагандистская кампания «по борьбе с космополитизмом», профессор Кертман был изгнан из Киевского университета с ярлыком «прихвостня космополитов». Это, конечно, наложило отпечаток не только на его человеческую судьбу, но и на жизнь в науке. учёный широчайшего диапазона, с явной тягой к культурологической проблематике, Лев Ефимович занимался проблемами рабочего движения, что меня не очень привлекало. Кстати, надо отдать должное Льву Ефимовичу и за то, что он сколько-нибудь серьезно не «давил» на меня, предоставляя определенную свободу выбора. Я был, пожалуй, единственным учеником Кертмана, который при подготовке диссертации не следовал в русле научных интересов своего руководителя и шел своим путем.

Свой путь сложился у выпускника ПГУ Павла Рахшмира и в реализации научной карьеры. Он, например, никогда не был аспирантом. Так получилось, что историческое отделение филологического факультета, которое он закончил в 1958 году, оказалось неучтенным в министерской разрядке, и работу выпускникам пришлось искать самим. Павлу, например, довелось даже некоторое время работать... тренером по фехтованию. Вот так, опять же одновременно «пером и шпагой», он зарабатывал на хлеб и делал свои первые шаги в науке. Правда, уже на следующий год он вернулся в университет в качестве преподавателя — начал читать на экономическом факультете курс лекций по истории народного хозяйства зарубежных стран.

Этот курс преподаватель, потом старший преподаватель, потом доцент П. Ю. Рахшмир читал более десяти лет — до начала 1970-х. Но самым обширным, самым любимым и самым долгодолжителем стал для Павла Юхимовича курс «История стран Запада новейшего времени», который он преподает вот уже более сорока лет.

Сделав однажды выбор в пользу XX века, в дальнейшем Павел Рахшмир как историк-исследователь сосредоточился именно на нем. Темой его кандидатской диссертации стала история антифашистского сопротивления и антигитлеровской оппозиции в Германии 1930- 1940-х годов — тема, безусловно, интересная и вместе с тем чрезвычайно трудная. Ведь новейшая история — это, по определению, те события, что отошли в прошлое совсем недавно, каких-нибудь двадцать-тридцать лет назад. Они еще не покрылись, образно говоря, «пылью времен», не застыли в вечности и продолжают пополняться вновь открывающимися фактами. В этом — их особая привлекательность для исследователя, но в этом же кроется для него немалый риск.

Так, историк антифашистского движения непременно должен был вникать не только в дела тех немногих немцев, которые противостояли фашизму внутри Германии, но и в тайные операции разведок. В 1964 году соискатель ученой степени Павел Рахшмир с особым интересом читал, например, увлекательнейшие материалы о деятельности советского разведчика Рихарда Зорге и очень сожалел, что в диссертации на эти материалы сослаться нельзя — в широком обращении их не было, они находились в спецхранилищах и никому, кроме узкого круга специалистов, не выдавались.

Какова же была досада молодого диссертанта, когда в мае 1964 года, едва ли не на следующий день после его защиты сенсационные документы о деятельности Зорге, которые могли бы значительно дополнить и украсить диссертацию, были рассекречены и поступили в общедоступный фонд! Что ж, такова специфика новейшей истории — времени, события которого еще недавно именовались словом «вчера». Занятия ею порой напоминают хождение по лезвию бритвы.

Такой же, если не больший, риск сопутствовал и при написании ряда работ, посвященных новейшей истории. Первой книгой такого рода была коллективная монография «История фашизма в Западной Европе» (М.: Наука, 1977). Она была подготовлена Институтом всеобщей истории в Москве при активном участии П. Ю. Рахшмира. К тому времени он уже защитил докторскую диссертацию на тему «Буржуазная историография западноевропейского фашизма» и стал признанным авторитетом в изучении такого исторического явления, как фашизм. Вот и в коллективной монографии «История фашизма в Западной Европе», имеющей 13 авторов и объем в тридцать восемь печатных листов, пятая часть книги принадлежит пермскому ученому.

А первой собственной книгой профессора стала монография «Происхождение фашизма» (М.: Наука, 1981). Спрос на нее был огромен. Когда издательство объявило о скором выходе книги в свет, на нее поступило 210 тысяч заявок со всех концов страны. Правда, фактический тираж книги составил только 40 тысяч, поскольку тема считалась тогда слишком одиозной. Книга вызвала интерес за рубежом и была переведена на немецкий язык.

Следующая монография, которую П. Ю. Рахшмир написал в соавторстве с Л. Е. Кертманом, была посвящена очень интересному и своеобразному периоду истории — так называемой «прекрасной эпохе» 1900–1914 годов.

— Эту эпоху, — говорит Павел Юхимович, — многие ее современники, особенно из привилегированных слоев общества, воспринимали как благодатное и счастливое время. Знаменитый писатель Стефан Цвейг, например, говорил, что «это был золотой век уверенности». Уинстон Черчилль восклицал: «Да, это был закат старого мира, но какой прекрасный закат!» А некоторые вспоминали слова Талейрана: «Кто не жил во Франции до 1789 года, тот не знает прелестей жизни!» Современники «прекрасной эпохи», перефразировав сказанное Талейраном, говорили: «Кто не жил в Европе до 1914 года, тот не знает прелестей жизни!»

Кстати, дух той эпохи хорошо передан в знаменитом фильме «Титаник». Судьба чудо-корабля стала предвестником конца эпохи. Данный период действительно стал своего рода прелюдией к многочисленным потрясениям и катастрофам XX века с его войнами и революциями. Анализу основных особенностей «прекрасной эпохи» и была посвящена книга. В ней, в частности, исследовалось такое историческое явление, которое я назвал «буржуазно-аристократическим синтезом». Если коротко, то суть его заключалась в том, что буржуазия и аристократия все больше смыкались и соединялись, образуя в обществе единый правящий класс. Это послужило основой для консенсуса между либеральными и консервативными политическими силами. Данный процесс имел колоссальное значение. Там, где он застопорился (Германия, Австро-Венгерская, Российская империи), к власти пришли правые и левые радикалы. В целом, сравнительно небольшая книга получилась довольно насыщенной и по охвату материала, и по обилию сюжетов, новизне интерпретаций, казалось бы, хорошо изученной проблематики. Она была выпущена в 1984 году издательством «Высшая школа» и была рекомендована в качестве учебного пособия для студентов вузов.

Еще одной монографией профессора П. Ю. Рахшмира, также написанной в соавторстве (на сей раз с А. А. Галкиным), является книга «Консерватизм в прошлом и настоящем», выпущенная издательством «Наука» в 1987 году. Это — первая в российской историографии работа, в которой консерватизм рассматривается как сложное идейно-политическое явление от его истоков до момента написания книги. При этом идеи и политика на ее страницах часто предстают в живом и персонифицированном виде.

— Монография о консерватизме, — рассказывает Павел Юхимович, — была в некотором смысле подведением первых итогов исследований по данной теме и одновременно отправным пунктом для многих последующих работ. Она была написана совместно с человеком, которого я также считаю одним из своих учителей.

Александр Абрамович Галкин — это очень крупная фигура в российской социологии и политологии. Одним из многих уникальных достоинств этого ученого является то, что мысль его от природы социологична, вследствие чего рассматриваемые им факты всегда приобретают глубокую концептуальную интерпретацию. Думаю, что нам удалось написать неплохую книгу. И хотя она, конечно, несет на себе определенную печать времени (1987-й год — это лишь начало перестройки, в силе тогда оставались еще очень многие принятые ранее «правила игры»), это был прорыв в тему, которая теперь занимает видное место в отечественной историографии. Кроме того, эта книга о консерватизме в известной мере восстанавливала связь времен. Дело в том, что когда-то студент-историк третьего курса Киевского университета Лев Кертман был удостоен премии за работу об Эдмунде Берке — «отце-основателе» англосаксонского, да и, пожалуй, всего западноевропейского консерватизма. Именно он был одним из главных персонажей нашей с Александром Абрамовичем книги. Лев Ефимович еще успел ее увидеть, она появилась незадолго до его кончины. Он ушел из жизни на пике творческих возможностей. Осталось много нереализованных им идей и замыслов, некоторые из них предполагали нашу совместную работу.

Книга «Консерватизм в прошлом и настоящем» положила начало целой серии статей. В них были представлены наиболее яркие консервативные деятели Запада, имена которых вошли в историю XX века. Уинстон Черчилль, Рональд Рейган, Маргарет Тэтчер, Джордж Буш-старший и Джордж Буш-младший — таковы лишь некоторые, самые известные герои последующих работ профессора П. Ю. Рахшмира. Все они включены в его книгу, названную «Вариации на тему консерватизма» и изданную в 2004 году в престижной серии «Избранные труды ведущих учёных Западного Урала».

Жанр политического портрета, в котором написаны эти статьи, очень непрост, поскольку требует от автора соединения строго научного содержания с яркой и живой публицистичностью формы.

Павлу Рахшмиру это в полной мере удастся. «Впереди только Шекспир» — так, например, он назвал политический портрет Уинстона Черчилля. И дело не только в том, что сами англичане в ходе социологического опроса поставили Черчилля на второе место в ряду главных национальных героев за последнюю тысячу лет. Под пером Павла Рахшмира британский премьер-министр, действительно, предстает могучей фигурой: «Уинстон Черчилль был плодом высокой британской политической культуры... Если воспользоваться театральной терминологией, ампула Черчилля — героико-драматические роли. В будничной рутине он чувствовал себя неуютно. Он был создан для критических ситуаций, требующих мужества, воли, способности держать удары, брать ответственность на себя... Интересы Британской империи он отстаивал с упорством и цепкостью бульдога».

Столь же ярко и убедительно нарисован политический портрет президента США Рональда Рейгана. «Президент-актер, сыгравший в 53 голливудских фильмах, кругозор которого не шире полей его ковбойской шляпы», — так весьма едко говорилось о нем в советской печати. К этим идеологическим клише, как правило, добавлялись сарказм типа «рейганомики» и «звездных войн», которыми обозначались внутриэкономические и международные проекты Рейгана. Но, будучи настоящим учёным, Павел Рахшмир смотрит на фигуру 40-го президента США не через штампы и схемы. Он ищет истину. Как и всякого политического деятеля, он оценивает Рейгана, глядя на него сквозь призму реальных фактов.

«Рейганомика?» Но вот факт: «К концу 1982 года «рейганомика» заработала. Довольно заметно стала снижаться инфляция, поползли вверх показатели экономического роста и занятости». Стратегия «звездных войн»? Еще один факт: «Хотя противники Рейгана иронически называли эти планы «звездными войнами», не считаться с ними было нельзя. СССР был втянут в непосильную для его слабой экономики гонку вооружений, что и явилось едва ли не главной причиной крушения советского государства».

При всем том Павел Рахшмир не идеализирует своего героя. «Конечно, — пишет он, — президент Рейган не отличался интеллектуальностью. Он частенько попадал впросак из-за недостаточных познаний в истории, экономике, международных отношениях. Из его ошибок и оговорок составлена целая книга. Поэтому Рейган был и остается мишенью для либеральных и радикальных интеллектуалов. Что же касается большинства простых американцев, они охотно прощали ему многочисленные проколы, тем более что президент сам мог посмеяться над собственными промахами. Его верным союзником всегда был здравый смысл».

По другую сторону океана верной соратницей Рональда Рейгана неизменно была премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. Дочь бакалейщика из маленького городка, она сыграла такую выдающуюся роль в европейской истории XX века, что ее политический портрет Павел Рахшмир весьма сильно и точно назвал так: «Жанна д'Арк из Грантема». «Социальная политика Маргарет Тэтчер, — пишет историк, — была враждебна иждивенческим тенденциям, зато поощряла тех, кто уповал на собственные силы... «Тэтчеризм» представлял собой консерватизм нового типа. Такому консерватизму свойственно поднимать на щит национальные ценности, чувство патриотизма. При Маргарет Тэтчер существенно возрос международный престиж Великобритании. Последовательная дипломатия, «особые отношения» с Рональдом Рейганом и Михаилом Горбачевым превратили ее в одну из ведущих фигур мировой политики».

Историко-биографический подход положен также в основу учебного пособия П. Ю. Рахшмира «Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века» (Пермь, 2002), получившего гриф УМО Министерства образования Российской Федерации. Студентам — историкам, политологам, социологам, юристам — легче постигать содержание учений, теорий, идей в контексте судеб их творцов. Именно историко-биографический анализ позволяет раскрыть, как бьется пульс политической мысли.

Персонажами книги являются такие корифеи, как М. Вебер, Г. Моска, В. Парето, Й. Шумпетер и др. К ней проявили интерес многие российские вузы.

Политологическая линия в исследовательской работе Павла Рахшмира получила развитие в учебном пособии «Политический процесс и эволюция политических институтов в XX веке». Книга написана коллективом авторов и издана в Перми в 2005 году. В ней профессором П. Ю. Рахшмиром написаны главы, в которых рассматриваются драматические повороты политической жизни прошлого века с выходом в начало текущего столетия. В книге особенно подчеркивается, что для политического процесса требуется хорошо взрыхленная конституционно-правовая почва, определенный уровень политической культуры. Современный политический процесс обязательно предполагает альтернативность, предпосылкой которой служит равноправная конкуренция общественно-политических сил.

В этом, казалось бы, сугубо теоретическом исследовании ощущается живой ритм истории, вырисовывается роль ее главных действующих лиц, слышны их голоса, порой весьма выразительные. Характерны, например, приводимые Павлом Рахшмиром слова М. Тэтчер, бросающие свет на причины крутого сдвига в политическом процессе последних десятилетий XX века: «Рейган, — говорила в декабре 1997 года М. Тэтчер, — бросил вызов всему тому, что либеральная политическая элита Америки принимала и стремилась пропагандировать. Ее представители полагали, что Америка обречена на упадок... Он, наоборот, считал, что именно социализм обречен на явный провал и будет выброшен на мусорную свалку истории».

И далее Павел Рахшмир делает, может быть, неожиданный, но вполне оправданный и глубокий вывод: «В результате развала СССР и падения социализма в Восточной и Центральной Европе мир изменился сильнее, чем в итоге мировых войн. Рухнул биполярный миропорядок... До тех пор страны «второго», социалистического мира были важным фактором, влиявшим на политический процесс в «первом мире».

Теперь бывшие социалистические страны сами превращаются в поле для становления политического процесса. Вообще, разделение между мирами теряет прежнюю жесткость, что явно стимулирует глобализацию».

Самым значительным произведением профессора П. Ю. Рахшмира в историко-биографическом жанре, несомненно, является монография «Князь Меттерних: человек и политик» (Пермь, 2005). Следует обратить внимание на порядок слов после двоеточия. Дело тут не в беллетризации истории, а в стремлении показать влияние «человеческого фактора» в историческом процессе, в принятии судьбоносных решений. Эта книга — дальнейшее развитие творческого принципа, который историк избрал для себя.

Если в жанре политического портрета Павел Рахшмир дает живую совокупность основных черт и взглядов того или иного деятеля, то в жанре документального политического романа он прослеживает, как разворачивалась эволюция данного исторического персонажа, как складывались и каким изменениям подвергались его мировоззрение и поведение на том личном отрезке времени, который принято называть судьбой. Это придает трудам профессора новые преимущества, о которых в предисловии издательского дома «Коммерсантъ» в Перми», выпустившего книгу, говорится так: «При всей своей академичности работы П. Ю. Рахшмира написаны живым языком и легко могут быть восприняты даже не специалистами в области исторической или политической науки. Автор, по его собственному определению, использует историко-биографический подход. Любой открывший книгу Павла Рахшмира имеет возможность не просто получить информацию, но, по сути, погрузиться в историческую среду, словно становясь свидетелем жизненных перипетий деятелей прошлого... В конечном счете, как считает профессор Рахшмир, историко-биографический подход помогает проникнуть в глубинные индивидуально-психологические пласты бесконечного мира политической мысли».

Вот и в обрисовке князя Меттерниха автор книги удачно применяет именно этот метод. Книга о государственном канцлере Австрийской империи, знаменитом «кучере Европы» не случайно имеет подзаголовок «Человек и политик». С первых страниц монографии ее главный герой — Клеменс Венцель Лотар Меттерних — предстает перед читателем во всей полноте своих качеств: как политический деятель и светский человек, как искусный интриган и изощренный ловелас, как убежденный консерватор и поклонник изящных искусств, как дипломат и плебей начала XIX века. «С детства он привык ощущать себя красавчиком, — пишет историк, — у него рано формируются задатки будущего салонного льва. Клеменс блестяще владел искусством нравиться, умел очаровывать... Он умел наслаждаться большими и малыми радостями жизни, почестями, роскошью, любовью многих женщин, музыкой, произведениями искусств, интересной беседой...»

Чем же интересен нам Меттерних сегодня, в начале XXI века? Проследив на протяжении сотен страниц человеческую и политическую судьбу этого исторического деятеля, Павел Рахшмир приходит к ряду выводов: «Структурно современная Европа, все более обретающая федеративные черты, может быть соотнесена с меттерниховской моделью... Об австрийском канцлере и о Габсбургской империи стали все чаще вспоминать в связи с потрясениями последних лет на Балканах. Причем в одной связке с Меттернихом обычно фигурирует самый авторитетный его интерпретатор и в известной мере поклонник Генри Киссинджер... В наши дни оказался востребованным, пожалуй, важнейший элемент меттерниховского наследия — его концепция европейского порядка, воплощенная в идее «европейского концерта держав», или пентархии...»

По словам историка, в свое время Киссинджер считал, что процесс разрядки международной напряженности должен держаться на «пяти китах»: США, Россия, Европа, Япония, Китай. В германской консервативной газете «Die Welt» пентархия выглядит следующим образом: «Америка, Европа, Россия, Китай и Индия будут следить за тем, чтобы никто из них не достиг господства.

Они будут сдерживать кризисы и войны, насколько это будет возможно, чтобы сохранить статус-кво».

«Итак, рецепт Меттерниха остается в силе», — делает вывод автор.

Профессор, доктор исторических наук, руководитель центра исследований по консерватизму при ПГУ Павел Юхимович Рахшмир — ведущий преподаватель историко-политологического факультета, автор более 150 научных публикаций.

О последней по времени книге ученого и о значении его научно-педагогической деятельности хорошо сказано в издательском предисловии: «Выход в свет книги, выполненной на высоком профессиональном уровне, это всегда событие.

В данном случае — событие, выходящее за рамки одного региона и даже одной страны. В этом смысле «Князь Меттерних» может быть оценен как своеобразная презентация интеллектуального потенциала Пермского края, подтверждение его статуса как научного и культурного центра».

VIVANT PROFESSORES!

**ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.
ПОТОМОК ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ**

В августе профессор Георгий Николаевич Чагин поехал в Институт этнологии в Москву и заодно отвезти внучку-первоклассницу родителям. В поезде семилетняя Маша принялась учить деда английскому алфавиту. Он сидел, с ласковой улыбкой слушал щебетанье внучки и с горечью думал: «А каким я был в ее возрасте! Что знал?! И все-то у меня поздно: в школу пошел восьми с половиной лет, в тринадцать еще читал по слогам. И только в тридцать начал писать диссертацию...»

Он родился в глухой тайге на хуторе Бани, на берегу самого северного в Пермском крае Чусовского озера. Кроме рыбацкой артели, в которой работал отец, там ничего не было. За избами стояли непроходимые леса, где можно заблудиться и никогда не выйти к людям. Зимой холодный, колючий ветер надувал огромные сугробы, мороз сковывал озеро, жизнь замирала на долгие месяцы. Летом налетали тучи комаров, и только родившимся здесь все было нипочем, другого мира они не знали, а к этому приспособились.

Георгий был десятым, последним ребенком в семье. Из первых сознательных лет запомнились ему, как самое интересное, рассказы родителей о своей жизни. Отец, Николай Иванович, знал, кроме того, много легенд и преданий и, что удивительно, держал в памяти все сведения о местности, в которой жил: какой протяженности реки, дороги, расстояния от села до села... Георгий Николаевич что бы ни проверял потом — ни одной погрешности! Мать, Мария Прокопьевна, и разговаривала-то, можно сказать, пословицами и поговорками, пела старинные песни, помнила многие обряды. Она прожила 85 лет, в последний свой день (это было у младшего сына в городской квартире) она поднялась с постели, присела к столу...

Жена позвала Георгия Николаевича, и они почти не дыша стояли у приоткрытой двери и слушали: мать пела!

Отец рассказывал, что крепкое семейство деда Чагина жило в деревне Фадино, в тридцати километрах от Чусовского озера. В коллективизацию деда раскулачили и вместе с семьей младшего сына выслали из деревни. Много позже ученый внук найдет в областном архиве поразительный документ — список вещей, конфискованных при раскулачивании его родных: здесь было перечислено все, вплоть до мелочей, даже печная заслонка и женские нижние юбки. «Это же надо, какой учет!» — удивлялся профессор.

В семье родителей сохранялась внутренняя тяга к православию. Совсем маленьким Георгия крестили, но, как говорится, «не под куполами» — в речке. Потом, в девятилетнем возрасте, когда переехали в Ныроб, крестили второй раз — уже в церкви со священником. Мать брала младшенького сына на моления. Он рос среди людей, почитавших могилы предков, храмы, часовни. В преданьях, которые он слышал, были отзвуки местной истории. В них говорилось о сражениях за Пермь Великую Чердынь, о первых святителях, принесших на эту землю христианство, о древних путях в Сибирь. Так с малолетства он приобщался к прошлому, привыкал думать о нем.

В Ныробской школе, куда он поступил, на уроках, через чтение литературы открывался более широкий мир, но, что особенно ценно, еще ближе стало соприкосновение с живой историей.

В самом начале XVIII века (1705 г.) была построена в Ныробе церковь необыкновенной красоты — Никольская. Георгий знал легенду о ней: будто возводили ее строители не на глазах жителей, а глубокими ночами. И на свет она явилась враз, как только поставили главы и кресты. Хотя застал он ее давно не действующей и не ухоженной, но не любоваться ею, не рассматривать украшения наружных стен, выложенных резными кирпичами, не дивиться особенному, лемеховому, строению куполов было невозможно.

Но он не только любовался. Какое-то время храм пустовал, пока там не разместили почту, так вот Георгий с ребятами забирался чуть ли не под самые своды, чтобы прочесть слова над старинной росписью. И читал, и записывал: «Начато сие стенное письмо в 1722 г., а совершился в 1725 г. Писал второй степени живописец Михаил Казаринов». Впоследствии именно Г. Н. Чагин смог исправить неточности, допущенные реставраторами церкви (со временем прочесть надпись становилось все труднее), и сохранить таким образом для потомков подлинное имя народного мастера. А спустя годы Георгий Николаевич напишет книгу «На древней пермской земле» (она выйдет в 1988 году в московском издательстве «Искусство» в серии «Дороги к прекрасному»). В ней, в частности, он даст не только научное, но и поэтическое, восторженное описание Никольского храма, назовет его настоящим шедевром уральского зодчества.

В школьные годы он узнал также, что сюда, в деревню Ныробку, в 1601 году был сослан Борисом Годуновым дядя первого царя из династии Романовых — Михаил Никитич. В селе Корепино в 1909-1911 годах, оказывается, жил секретарь Л. Н. Толстого Н. Н. Гусев, и здесь же, в Чердынском уезде, отбывали ссылку другие известные люди. Юного историка интересовали подробности: как они жили, чем занимались, как относились к ним местные жители, что они сами думали о здешних местах. Он искал книги, читал все, что удавалось тогда найти. И постепенно выделась связь между местной историей и историей большой, судьбой всей России. Те юношеские интересы по прошествии лет не забылись. Они привели его однажды в музей Л. Н. Толстого в Москве. И не так давно, в 1999 году, доктор исторических наук Г. Н. Чагин опубликовал в «Вестнике Пермского университета» статью «Мир русской провинции в письмах Н. Н. Гусева к Л. Н. Толстому». На совершенно новом, научном уровне осмысливает профессор то, о чем впервые задумывался на школьной скамье.

Георгий Николаевич с благодарностью вспоминает краеведческие походы по живописным окрестностям Ныроба. Старинные книги, предметы быта, изделия народных мастеров, письма героев становились экспонатами школьного музея. Музей этот, свидетельствую как очевидец, был настоящим уголком сокровищ. Мало того, он был организован по всем тогдашним правилам настоящего музейного хозяйства: здесь имелись различные отделы, велся тщательный учет поступлений — в толстой амбарной книге. Старшеклассник Георгий Чагин часами «пропадал» в музее, оставаясь после уроков: он был тут и директором, и самым вдохновенным экскурсоводом.

Краеведческие походы, где его обычно ставили замыкающим, ответственным за товарищей, создание музея и работа в нем — это была еще одна школа, которую в ученические годы прошел будущий историк. К этому надо добавить, что в Ныробе ему везло на интересные знакомства, там и в советское время иногда оседали бывшие ссыльные из больших городов. Так, в семье Екатерины Евгеньевны и Игоря Михайловича Золотовых он впервые научился пользоваться фотоаппаратом, познакомился с самодеятельной киносъемкой.

Однако в 1962 году школа была окончена, предстояло начинать путь, хотя и пугающий своей неизведанностью, но давно и бесповоротно избранный: Георгий Чагин подал документы на исторический факультет Пермского государственного университета.

Надо сказать, что в их большой семье еще никого не было с высшим образованием. В Ныробе за него «болели» не только учителя и родные. Вспоминается, как сдал он вступительные экзамены, вернулся домой и с нетерпением ждал результата. И как в один прекрасный день женщина-почтальон еще издали помахала ему конвертом: «Есть!» — И приказала: «Ну-ка, распечатывай! Чего там?». В волнении открыл он письмо: «Зачислен!»

Города поначалу он боялся. Но довольно быстро сориентировался, оброс новыми знакомыми, прежде всего, конечно, в университете и общежитии, а еще — в областном краеведческом музее. Директор музея Людмила Григорьевна Дворсон к тому времени уже слышала о талантливом школьнике-краеведе из Ныроба. При первой же встрече 5 сентября 1962 года она предложила Георгию штатную должность экскурсовода, и он все годы учебы успешно справлялся и с университетскими занятиями, и с работой в музее, где, по его словам, прошел второй университет. С тех пор вот уже более сорока лет его деловые и дружеские связи с музеем никогда не прекращались. Недаром именно преподаватель университета Г. Н. Чагин с 1989 года бессменно возглавляет ученый совет Пермского областного краеведческого музея.

Из всего, что давал тогда студентам исторический факультет, Георгий особо выделял для себя самое интересное и нужное. Его, как, впрочем, многих, увлекла история искусств, которую читал директор художественной галереи Киселев. Активно работал археологический отряд под руководством сотрудника областного музея Владимира Петровича Денисова. Чагин присоединился к нему. Так вышло, что в следующие экспедиции Владимир Петрович решил отправиться на север нашей области, в те места, которые хорошо знал новый студент. Именно тогда Георгий смог обследовать берег Чусовского озера, где стоял дом, в котором он родился. Что же показали раскопки? По найденным на берегу многочисленным осколкам керамики, по железным наконечникам стрел, по железным скобам для лодок археологи определили, что дом Чагиных стоял на месте древнего поселения эпохи бронзы, а это — второе тысячелетие до новой эры! Таким было первое его археологическое открытие.

Напитываясь в течение учебного года теоретическими знаниями, Георгий в каникулы непременно отправлялся в экспедиции, если не с археологами, то с другими музейщиками; из брошенных деревень везли они предметы утвари, охлупни с крыш, фрагменты резьбы по дереву, рукописные книги, зарисовывали или фотографировали крестьянские усадьбы.

Так музеи (не только областной) пополнялись новыми экспонатами, сохранялись для потомков вещественные свидетельства жизни наших предков. Вот и случилось, что на старших курсах Чагин увлекся этнографией, то есть наукой о материальной и духовной культуре народов.

Этому увлечению в немалой степени способствовала интересная работа секции топонимики при Пермском отделении Географического общества СССР. Руководил ею Ю. Г. Вылежнев, а участвовали в работе и В. А. Оборин, и А. С. Кривощекова-Гантман, и С. Ф. Николаев, и Е. Н. Полякова. Сколько всего они знали! Студент Г. Чагин и себе положил за правило, где бы ни был, записывать названия населенных пунктов, рек, озер, скал — любой местности — и доискиваться сведений об их происхождении. Теперь уже можно подвести итог: за сорок лет им лично записано восемь с половиной тысяч географических названий! Его увлечение определило тогда и тему дипломной работы: «Пермь Великая в топонимических доказательствах». В прошлом году профессор Г. Н. Чагин извлек на свет тот давний студенческий труд, перечитал и понял, что при определенной доработке он может быть полезен и сейчас. Автор значительно расширил и углубил его положения, подняв их до современного научного уровня и счел возможным опубликовать работу отдельной книгой.

К тому времени, когда в 1967 году Георгий Чагин окончил университет, он уже многие годы был связан взаимными интересами с Чердынским краеведческим музеем. «Надеюсь на тебя, как на Полюд-гору», — писал ему в одном из писем предыдущий директор, неутомимый краевед и собиратель старины Илья Алексеевич Лунегов. Теперь Чагин, молодой специалист, полный энергии и преобразовательных идей, получил назначение на это место.

Однако далеко не просто начинался в его жизни чердынский период, ставший одним из плодотворных и памятных.

Многое в музее надо было менять, перестраивать в соответствии с наукой, с современностью. И приходилось вольно или невольно вступать в противоречия с теми, кто отдал музею годы, кому дорого было, хотя и устаревшее, кустарное, но свое, родное.

Может быть, уверенность в своей правоте, может быть, твердый, но добрый характер, умение ладить с людьми помогли ему тогда. Только Г. Н. Чагин, приступивший к работе в 23-летнем возрасте, довольно скоро был признан настоящим директором, а по прошествии времени чердынцы стали гордиться им, его знаниями, его подвижничеством, наградив званием «Почетный гражданин города Чердынь».

Так уж сложилась история, что богатейшее собрание уникальных предметов различных эпох — краеведческий музей имени А. С. Пушкина, основанный в столетний юбилей великого поэта, в 1899 году, — был и остается главной достопримечательностью древнего города на севере Пермского края. И во время директорства Г. Н. Чагина (1967–1974) это его значение значительно возросло. Фонды музея продолжали пополняться новыми экспонатами и коллекциями благодаря экспедициям, походам и просто встречам с хранителями старины, каких немало жило в северных деревнях и поселках. Директор сам мог организовать и возглавить экспедицию, в которой участвовали приезжие ученые и студенты или школьники, а порой мог один часами слушать и записывать рассказы и песни, скажем, бабушки Манефы, следуя за ней буквально по пятам.

Росло в те годы число туристов из Красновишерска, Соликамска, Березников, Усолья, Александровска, Перми. Особенно горячая пора у сотрудников музея наступала летом, во время каникул и отпусков. В самой Чердыни насчитывалось семь тысяч жителей, а в музей приходило чуть не втрое больше. Только экскурсий проводилось за год более трехсот.

Благодаря молодому, чрезвычайно энергичному, а главное, компетентному директору музея, Чердынь стала притягательной для культурных сил не только Перми, Урала, прилежащих территорий, но и столиц.

Чагин разыскивал и находил, иногда почти на краю света, земляков, которые могли быть полезны музею для воссоздания истории родных мест. Он принимал в музее ученых-путешественников из Ленинграда, Москвы, Свердловска. Сам водил туристов на Полюд, в Дивью пещеру, в верховья Колвы. Вел огромную переписку, заинтересовывая историей Перми Великой все новых и новых энтузиастов.

Но иногда зимой, когда замерзали реки и поток туристов почти прекращался, когда утренние сумерки незаметно переходили в вечерние и Чердынь словно засыпала под вой вьюги, молодого директора охватывало чувство одиночества и оторванности от своего времени. Ведь лет ему было совсем немного, и он очень нуждался в общении, понимании, в друге, в близком человеке. И он писал письма знакомым в Пермь, стараясь за юмором скрыть тоскливые мысли. «Я живу, — писал он, — в XIX веке. Дом, где я снимаю комнату, построен в XIX веке. Мои хозяева, дедушка и бабушка, родились в XIX веке. Утром я иду на работу мимо домов, построенных в XIX веке. Прохожу мимо часовни и склепа с захоронениями купцов Алиных — XIX век. Подхожу к зданию музея — тот же XIX век...»

Но однажды в конце лета в Пермь полетело письмо совсем иного тона. Чагин сообщал, что к ним в город по направлению приехали сразу три молодых врача — парень и две девушки и что у него теперь есть друзья, с которыми он проводит свободное время. Он познакомил их с историей города, музеем и окрестностями. Они уже побывали в Дивьей пещере и на Вишере.

Прошло еще какое-то время, и пермские знакомые узнали, что молодых врачей прислали в Чердынь не случайно, а на счастье Чагина. Его избранницей стала девушка по имени Люда, а точнее, хирург районной больницы Людмила Кирилловна Юрова.

С тех пор минули десятилетия. Все, кто знаком с семьей Георгия Николаевича, единодушны во мнении: с женой ему повезло — умная, скромная, с неторопливой речью, добрая, а к тому же не боится работы и умеет слушать!

Последнее качество особенно ценно: ведь Георгий Николаевич каждый раз, вернувшись из очередной поездки, с удовольствием делится своими впечатлениями.

Их свадьба состоялась вскоре после знаменательного исторического события, к которому Георгий Чагин имел самое непосредственное отношение: в 1972 году по его инициативе праздновалось 500-летие присоединения Перми Великой Чердыни, как ее именовали в старину, к Русскому централизованному государству.

Задолго до этого директор музея развил бурную деятельность. Прежде всего вместе с художником разработал юбилейный значок, добился его массового выпуска и, когда значки были готовы, разослал их с письмами тем, от кого надеялся получить дельные советы. И вышло так, что единомышленниками и советчиками молодого музейного директора стали в те дни, прямо скажем, незаурядные личности.

Одним из первых откликнулся известный пермский журналист, редактор и краевед Борис Никандрович Назаровский.

Этот человек всегда с интересом относился к молодежи, умел разглядеть и приветствовал талант, трудолюбие и одержимость в деле. Он уважал молодого Чагина, с которым познакомился еще в Пермском краеведческом музее, и сразу стал помогать ему, подключая к предъюбилейной подготовке опытных и знающих людей. В письме от 1 ноября 1970 года Б. Н. Назаровский писал:

«Дорогой Георгий Николаевич!..

Вы правы, к 1972 году надо готовиться сейчас, немедленно... проявлять максимальную активность.

Надо провести летом 1972 года областной, а лучше межобластной, слет туристов в самой Чердыни или вблизи нее. Жить могут в палатках. Деньги на туристов всюду есть. Надо заразить этой идеей Торопова (С. А. Торопов — руководитель клуба туристов «Компас», позднее — основатель клуба «Пермский краевед» — Л. М.) и обком комсомола.

[Надо провести] научную конференцию по Чердыни, ее прошлому и настоящему. Привлечь всех, так или иначе, раньше или позже занимавшихся Пермью Великой и Чердынью в любых аспектах — от антропологии до перспектив сельского хозяйства включительно. Пригласить народ отовсюду: из Ленинграда, Тарту, Томска, откуда угодно. Не хотят ехать — пусть пришлют тезисы докладов. Вот тут нужны деньги на издание.

Хорошо бы заранее, в 1971 году, издать хотя бы на ротапринте библиографию Перми Великой и Чердыни.

Самое ценное было бы воспользоваться этой датой, чтобы привести в порядок вашу библиотеку и архив. Как мне известно, на них покушаются, хотят перетаскивать в Пермь. Этого нельзя допустить. Местные учреждения следует укреплять и развивать, а не централизовать на московский манер.

...Следует как-то устроить к вам длительную экспедицию квалифицированных людей, которые за год-два могли бы привести все в порядок, составить по всем правилам каталоги и оставить все на месте (а каталоги разослать в Москву, Ленинград и т. д.). Важно, конечно, добиться средств на ремонт помещения, где все ваши богатства можно было бы надежно хранить. Общество охраны памятников должно тоже участвовать и помогать.

Нескольким знакомым я поручил думать на заданную вами тему, да и сам буду думать...»

Получая такого рода письма, сам Георгий Чагин времени не терял, он подробно разработал обширную юбилейную программу, согласовав ее с местными властями и научными учреждениями областного центра. Поэтому в другом письме, от 7 августа 1971 года, Б. Н. Назаровский уже смог оценить эту работу.

«Уважаемый Георгий Николаевич! — писал он. — Спасибо за письмо и за присланный план подготовки к 500-летию Чердыни.

Вы, чердаки, и в частности вы — Г. Н. Чагин — молодцы! С такими людьми Чердынь не пропадет. Она еще воссияет, уверен в этом, хотя, вероятнее всего, не доживу.

План ваш буду показывать нашим пермским руководителям в поучение им...»

Продолжая предъюбилейные хлопоты, Г. Н. Чагин одновременно готовил к печати свою книгу «Чердынь. Краткий исторический очерк». Она была издана Пермским книжным издательством в 1972 году с иллюстрациями художника А. Н. Тумбасова, еще одного единомышленника и старшего друга автора. Книга эта, первая в ряду многочисленных изданий ученого, разошлась очень быстро и получила немало откликов, порой даже от совсем незнакомых людей. Так, военнотружущий, капитан Кодочигов из Липецкой области горячо благодарил автора за то, что помог в подробностях вспомнить поход на Колву и Вишеру, совершенный пермскими школьниками восемнадцать лет тому назад. А писатель Евгений Пермяк, побывав в Чердыни и получив книгу, писал: «Уважаемый Георгий Николаевич! Очень прошу Вас, прочитайте мой новый роман «Яргород»... В романе Вы встретите лиц, похожих на Вас, на Лунегова...»

Празднование 500-летия Чердыни удалось тогда на славу. Серьезные мероприятия научного характера, слет юных туристов, выступления фольклорных коллективов всколыхнули жизнь не только северного городка и окружающих территорий. О масштабе события свидетельствовала многочисленность гостей, приехавших издалека, из столиц, из больших городов страны. Усилился интерес к местной истории, увеличилось количество школьных музеев и краеведческих уголков. Чердынский музей получил возможность решить ряд практических вопросов. И, конечно, укрепились связи с научными центрами Москвы и Ленинграда.

Для самого Георгия Николаевича, начинающего ученого, это имело, несомненно, большое значение. Хотя и для столичных этнографов и историков других направлений дружба с Чагиным, уже к тому времени владевшим обширными знаниями фактического материала, была весьма ценной. А пермские учёные оценили также уровень теоретической подготовки своего бывшего студента — его научные доклады проходили с неизменным успехом.

В 1974 году Георгия Николаевича Чагина пригласили на работу ассистентом в Пермский государственный университет, где впервые на историческом факультете вводился курс этнографии. И тогда же он стал аспирантом Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. Тема его научной работы была определена так: «Формирование русского населения Северного Прикамья в конце XVI — начале XX века. История расселения, землепользования, жилища».

«Я благодарен университету, — говорит Георгий Николаевич, — здесь мне предоставили возможность разработать программу и цикл лекций «Этнография народов мира». Первый год запомнился как особенно тяжелый. Надо было охватить обширнейший материал: от Австралии и Океании до северных, западных стран и до России, до нашего края включительно. В общем, все». Но молодому и чрезвычайно работоспособному ученому эта задача оказалась по плечу.

Нелегко было поначалу завоевать интерес студентов, многие из которых к новому предмету относились с прохладцей, считая его чем-то второстепенным. И только летняя экспедиция на север области, куда Г. Н. Чагин взял с собой несколько человек, помогла изменить отношение к этнографии. Вернувшись, его спутники с восторгом рассказывали товарищам об удивительных богатствах Чердынского края, где, что ни копни, что ни возьми — все есть. Они имели в виду и сасанидское серебро из Ирана, и всевозможные украшения «звериного стиля», и деревянные идолы язычников, и старообрядческие книги «крюкового» пения, писанные глухариным пером, и своеобразные свадебные обряды... «Здесь письменные, вещественные, фольклорные, самые разные свидетельства многих веков. И сколько ни исследуй, еще не на одно поколение историков хватит», — повторяли они слова Георгия Николаевича. Так, начиная с 1975 года вот уже тридцать лет Г. Н. Чагин возглавляет Камскую этнографическую экспедицию, вовлекая в так называемые полевые работы все новые и новые молодые силы.

Постепенно расширялась география летних путешествий. В следующем году обследовали села и поселки Соликамского района и деревни — Верещагинского. Затем выезжали в Александровский, Красновишерский, Лысьвенский, Суксунский... Еще позже стали охватывать районы Свердловской области, Удмуртии, Башкортостана, Татарстана, Республики Коми. Одной группе студентов особенно повезло: они прошли со своим преподавателем по знаменитой некогда, теперь уже давно заброшенной Бабиновской дороге.

Артемий Сафронович Бабинов, родом из деревни Верх-Усолка, в 1597 году, в царствование Федора Иоанновича, проложил прямую дорогу из Соликамска в Верхотурье через Уральский хребет, что имело тогда огромное значение в связи с присоединением к Русскому государству Западной Сибири. «Как только в 1978 году мы вступили на верх-ййвинскую землю, — напишет Г. Н. Чагин в своей работе «История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX-начале XX века» (Пермь, 1999), — так и слышали об Артемии Бабинове. О нем знали люди старшего и младшего поколений. «Артемий Бабинов тайно увязался за вогулами. Чтоб не потерять сокму (тропу. — Г. Ч.), он заламывал ветки деревьев. Так и прошел через Уральский хребет», — слышали от А. С. Старцева, 1891 г. р.». Экспедиция, в частности, помогла установить немаловажную деталь. Оказалось, у местных жителей принято произносить фамилию Бабинов и, следовательно, название дороги — Бабиновская — с ударением на третьем слоге, а не на первом, как произносили университетские путешественники, и не на втором, как указано в Большой советской энциклопедии. Во многом благодаря инициативе Г. Н. Чагина в 1997 году краеведческой общественностью Урала было широко отмечено 400-летие Бабиновской дороги, этого значительного события в жизни Русского государства XVI века.

Самому Георгию Николаевичу одной экспедиции в год всегда было мало. Свой отпуск он, как правило, тратил на то, чтобы побывать у старых или новых знакомых, которых со временем у него появилось большое количество.

«Яркой языковой личностью» называл он, например, 80-летнюю Е. Ф. Меркушеву из деревни Жигали Верещагинского района. Семейные предания записывал со слов В. И. Федосеева в деревне Валуи того же района. Своими воспоминаниями с ним не раз делилась инокиня Галина Андроновна, жившая в келье в деревне Ньюзим Чердынского района. «Предельная старшая» в Чердынском братстве старообрядцев-странников (бегунов), она не только читала Священное писание и жития святых, но изучала М. В. Ломоносова, Ч. Дарвина, Л. Н. Толстого, Н. И. Бухарина и других мыслителей. Восемь с половиной лет провела в советских лагерях, но это не сломило ее гордого духа. Она рассказывала Г. Н. Чагину о родословии своего братства, которое вела от соловецких старцев.

Дружба с этими людьми не сводилась только к получению от них ценных для науки сведений. Георгий Николаевич при необходимости тоже помогал им. Знаю, например, давний случай, когда он паковал посылку, чтобы отправить ее в деревню знакомой старушке. Между прочим, эта черта его характера не утрачена поныне, хотя теперь он известный ученый, профессор, да и по возрасту приближается к тем носителям старины, с которыми любит общаться. Просто его помощь людям приобрела другие формы, другой масштаб. Так, около сорока лет изучая малочисленную народность па севере края — коми-язьвинцев, он многое сделал для возрождения и сохранения уникальных особенностей их культуры и быта. В трех школах здесь в настоящее время изучают родной язык, ожил фольклор, у молодежи растет интерес к прошлому. А началось пробуждение самосознания с весеннего праздника — встречи сарчика (так коми-язьвинцы называют трясогузку), который, как в давние времена, с 1993 года вновь стал проводиться на этой земле. И все это по инициативе Г. Н. Чагина. Кроме того, он содействовал открытию в деревне Паршакова мемориальной доски в память приезжавшего сюда еще в XIX веке финского ученого Арвида Генетца.

А в селе Верх-Язьва установили еще одну мемориальную доску — в честь ученого и поэта В. И. Лыткина, автора солидного труда «Коми-язьвинский диалект», вышедшего в 1961 году в издательстве Академии наук СССР. Изучая старообрядческий уклад жизни местного населения, сам Георгий Николаевич часто навещает сюда; он говорит: «Слушаешь коми-язьвинцев, а они двуязыки, — переносишься на 400 лет назад, во времена Перми Великой. Они — ее потомки».

Диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук Г. Н. Чагин защитил в Москве в январе 1982 года. В отзыве было сказано: «Основываясь на уникальном историческом и этнографическом материале, автор раскрыл истоки и пути заселения Северного Прикамья русскими, выделил районы, которые изначально осваивались представителями данного этноса, проследил типичные черты и оттенки культуры и быта русских, что было сделано впервые в историко-этнографической литературе о Пермском Прикамье».

С тех пор еще больше укрепились его связи с московским академическим научно-исследовательским учреждением, которое теперь называется уже не Институтом этнографии, а Институтом этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, что говорит о качественном развитии науки. Он считает своими учителями и руководителями, особенно на первых этапах научного пути, историка и этнографа профессора В. А. Александрова и профессора И. В. Власову, с которой неоднократно бывал в экспедициях. Участвовал он и в коллективных изданиях научных трудов, таких как «История Урала с древнейших времен до 1861 года» (М., 1989), «На путях из земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северно-уральского крестьянства XVII–XX вв.» (М., 1989).

Но об одном совместном с москвичами открытии стоит рассказать особо. Ведь именно на совокупности таких, казалось бы, незначительных фактов и строится наука история.

Во время реставрационных работ под каменной опорой той самой Никольской церкви в Ныробе был найден человеческий череп. Кому он принадлежал? Когда жил этот человек? Что было на этом месте прежде? Георгий Николаевич повез череп в Москву в Лабораторию антропологической реконструкции, с сотрудниками которой давно успел подружиться. Через какое-то время, снова приехав в лабораторию, он получил рисунок и фотографию реконструированной головы и результат: человек жил в XVII веке, умер в возрасте 40 лет, у него (даже такие подробности!) был гайморит и заболевание головного мозга. Позже у Чердынского краеведческого музея появилась возможность заказать гипсовый бюст предка из XVII века. А Георгий Николаевич, сообразуясь с переписью ныробского населения 1579 года, в которой значился некто Иванко Нос, и с тем, что основная фамилия в Ныробе Носовы, так и предложил его назвать — Иванко Нос. Теперь, одетый в косоворотку, он представлен посетителям Чердынского музея. Таким образом, к более чем 3 тысячам экспонатов, которыми благодаря Камской этнографической экспедиции и дружбе с наукой пополнились музеи нашего края, добавился еще один, можно сказать, уникальный.

Между тем, накапливая так называемый полевой материал, пополняя источниковедческую базу, Г. Н. Чагин в 80-е годы приступил к изучению этнокультурных процессов на Среднем Урале на завершающей стадии Средневековья и в Новое время. По результатам исследований он выпустил ряд книг и статей, в которых показал развитие народов Среднего Урала и их культуры в тесной связи с природно-географическими условиями, хозяйственной деятельностью, взаимовлиянием уральского населения разных национальностей. Это стало хорошей подготовкой к работе над докторской диссертацией на тему «Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX века».

Доктором исторических наук Георгий Николаевич стал в 1996 году, успешно защитившись в Москве в Институте имени Н. Н. Миклухо-Маклая.

Его монография на ту же тему, что и диссертация, основанная на материалах восемнадцати (!) архивов, библиотек, музеев и экспедиционных обследований и выпущенная в 1995 году издательством Пермского университета, была оценена как фундаментальное исследование. Книга привлекла к себе, по свидетельству коллег, внимание историков, этнографов, фольклористов, а также учителей, студентов, краеведов. Отмечалось, что автор впервые проследил распространение русского этноса и его культуры на территорию Среднего Урала. Он установил, что подавляющее большинство русских происходило из Северо-Двинского бассейна и что именно этим объясняется им же доказанный факт преобладания в материальной культуре русских крестьян Среднего Урала черт северно-русской этнографической общности. Исследуя затем сложные взаимоотношения и взаимодействия русских, коми-пермяков, коми-язьвинцев, манси, марийцев, удмуртов, татар, башкир, учёный увидел «через призму истории и культуры... заложенные в образе жизни, менталитете мощные основы для мирного сосуществования этносов» — так пишет кандидат исторических наук, доцент А. В. Шилов во вступительной статье к библиографическому списку работ Г. Н. Чагина, добавляя, что материалы монографии вызывают доверие и уважение и что выводы ученого ценны для наших дней, когда вопросы взаимоотношений народов стали особенно актуальными.

До Г. Н. Чагина этнографией на Урале занимались многие. Наиболее значимыми для него стали такие известные предшественники, как А. Е. и Ф. А. Теплоуховы, Д. К. Зеленин, Н. Е. Ончуков, П. С. Богословский, чьи печатные работы и архивы содержат массу ценнейших сведений. Однако надо признать, что их подход к этнографическому изучению истории Урала носил, в силу времени и обстоятельств, фрагментарный характер.

Докторская диссертация Г. Н. Чагина показала, что в науку пришел учёный, который на основе обширной и многообразной источниковедческой базы впервые комплексно, поэтапно, с удивительной целеустремленностью исследует историю и культуру народов Урала в неразрывной связи со всей отечественной историей.

У Георгия Николаевича, а это признак выдающегося таланта и потрясающей работоспособности, после каждого большого научного труда всегда остается много «избыточного» материала, что позволяет ему тут же приняться за очередную работу, по-новому взглянуть на изучаемый предмет. Он всегда видит перспективу, знает, чем будет заниматься завтра и послезавтра. Так, всего через два года после защиты докторской диссертации он издает солидную (более 10 п. л.) монографию «Окружающий мир в традиционном мировоззрении русских крестьян Среднего Урала». Впервые в истории так полно и масштабно анализируется духовная жизнь русского уральского крестьянства — символика жилища и одежды, изобразительное творчество, знания, суеверия, традиции в семейных и трудовых отношениях, календарные обычаи и обряды.

И как ценно, что среди источников, которыми пользуется ученый, большое место занимают его собственные многолетние наблюдения за жизнью народов Урала. Наблюдения неравнодушного, не чужого в этом крае человека. Недаром Георгий Николаевич говорит, что в его работе «много личного».

Еще через год выходит уже упоминаемая здесь «История в памяти русских крестьян...», которая так же, как и предыдущая книга, написана доступно и интересно.

С 1995 года Г. Н. Чагин заведует университетской кафедрой древней и новой истории России. Эта кафедра во всех смыслах историческая. Достаточно сказать, что ее, называемую тогда кафедрой русской истории, основал в 1916 году известный ученый, профессор Б. Д. Греков, впоследствии академик Академии наук СССР.

Сейчас эта кафедра самая крупная на историко-политологическом факультете. Она объединяет историков, археологов, этнографов, музееведов.

Она ведет преподавание отечественной истории с древнейших времен до начала XX века и специальных научных дисциплин — архивоведения, исторической демографии, генеалогии и других.

На кафедре, кроме Камской этнографической экспедиции, основанной Г. Н. Чагиным, продолжает работать знаменитая Камская археологическая экспедиция, организованная еще в 1947 году выдающимся археологом О. Н. Бадером. А с 1996 года здесь на общественных началах под научным руководством Георгия Николаевича действует еще и проблемная лаборатория «История городов и заводских поселений Урала».

На кафедре трудятся одиннадцать преподавателей, пятеро из которых уже ученики профессора Г. Н. Чагина. Под его руководством пять молодых учёных защитили кандидатские диссертации, например, А. В. Черных и А. В. Теленков. Поступить в аспирантуру не так-то просто: конкурс, в том числе по специальности «Этнография». Самая молодая аспирантка Екатерина Шестакова вслед за профессором изучает интереснейшую историю самосознания русского населения нашего края и так же, как он когда-то, работает экскурсоводом, причем может вести рассказ и на английском языке.

Сам профессор Г. Н. Чагин читает студентам курсы «Этнология», «Этнополитология», ведет спецсеминар и спецкурс «Этнокультурные процессы в регионах России». Только за пять последних лет руководил подготовкой 17 дипломных и 85 курсовых работ.

Особенно интересно, признаётся он, вести занятия-беседы с будущими политологами, которые больше других восприимчивы и активны. Этнополитология — сравнительно новая учебная дисциплина, учебников нет, взгляды авторов, пишущих о вопросах современного развития народов, об их взаимоотношениях между собой, о взаимодействии с политической властью и власти с ними, неоднозначны и противоречивы. Но рассмотрение даже такой, казалось бы, «сухой» темы, как «Проблемы современного федерализма», проходит у Георгия Николаевича живо и неординарно. Сказывается высокая компетентность преподавателя, отличное владение историографией и одновременно новейшей информацией.

Он не боится столкновения мнений, а наоборот, для него это путь к истине. Вместе со студентами, а порой по их просьбе, профессор обсуждает животрепещущие вопросы, например, о судьбах русских в Ближнем зарубежье. «Как относятся в других странах к «своим», живущим на чужих территориях?» — спрашивают студенты. Во многих государствах, отвечает профессор, существуют программы поддержки своих диаспор. «А у нас?» Приходится признать, что у нас поддержка — лишь на декларативном уровне. Интересно, что говорит по этому поводу международное право? Оказывается, международное право признает только понятие «малочисленный народ», понятия «диаспора» там нет.

В результате такого живого общения почти каждый студент на семинарах стремится «выложить» профессору все, что прочитал в книгах и газетах и что «скачал» из Интернета, с тем, чтобы узнать его мнение. Ну, конечно, и для того, чтобы «набрать очки» перед экзаменом. Все знают, что у профессора исключительная память и он прекрасно помнит, кто как выступал на семинарах.

Георгий Николаевич отличается доброжелательным и ровным характером, никогда не повышает голос на человека, никого не обидит подозрением, но на экзамене он строг. Вот совсем недавний случай, можно даже сказать, курьезный. Студент, не отличавшийся активностью на семинарах, взяв экзаменационный билет, вдруг бесследно и надолго исчез из аудитории. Был — и нет! Стоило профессору лишь отвернуться к совсем некстати пришедшему корреспонденту. А потом состоялся разговор со студентом: «Где же вы были так долго?» — «Ой, да мне позвонили...» — «Но вы же понимаете, так нельзя. И экзамен сегодня я уже не приму, придется вам прийти еще раз».

Требовательность Георгия Николаевича понятна и справедлива. Главное, чему он хочет научить будущих политологов, — умению смотреть на политические события и ситуации сквозь призму этнического фактора, уважать и учитывать веками складывавшиеся особенности каждого народа.

Так знания о прошлом должны сослужить добрую службу современности.

Георгий Николаевич хорошо помнит свои студенческие годы. Он, безусловно, очень благодарен многим преподавателям, у которых учился. Но порой в его теперешнем, «взрослом» сознании появляется сожаление о том или ином пробеле в знаниях, которого могло тогда не быть и который приходилось восполнять. Так, он восклицает: «Ой, я же ничего не знал в молодости о старопечатных книгах! А это такой пласт!» И вот этот личный опыт очень помогает, когда он пишет учебные пособия для нынешних студентов.

Так, в 1990-е годы Г. Н. Чагин создал и издал серию учебных пособий для студентов-историков и филологов по этнографии и фольклору. В этих книгах много нового, впервые исследуемого, написаны они интересно и просто и потому могут увлечь каждого, сколько-нибудь любознательного. В настоящее время профессор завершает работу еще над одним учебным пособием для вузов — «Этнология Урала и сопредельных территорий», где речь идет об истории взаимоотношений и взаимодействия уральских народов с народами Поволжья и Западной Сибири. Издать книгу планируется в 2006 году.

Георгий Николаевич не только продолжает расширять границы своих научных интересов и изысканий, но и обращается при этом к еще более массовой аудитории. Прежде всего, к школьникам. Он хорошо помнит, что именно в ученические годы пришло к нему понимание огромной ценности всего, что имеет отношение к истории и культуре родного края и большого Отечества. В 1999–2000 годах с его авторским и редакторским участием в Москве, по заказу областного департамента образования издан «Атлас Пермской области. География. История». Затем в соавторстве им было подготовлено и издано в Екатеринбурге учебное пособие для 6–7 классов общеобразовательной школы «История Урала с древнейших времен до конца XVIII века».

И вот новый, целый комплекс изданий, появившихся недавно в Екатеринбурге. Там в Издательском доме «Сократ» вышли в свет учебная программа, учебное пособие (24 п. л.) и историко-этнографический атлас (14 п. л.), объединенные темой — «Народы и культура Урала XIXXX вв.». Автор — Г. Н. Чагин — адресовал все эти издания учителям и учащимся 1011 классов. После того как вышло в свет учебное пособие, в Пермский государственный университет пришло благодарственное письмо министра общего и профессионального образования правительства Свердловской области. «Книгу отличает высокое качество историографического материала, содержательность иллюстративного материала и приложений, сочетание научности изложения с доступностью и увлекательностью чтения, — пишет министр. На мой взгляд, книга Георгия Николаевича — это серьезный информационный прорыв в изучении истории, педагогики и образования на Урале, создающий условия для качественного улучшения педагогического образования».

Сейчас в Перми по инициативе Г. Н. Чагина и по заказу областного департамента образования тоже осуществляется издательский проект, адресованный школьникам, — серия научно-популярных книг «По городам и весям Прикамья». Первую книгу серии — «Города Перми Великой Чердынь и Соликамск» — написал сам профессор. Следующую — «Строгановские городки, острожки, села» — сотрудники кафедры Г. П. Головчанский и А. Ф. Мельничук. И в работе еще три книги: о губернском и уездных городах и городах-заводах.

Владея, без преувеличения, огромным запасом знаний, Георгий Николаевич использует малейшую возможность для их широкой популяризации. Его статьи и сообщения нередки даже в районных газетах — чердынской, Соликамской, усольской... И это при том, что он, непреременный участник всероссийских и международных конгрессов и конференций, имеет достаточно большое количество печатных работ.

В общей сложности результаты поисков, открытий, исследований Г. Н. Чагина отражены в более чем 500 публикациях, из которых 27 — монографии, научно-популярные книги и учебные пособия. Он автор работ, изданных не только в России, но и в Финляндии, Швеции, США, Румынии, Венгрии, Польше.

«Разработка проблем этногенеза, этнокультурной истории и этнической идентичности народов Урала и сопредельных территорий, — позволю себе еще раз процитировать А. В. Шилова, — подготовка молодого поколения этнографов из числа студентов и аспирантов, наличие преемственности научного знания — свидетельствуют о формировании в Пермском университете научной школы этнографов». Другими словами, научной школы профессора Г. Н. Чагина.

Кстати, за цикл работ по этнокультурной истории Урала Георгий Николаевич в 2004 году стал лауреатом областной премии имени Л. Е. Кертмана.

Расширению научного кругозора, углублению знаний способствует также работа Г. Н. Чагина в качестве оппонента при защите диссертаций по этнографии и этнологии. Недавно состоялась девятнадцатая защита, где он выступал как оппонент. Она проходила в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, где соискатель — будущий доктор наук — представил исследование культуры и быта восьми коренных народов своего региона. Так вот, знакомясь с новым научным трудом и оценивая его, профессор Г. Н. Чагин нашел общие черты в традиционных верованиях нанайцев, удэгейцев и наших марийцев и манси, что не могло не заинтересовать учёных. И, кроме того, работа коллеги дала толчок новым размышлениям о влиянии политических и хозяйственных процессов на состояние и жизнеспособность малочисленных народов. Так что, хотя и далеко Владивосток, но слетал туда Георгий Николаевич опять (как и в предыдущий раз) с большой пользой.

Профессор Г. Н. Чагин — чрезвычайно деятельный человек. Его многообразные обязанности выходят далеко за пределы университетской жизни.

Им по заданию областной администрации выполнено исследование на тему «Межнациональное общение и взаимодействие народов Прикамья в современных условиях». Он же вместе со студентами проводит этносоциологические опросы населения. Эти работы профессора и его учеников должны быть положены в основу практических дел, направленных на гармонизацию национальных отношений в нашем крае — есть такая целевая программа, рассчитанная на 2004-2008 годы.

По инициативе Георгия Николаевича в Чердыни создан Музей веры, а в Перми — Центр по изучению старообрядчества. В Пермском духовном училище при участии профессора прошла первая конференция — «Роль церковных искусств в возрождении духовно нравственной жизни и культуры народов», на которой он выступил с докладом «Проблемы изучения иконопочитания в русской народной культуре». Все это неразрывно связано с одним из магистральных направлений его научных исследований — значение религиозных факторов в истории народов Урала.

Георгий Николаевич — член президиума Ассоциации этнографов и антропологов России. Он активно сотрудничает почти с двадцатью институтами, различными организациями и обществами, в том числе в Финляндии и Канаде. Не случайно его тепло и доброжелательно, как старого доброго знакомого, встречают в любой аудитории — будь то в Чернушке, Сыктывкаре, Екатеринбурге, Ижевске или в Хельсинки. У него повсюду есть знакомые, даже на острове Валаам.

Самого же его по-прежнему неодолимо тянет малая родина — Северное Прикамье. Во время отпусков Георгий Николаевич часто наведывается на берег Чусовского озера, где некогда, до атомного взрыва 1971 года, был небольшой хуторок Бани. И каждый раз радостно отмечает, как великая сила природы постепенно врачует землю, изживает беду, принесенную в эти края неразумными действиями людей.

По архивам, и не только пермским, изучил он свою родословную, «докопавшись» аж до XVII века.

Первый раз, говорит, Чагины упоминаются в переписи населения Чердынского уезда в 1678 году: Гаврилко Чагин с тремя сыновьями и внуком. Но еще тридцатью годами раньше в Великом Устюге было городское восстание против воеводы, так вот среди зачинщиков летопись называет троих Чагиных. Воевода под страхом казни поначалу клялся перед иконой в любви к народу, но позже все-таки взял верх. И пришлось повстанцам бежать из Великого Устюга, видимо, на Урал, в Пермь Великую Чердынь. Известно, что деревню Фадино основал Фадей Чагин.

И творческие планы профессора связаны с родными местами. Он говорит: «Мечтаю написать все о Ныробском крае». А еще в его планах есть интереснейшая тема — «Время, календарь и жизненный путь человека», тоже на основе местных традиций.

Мы не охватили, наверное, и десятой доли того, чем ежедневно, ежегодно наполнен подвижнический, иначе не скажешь, жизненный путь талантливого, самобытного человека, выдающегося ученого Георгия Николаевича Чагина — настоящего потомка Перми Великой...

Георгий Николаевич ЧАГИН.

Родился 24 апреля 1944 года.

Выпускник ПГУ.

Доктор исторических наук, профессор.

Автор более 300 публикаций, в том числе 11 монографий и 6 учебных пособий по истории и этнографии Урала.

С 1975 года возглавляет Камскую этнографическую экспедицию.

VIVANT PROFESSORES!

**ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СНЫ**

Еле умещаются на «визитке» его звания: Михаил Дмитриевич Шарыгин — заведующий кафедрой социально-экономической географии ПГУ, доктор географических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик Российской академии естественных наук и еще ряд других...

Профессор далёк от мистики, но ему часто снится один и тот же сон: он мчится на вороном коне с развевающейся гривой — по лесам, по долам, с каким-то щемящим сердце чувством узнавая родные места...

Сны возвращают профессора Михаила Шарыгина в вятские края: то в деревню Малое Шарыгино, где родился, то в Антипино, где жил позже и где осталась светлым знаком детства пронизанная солнцем ветла. Потом — Сибирь, Киселёвск в Кемеровской области, где довелось строить шахту, Карелия, где работал школьным учителем. А вот и такие родные дорожки университета... Он вглядывается в проплывающие внизу пространства, узнает знакомые ландшафты, людей, с которыми сводила судьба.

Впервые он оседлал Тополька (так он назвал своего ночного спутника) когда был на практике в колхозе, студентом-третьекурсником Кировского педагогического института. Молодой, норовистый, очень независимый и гордый конь не сразу, но покорился юноше, дал оседлать себя и впервые промчал уставшего за день седока по заснеженной деревне, дав ему возможность почувствовать себя победителем...

У Михаила Шарыгина потом в жизни будет немало побед и взятых высот. Наверняка ко всем заслуженным им званиям могли бы добавиться еще несколько — карьеру мог бы он сделать, что называется, блестящую: должности предлагали высокие, даже в столичном университете.

Да только претило ему заниматься чиновничьей работой: науку, независимость ценил дороже. А в столицу не отпустили партийные начальники — такое было время. Но Михаил Дмитриевич ни о чем не жалеет: так было угодно судьбе, в которую он верит.

Его путь в науку не был простым и гладким, пришлось пройти большую жизненную школу: был на целине, отслужил в армии, успел поработать на стройке, учительствовал в сельских школах...

Характер выковывался целеустремленный, пытливый, требовательный. А трудоспособность Шарыгина поражала всех, с кем ему доводилось работать. Таким он пришел в 1969 году в Пермский государственный университет, в аспирантуру к профессору Валентину Алексеевичу Танаевскому, основателю кафедры экономической географии.

Без промедления взялся за свою первую научную работу и через год успешно защитил кандидатскую диссертацию в Московском университете. 33 лет от роду Михаил Шарыгин возглавил кафедру социально-экономической географии, став самым молодым завкафедрой в ПГУ.

Михаил Дмитриевич в качестве заведующего определяет единое научное направление — «Совершенствование территориальной организации общества», помогает каждому сотруднику кафедры определить собственные научные пристрастия, заботится о расширении связей с ведущими вузами страны. Это объяснялось необычайно широким диапазоном научных интересов молодого ученого и руководителя — демократичного, лояльного, но одновременно принципиального и требовательного. Михаилу Шарыгину удалось создать атмосферу творческой активности, доброжелательности, а это и есть залог успешной работы кафедры.

В 1980 году — защита докторской в том же Московском университете. Тема отличалась особой актуальностью, большой востребованностью в науке и практике: была связана со становлением нового направления в географии — социально-экономического районирования. И в том же году на кафедре социально-экономической географии появилась аспирантура, в которой стали обучаться выпускники вузов из разных городов страны: Перми, Ижевска, Воронежа, Якутска, Кирова, Тюмени, Омска...

Под руководством профессора Шарыгина стали проходить стажировку преподаватели географических факультетов из многих университетов России. Он стал председателем диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по географическим наукам. И по праву. Ведь совет был создан во многом благодаря его личным усилиям.

Талант Михаила Дмитриевича раскрылся и в аудиториях, где он читает лекции. Может, это прозвучит неким штампом, но несмотря на сложность материала, он, действительно, знает секреты, как преподнести его доходчиво, умеет увлечь студентов. И немудрено, что они слушают лекции Шарыгина буквально затаив дыхание. Ученый пытается научить их думать, самостоятельно размышлять над поставленными проблемами.

Важный для вузовского ученого показатель — публикация работ. На счету профессора более 500 работ, в том числе свыше 40 монографий, учебников и учебных пособий. Успеваает при этом оказывать действенную помощь в становлении и развитии географических школ в других вузах России. Тюменский университет, Самарская академия госуправления, Кировский педагогический университет (его альма-матер), Удмуртский университет и другие вузы на протяжении нескольких десятилетий получали и получают своеобразную подпитку в виде идей, опыта, знаний именно на кафедре социально-экономической географии ПГУ!

Сама кафедра, ее состав постоянно обновляются и расширяются. Михаил Дмитриевич подбором сотрудников занимается очень серьезно, оценивая не только уровень

знаний, но и личностные качества, умение общаться со студентами и коллегами, что, на его взгляд, принципиально важно. Те, кто пришел ко двору на кафедре, подрастали очень быстро. «Как цыплята в инкубаторе», — шутливо заметил один из молодых сотрудников.

При кафедре Шарыгин инициировал создание лабораторий, в которых проводились научно-практические исследования, связанные с оптимизацией территориальной организации социальной инфраструктуры, размещения производительных сил, конверсии оборонного комплекса и другими проблемами развития Уральского региона. Теоретические семинары играют важную роль в повышении научного потенциала преподавателей факультета. Профессор одним из первых в России разработал и читает оригинальные курсы, по которым написал учебные пособия. Это — «Региональная организация общества», «Региональная социально-экономическая география: теория, методология, практика», «Основные проблемы экономической и социальной географии», «Регионоведение» и другие.

Смело можно сказать, что работы эти на шаг опережают время по своему теоретическому и прикладному значению. Помимо образовательных задач, решаемых в них, профессор Шарыгин раскрывает сущность изучаемых явлений, что делает их самих явлением в науке.

Где же черпает энергию этот неутомимый человек? Быть может, ему, как и героине «Унесенных ветром», дает силы родная земля?

...Верный Тополек примчал его на поляну перед отчим домом. Он увидел себя маленьким босоногим мальчиком: где было взяться обувке в деревне — шла война. Босыми бегали по улице, босыми и работали: в четыре годика маленькому Мише пришлось идти за бороной! Огнем горели в кровь сбитые о засохшие комья и гальки ступни, а пальцы ног все были переломаны.

Тогда же он наяву сел на лошадь, оказавшись так высоко над землей, что с этой высоты как-то по-другому открылись дали: живописные родные просторы, серебристая речка, малахитовая зелень леса...

Отец ушел на войну в сорок первом. И почти сразу погиб. Так что и не помнил его совсем маленький Миша — ему было лишь три годика. По рассказам мамы, Дмитрий Шарыгин воевал на финской, председательствовал в колхозе... Был, по воспоминаниям, человеком очень веселым. Мама тоже работала в колхозе. А по отцу своему была из семьи помещика, имевшего тройку выездных лошадей. Но угораздило её родителя влюбиться в служанку! Этого помещик не потерпел и выгнал сына из дома, так что пришлось молодым начать свою жизнь в... дядиной бане. А потом его отец, кстати, один из первых, вступил в колхоз, подавая пример другим.

Интересна судьба и деда Игнатия по отцовской линии. Однажды маленького Мишу дед позвал, усадил рядом и сказал: «Вот что, ты особенно-то с пацанами не бегай, не опрощайся и не забывай — твой дед был членом Государственной думы!». Хотел, верно, чтобы внучок почувствовал его значимость. Но мог ли тогда это понять пятилетний малец, нетерпеливо крутивший головой по сторонам — как бы половчей сбежать от «думца». Ему так нравилось бегать, прыгать, шалить с деревенскими мальчишками, ходить по грибы, по ягоды. Не раз ночевал в лесу, хотя это было небезопасно — и дезертиры, и диверсанты, бывало, шастали в это грозное время.

Одним из самых любимых занятий было уходить в ночное, скакать на лошадях, пасти и объезжать их. Трудно поверить, но однажды, когда Михаил Дмитриевич приехал на родину и зашел на конный двор, один конь вдруг заржал приветственно и копытом забил (неужто, узнал!?). Еще мальчишкой ему нравилось рыбачить, с трепетом проверять установленные накануне в речушке «морды», куда попадала рыбешка. Зимой ставили силки, охотились, добывая пропитание. А зимой рыбу доставали так: скользили на коньках с колотушкой и оглушали ею налимов. Много когда-то здесь водилось рыбы, были и раки — любители кристальной воды.

Сейчас-то от речки одни воспоминания остались: высохла река детства, в которой он так любил плескаться и рыбачить. Захирела и сама деревня: валяются окрест остовы брошенной техники, дома зияют пустыми глазницами окон.

А тогда Шарыгино жило справно. Родительский дом был самым красивым в деревне: с резными наличниками и просторной верандой. А у дома примостился огромный сарай. Когда во время войны диверсанты подожгли колхозную ферму, весь скот разместили у себя Шарыгины — в этом сарае.

Что помнится еще? Люди здесь жили дружелюбные, внимательные друг к другу. Может, тепло душ ценилось выше потому, что шла война? Надо было помогать друг другу выживать, ведь девяносто мужиков ушли из деревни на фронт. Вернулись... трое, да и тех скоро добились раны.

Миша решил бежать на фронт: сложил в мешок нехитрые припасы и побежал на уже схваченную тонким ледком речку, чтобы наловить на дорогу рыбы. Когда взрослые хватились беглеца, то пришлось им выманивать его с реки разными способами: самим-то на лед не ступить было — обламывался, словно хрупкое стекло. Кто манил якобы припасенной конфетой (а он и не знал, что это такое), кто уговорами. Да куда там! Сманили, наконец, реальной дурандой — жмыхом, «клюнул» на него Миша, на дорожку припасти захотел...

После войны без конца кого-то арестовывали, не жалели и несчастных баб, которые непонятно в чем провинились. Да, жизнь была не сладкой: до семи лет Миша Шарыгин не видел белого хлеба, в доме ели нечто, напоминавшее хлеб, в котором были смешаны отруби, опилки, лебеда. А когда его впервые угостили конфетой-«подушечкой», он, не зная, что это такое, поглядел, поглядел, да и начал чертить, словно мелом: и смех, и грех; пришлось эту «подушечку» ему в рот силком засовывать, объяснять, что это не мел.

Он запомнил, как в победном сорок пятом пришла пора идти в школу. Мама нарядила первоклассника как могла: он сунул ноги в лапоточки, завязал, чтобы не спадывали, и отправились они в школу в соседнее село Кикнур.

Наверное, нет человека, кто бы не помнил имя своей первой учительницы. Помнит его и Михаил Дмитриевич: Зинаида Григорьевна Тараканова.

Учиться Мише понравилось, и скоро он получил за отличную учебу волшебный карандаш: красный с одной стороны, синий с другой. Обнаружились способности к математике. Хотя учительница, Людмила Сергеевна, старушка лет восьмидесяти, отличалась большой строгостью и скупостью на оценки, Миша Шарыгин получал у нее сплошь «пятерки». Потом, когда в школе появился молодой учитель — биолог, любимым предметом стала биология. Тогда было принято создавать в школе «живые уголки», притаскивать всякую живность в класс, вот и наш герой увлекся этим. Приносил ежей, лисенка, волчонка, за которыми сам и ухаживал. Строили вольеры, кормили зверюшек, которые из трогательных малышей превращались во взрослых зверей, и еды им требовалось как взрослым. Но уж, если ты приручил...

С однофамильцем — директором этой школы Виктором Алексеевичем Шарыгиным, историком и краеведом, завязалась у них крепкая, на всю жизнь дружба. Что при такой разнице в возрасте, согласитесь, бывает не часто.

Когда переехали в Антипино, на родину матери, жалче всего было расставаться со школой: она славилась своей подготовкой, и не было случая, чтобы ее выпускники не смогли поступить в вуз, если того желали. Но и к Галицкой семилетке Миша Шарыгин быстро привык, учеба ему давалась легко. Математика, которую так любил в начальных классах, щелкая как орехи задачи, интересовала уже меньше, на первый план выходили биология и география. После семилетки он сдал документы в медицинское училище, решив стать фельдшером. Но... фельдшерское отделение вдруг закрыли, а акушерское его как-то не прельстило.

Решили с друзьями ехать поступать в лесотехнический техникум в Йошкар-Олу. Он поступил, однокашники — нет. Забрал заявление. То же случилось и в речном училище в Зеленодольске. Пришлось вернуться в школу, заканчивать десятилетку. Судьба хранила его для Географии, не иначе...

Друг, поступивший в Казанский авиационный институт, советовал ему непременно поступать туда же. Девятый класс он закончил без единой четверки.

Но «пришла пора, и он влюбился»... Учеба отошла на второй план. Начались конфликты с учителями, особенно с молодым физиком — нашла коса на камень. Учитель, вчерашний студент, не дождавшись извинений от ученика (а тот считал — не за что!), просто перестал пускать его в класс. Физику пришлось сдавать в другой школе. Так что, хотя и был Миша Шарыгин претендентом на медаль, получить ее не удалось. (Да Бог с ней, и с другими не полученными в жизни наградами, хотя их у профессора Шарыгина накопилось немало.)

И снова встал вопрос: «Куда идти?»

В итоге махнул куда глаза глядят. Погулял по Свердловску, а потом умчал его поезд в далекую Сибирь, в Кемеровскую область. Вот такие кренделя...

Будущий ученый махал топором и лопатой, кайлом и ломом, строя угольную шахту в маленьком городке Киселевске. Потом попал на стройку так называемого «номерного» завода. Руки-то были заняты, а вот голова...

Ей требовалась пища — новые знания. На следующий год вчерашний рабочий-строитель Шарыгин, успешно сдав экзамены, стал студентом естественно-географического факультета Кировского педагогического института.

...И вот летит его Тополек уже над целинными просторами, куда отправили после первого курса студента Михаила Шарыгина. Наверное, так было нужно стране. Тех, кто ехать не захотел, грозили отчислить из института. «Надо, так надо», да и вообще интересно везде побывать, попробовать свои силы. Пахали на тракторах жирную целинную землю, сеяли хлеб...

Михаила Шарыгина определили руководить работами. А потом, уже на втором курсе, стал он секретарем комсомольской организации института. Вообще свой курс он вспоминает как уникальный: практически все студенты сдавали сессии без троек, получая повышенные стипендии. Много занимались общественной работой — вся институтская «власть» сосредоточилась в руках ребят именно их факультета. Учиться было очень интересно. Большой влияние оказывала на них куратор курса, зоолог Эмилия Кузьмовна Леви, прекрасный специалист, мудрая женщина.

На всю жизнь они сохранили дружбу, так же, как и с географом Дмитрием Дмитриевичем Лавровым.

Был еще один знак судьбы, придвинувший будущего ученого ближе к географии. Случилось так, что курсовую работу студента Шарыгина, по его мнению, недооценили. Он занимался тогда определением видов птиц-щелкунов, суммировал результаты летней практики, даже открыл неизвестный вид. Курсовую, между прочим, в Москву отсылали, чтобы дать виду название. Но, видно, опять судьбе было так угодно, что посчитали то ли не завершённой работу, то ли еще что. В общем, обиделся исследователь и решил... перейти на отделение географии.

Оставшиеся курсовые писал он уже на кафедре экономической географии под руководством Георгия Андреевича Бушмелева, бывшего когда-то секретарем обкома КПСС, человека весьма жесткого. Но к студенту Шарыгину относился он с искренним уважением, что вполне закономерно, учитывая проявившиеся недюжинные способности.

Закончив институт за четыре года вместо положенных пяти, уехал он работать в сельскую школу. Учителей там не хватало, так что вчерашний выпускник вуза преподавал и географию, и биологию, и химию, и рисование, и даже труд. (Опыт уже был — с первого курса проходили практику в школах. Однажды, еще на третьем курсе института, организовал для школьников поездку в Лесную школу, которая располагалась недалеко от Кирово-Чепецка. Это была запомнившаяся на всю жизнь «экспериментальная школа»: в ее задачи входило ограждать детей от... тлетворного влияния Запада и негативных социальных явлений. Ученики, которые приняли участие в этой вылазке, были от увиденного в полном восторге!).

Работая в школе, Михаил Дмитриевич Шарыгин старался сделать уроки непохожими один на другой. Он постоянно привносил в них новизну, пытался удивить и зажечь ребят. А какие велопоходы — многодневные, с кострами и песнями — организовывал для них сельский учитель!

Они возвращались в чем-то заметно меняясь, взрослея, становясь внимательней и добрее друг к другу. Да что ученики — Шарыгин и для учителей организовывал «маевки» на природе!

Нагрянула как-то в школу комиссия районо, все учителя боялись ее как огня. А Михаилу Дмитриевичу все нипочем — приходите, милости просим. На один урок — к нему, а на другой и приглашать не пришлось — четыре урока Шарыгина посетила комиссия в тот день, а некоторые и на пятый заявили. А потом... его пригласили работать инспектором районо, и он две недели инспектировал школы.

Потом было распределение. И ему предложили должность... директора школы, в которой он работал учителем. Но неутомимая душа путешественника звала его в другие края, и он уехал в Карелию. Снова школьным учителем, снова преподает географию, биологию. Ему нравится работать, и коллективу он пришелся по душе. Нравится новый учитель и ученикам: на его уроках стоит мертвая тишина.

Любопытную картину наблюдала однажды очередная комиссия: сидят пятиклашки, которые обычно без конца вертятся, и увлеченно, без звука, разбирают на уроке цветы — на пестики, тычинки и чашелистики. В классе так тихо, как будто никого нет. А на задней парте примостился учитель, читающий... детектив. (Он их, кстати, до сих пор читать любит, это его отдохновение, ничем не загружающее голову. Прочитал — забыл...)

Ну а потом армия, от которой и мысли не было «откосить». Ракетные войска. Суровый командир, прошедший войну, был как отец новобранцам. Он не наказывал солдат за расстегнутый, скажем, воротничок, но зато командиру взвода доставалось. Такой вот принцип. К солдату Шарыгину ротный относился с какой-то особенной теплотой, называл по имени-отчеству, даже когда из строя просил выйти. Это то уважение командира к добросовестному солдату и подчиненного к начальнику, которое сегодня почему-то ушло из нашей армии.

Верно сказал поэт, «чтобы быть мужчиной, мало им родиться, чтобы быть металлом, мало быть рудой, ты должен переплавиться...». Как из бесформенной руды рождается слиток металла, как из тоненького прутика вырастает мощное дерево, так в человеке с годами выкристаллизовывается его сущность, проявляются сумма воспитанных жизнью и наставниками качеств.

Жажда знаний, попытка разобраться в себе, в явлениях жизни привели Михаила Шарыгина на философский факультет Ленинградского государственного университета. Причем произошло это во время службы в армии. Ну, а потом, когда отслужил, нужно было снова определяться, чем заниматься дальше. Ведомый своей судьбой, Михаил Дмитриевич стал ассистентом кафедры экономической географии Кировского педагогического института.

Руководил ею, как уже упоминалось, Георгий Андреевич Бушмелев, ученик Валентина Танаевского. Он и предложил новичку заняться научными исследованиями в области сельского хозяйства, в частности льноводства. Через год Михаил Шарыгин сдал кандидатский минимум, философию (вот где пригодились знания, полученные на философском факультете ЛГУ) и отправился со своей темой в Москву.

Там произошла встреча с такими великими, по словам Шарыгина, людьми, как Андрей Николаевич Ракитников из МГУ и Николай Павлович Никитин из пединститута имени Ленина. Предложили они ему поступить в столичную аспирантуру, но камнем преткновения стал, увы, иностранный язык. Поэтому Шарыгин принимает решение еще год поработать в Кирове и как следует подготовиться.

И — поступает в аспирантуру, но уже Пермского университета. Причем здесь тоже не обошлось без проблем: ставка была одна, уже занятая, так что вторую «выбивали» в министерстве специально для него. А тему пришлось сменить, потому что здесь усилия были сосредоточены на проблематике территориально-комплексной организации хозяйства. Эти темы разрабатывали известные пермские ученые — Михаил Николаевич Степанов и Анатолий Федорович Куракин.

А Михаил Дмитриевич начал заниматься территориально-производственными комплексами, взяв за основу идеи Николая Николаевича Колосовского.

С заведующим кафедрой экономической географии Валентином Танаевским, которому было в ту пору уже за восемьдесят, сложились у аспиранта теплые, дружеские отношения. Это была легендарная личность. Но в науке Валентин Алексеевич был очень осторожным человеком, подчеркивает Михаил Дмитриевич, недоверчиво относился, например, к новым методам расчетов.

— Ну как же, — настаивал Шарыгин, — а вот Николай Николаевич Баранский говорил: «Экономика начинается там, где начинает действовать рубль».

— Нет, — возражал Танаевский, — это при капитализме...

Михаил Шарыгин отправился в Москву — договариваться о защите кандидатской диссертации. В ту пору как раз происходила реорганизация ВАКа — высшей аттестационной комиссии, защиты временно отменялись. Но поскольку диссертация у новоявленного пермяка была с собой, ее посмотрели, попросили выступить на методологическом семинаре...

В общем, защитился в МГУ и весьма успешно, под аплодисменты. Тема: «Локальные территориально-производственные комплексы».

Не сказать, чтобы все сразу и безоговорочно понравилось Михаилу Шарыгину в Перми. Решив познакомиться с городом, сел он в трамвай №3 и доехал до «Красного Октября». Увидел грязь, неустроенность, серость — одним словом, неприятное впечатление сложилось у него о городе. Имея характер решительный, засобиравшись Михаил Дмитриевич вдруг в Калининград, где работали друзья из Кировского пединститута. А на кафедре в ту пору осталось всего два кандидата наук — Михаил Шарыгин да Антонина Свисткова. Доцент Михаил Николаевич Степанов перешел на должность заведующего Пермской лабораторией экономических исследований Института экономики.

Ушли из университета ведущие преподаватели — доценты Куракин, Чернышова и другие. Дело дошло чуть не до закрытия кафедры. Молодой кандидат остался в вузе...

Заведующим кафедрой его назначили в 1971 году. Шло обновление кадров. Начался новый этап в ее развитии...

Став доктором наук, профессор Шарыгин постарался, чтобы на кафедре была открыта аспирантура. И вот уже тридцать пять лет, больше чем все его предшественники, возглавляет он кафедру социально-экономической географии, в 2005 году отметившую свое пятидесятилетие.

«Экономическая география» — это наука, которая занимается размещением и территориальной организацией производительных сил. Территория — географическое понятие, размещение — понятие экономическое. Но на кафедре пошли дальше: стали заниматься не просто размещением, а комплексным развитием территории. В качестве инструмента был взят метод энергопроизводственных циклов, объединяющий цепочку «сырье — готовая продукция».

Михаил Дмитриевич стал заниматься локальными территориально-производственными комплексами. К примеру, в Прикамье были Березниковско-Соликамский, Кизеловско-Губахинский, Лысьвенско-Чусовской комплексы. В результате было заложено новое направление.

Вот сегодня появился модный термин «производственный кластер». Да это ж как раз то, над чем работал профессор Шарыгин все эти годы. Причем в орбите его интересов был Большой Урал: Пермская, Свердловская, Челябинская, Оренбургская, Курганская области, Башкирия, Удмуртия. Для оптимизации локальных комплексов, считает Михаил Дмитриевич Шарыгин, необходимо выделить их на научной основе. С этой целью учёным было проведено дробное экономическое районирование, выделены локальные комплексы, исследована сбалансированность по вертикали (развитие энерго-производственных циклов) и горизонтали (территории).

Выявив недостающие звенья, можно было на научной основе давать рекомендации, что и где строить. При этом необходимо иметь в виду территориальные, ресурсные и экологические ограничения.

Была создана специальная лаборатория, в которой проводились исследования. Например, касающиеся баланса производства и потребления основных видов продукции Урала в целом и его подрайонов. Сегодня эта лаборатория входит в состав Естественно-научного института и носит название «Регион».

После проведения всех расчетов, касающихся развития региональной экономики, профессору Шарыгину стало ясно, что они «оторваны от человека». Что необходимо рассматривать сопряженное развитие производства, расселения и инфраструктуры. Так ученые пришли к новому понятию — «территориально-социально-экономическая система».

Впервые Михаил Дмитриевич доложил о ней в 1976 году на 23-м Международном географическом конгрессе, и его выступление было воспринято весьма благосклонно. Так, постепенно они начали поворот: если раньше повышение экономического эффекта оценивали по вкладу в развитие народного хозяйства страны, то сейчас стали больше обращать внимание на уровень и качество жизни людей. Эти моменты Михаил Дмитриевич отразил уже в своей докторской диссертации.

Это было новое слово в науке. Вот как вспоминает об этом профессор Шарыгин:

— Я был в Усть-Качке, и вдруг приезжает Николай Иванович Бухарин, ассистент кафедры. Объявляет: вашу диссертацию, Михаил Дмитриевич, взяли в Госплан. Я обрадовался известию: ну, наконец-то, пусть поучатся. «А вы не боитесь, — спрашивает Бухарин, — что еще не утверждены?» Ну раз передали, говорю, значит, есть к тому основания... Так что диссертацию мою взяли за основу развития Уральского региона. А потом уже защищался. Оппонентами, очень мощными, были ведущие ученые страны — Юлиан Глебович Савушкин и Кирилл Петрович Космачев.

А ведущей организацией был у меня ЛГУ. И получилось, что этим был положен мостик между московской и ленинградской школами...

Работа над территориальными социально-экономическими системами Урала и Пермской области продолжалась. И опять через некоторое время профессор Шарыгин приходит к выводу: работа ведется недостаточно широко, надо выходить на территориальные общественные системы, в которых рассматриваются все сферы жизнедеятельности человека. Чтобы добиться качественного изменения уровня жизни людей, необходимо развивать инфраструктуру: рыночную, производственную, социальную, экологическую. Плюс управление. А в последнее время стала учитываться и духовная сфера: эти моменты отражены в готовящемся к печати его учебном пособии «Поведенческая география».

Территориально-общественная система — это пространственная ячейка жизнедеятельности людей, а сочетание этих ячеек представляет собой пространственно-временную организацию общества. Соответственно, и наука стала называться теперь по-другому: «экономическая, социальная и политическая география». А завтра это будет «общественная география», или «география общества». Так произошла эволюция этой науки. Николай Баранский говорил, что география изучает на территории все — от геологии до идеологии, и сегодня именно так и происходит. Первое учебное пособие по общественной географии для аспирантов и соискателей, которое выходит в юбилейный для университета год, даст самое полное представление об этой науке.

— В последнее время, — констатирует профессор Шарыгин, — стали уделять достаточно большое внимание развитию регионов. Но давайте разберемся, как рассматривают регион экономисты? Как квазипредприятие, или квази-корпорацию. Считается почему-то, что человек, который в современных условиях руководил предприятием, в состоянии возглавить регион.

Однако это совершенно разные вещи! Если в первом случае для руководителя всего важнее прибыль, то при управлении регионом нужно учитывать социальное состояние населения.

А как подходят к региону социологи? Они говорят, что это социум. Но социум без природного окружения, инфраструктуры, без экономической базы тоже немислим!

Юристы рассматривают регион как квази-государство, предлагая свою позицию управления.

И только географы подходят к региону как к территориально-общественной системе — это подход, по мнению профессора, наиболее верный. Одним из важнейших элементов управления является региональная политика, и по этой теме профессором Шарыгиным также написана монография.

Сегодня происходит синтез географии не только с экономическими и общественными дисциплинами, утверждает Михаил Дмитриевич, но и с естественными. Формируется новое восприятие общей географии, в которой происходит слияние законов природы и общества; идет поиск закономерностей природно-общественного развития, ведущих к эволюции биосферы и человека в территориальном аспекте.

Широкая палитра подходов — системно-диалектический, территориальный, воспроизводственный, проблемный, генетический, средовой, исторический, экологический, социологический — позволяет по-новому взглянуть на страну, регион, муниципальные образования.

Еще один, модный в последнее время термин — «пространственное развитие Пермского края». Что за этим кроется, с точки зрения профессора Шарыгина? Пространственное развитие должно осуществляться на основе создания опорного каркаса расселения, который должен развиваться и организовываться совместно с экологическим каркасом территории.

Оригинальность подхода заключается в том, что создается остов жизнедеятельности людей: это города плюс транспортная сеть между ними. Полюса роста — города и коридоры коммуникаций.

Но последние должны развиваться сопряженно с экологическими коридорами. В противном случае экологическая ситуация может значительно ухудшиться, люди просто задохнутся. По мнению ученого, этот каркас должен основываться на трех китах или трех слоях:

— Первый — это регион в пространстве окружения. Нельзя изолированно воспринимать Пермский край. Он входит в европейскую часть страны, а трудно в Европе представить, чтобы не было никаких связей с соседями. У нас, например, с Коми-республикой. Кроме железнодорожного сообщения не было никаких связей с Кировской областью. Лишь недавно появилась автомобильная трасса в Башкирию.

Мы жили всегда очень обособленно: город был закрытым, дороги заканчивались вместе с границами области. Это ощущается и сейчас, но ситуацию необходимо менять. Необходимо создать оси пространственного развития, которые пронизывают нашу территорию и входят в соседние пространства. Иметь коммуникационные коридоры, которые связывали бы нас с соседями.

Второй слой — внутренний каркас, внутренняя устойчивость социально-экономического развития. У нас есть Кама, которая и помогла создать когда-то основной базис и хозяйства, и расселения. Это и транспортный коридор. Кроме того, Кама — это экологический каркас, индикатор благополучия, качества воды. Проблем здесь очень много. По сути, мы еще недооценили богатство нашего каркаса. А вот соседи увидели. Губернатор Эдуард Россель заявил, что Свердловская область имеет очень выгодное экономико-географическое положение, потому что рядом находится Пермский край, Кама. Мы, мол, должны ее использовать для транспортно-экономических связей, пустив по Каме и Волге суда класса «рекаморе», вывозить продукцию, к примеру, в Иран, через порт «Пермь».

Нужно задуматься над этим. Эту ось, к сожалению, мы сегодня используем очень мало, практически совсем не используем. Печально и то, что Пермь отвернулась от Камы, а гордость любого города — набережная — сегодня превращена в свалку.

Вторая ось — горнозаводская, основанная на разработке полезных ископаемых, и проходит она вдоль западного склона Уральских гор. Создание центров роста поможет решить существующие здесь сегодня проблемы. Экологический каркас должен проходить через Вишерский заповедник и Басеги. Более того, Шарыгин считает, что необходимо создать еще серию заказников, через которые также бы проходил коридор для миграции животных и птиц. Базис — это пермская городская агломерация, вокруг которой располагаются полюса роста. Это Оханск, Добрянка, Верещагине, Кунгур. Часть функций пермского городского хозяйства должны быть переданы им.

Третий слой — территориальная организация населения, формирование административных социально-экономических округов, объединяющих близлежащие муниципальные образования. Профессор уверен: их должно быть не более семи.

Следующий этап — создание производств инновационного характера, постепенный переход от постиндустриального развития, создание цепочек «сырье — конечный продукт». Если сегодня Пермский край производит 84 процента продукции в виде полуфабрикатов, которые идут на дальнейшую переработку, то это отнюдь не способствует развитию Пермского края, не способствует улучшению его имиджа в стране и мире.

Таким образом, сегодня кафедра социально-экономической географии, возглавляемая нашим героем, находится на острие решаемых в крае проблем, и не случайно так популярны специальности, которым обучаются здесь студенты. Между прочим, такая популярная сегодня специальность, как «Социально-культурный сервис и туризм», была открыта в 2000 году не без участия, а вернее, благодаря усилиям М. Д. Шарыгина. В 2004 году открыли кафедру туризма, чуть ранее — магистратуру. Время не стоит на месте, требует появления в реестре вуза все новых и новых специальностей.

Например, сегодня есть острая необходимость в менеджерах территории, сити-менеджерах, обладающих особыми знаниями о регионе, и к их подготовке уже приступили в ПГУ.

Говоря о нынешних студентах, ученый вспомнил, какими они были тридцать лет назад: «На наших лицах, казалось, лежала печать задумчивости, озабоченности, вот уж поистине «грызли гранит науки». С каким волнением погружались мы в мир открытий, исследований, какими были счастливыми, когда что-то удавалось! А какие были педагоги!»

Ну и удивило же однажды в недалеком прошлом Михаила Дмитриевича, что один из профессоров... собирал партийные взносы. Казалось бы, этим могли заняться совсем другие люди: пристало ли на это тратить свое время профессору? Дело не в отрешенности от бытия. По-настоящему интеллигентный человек прост в общении. Видя вблизи крупных ученых, он в молодости замечал, что их положение не сообщало чертам их характеров ни высокомерия, ни надменности в поведении; и это так импонировало молодому Шарыгину.

Он, повторим, остался в Перми, которая ему так не понравилась вначале, все-таки благодаря атмосфере, существующей в университете, благодаря людям, которые здесь работали. Понравилось ему и то, как общаются между собой преподаватели и студенты. Запомнилось, как один коллега сказал: «Различия между преподавателем и студентом почти нет. Все мы песчинки в одной горе: какое может быть между ними различие? »

Он ценит творческий настрой ПГУ. Каждый год, что происходит в редком вузе, выпускались научные сборники. Часто проводились конференции, а одной из наиболее запомнившихся стала конференция 1973 года — по географии населения. В Кунгурскую пещеру тогда выехали более четырехсот участников мероприятия, гостей, как говорится, со всех волостей. С шутками шли под каменными сводами пещеры, разглядывая неописуемую красоту, сверкающие сталактиты и сталагмиты, зеркальную гладь подземных озер...

Природа поднимала настроение, пробуждала желание заниматься наукой.

Сегодня эти традиции в университете продолжают: так же проводятся конференции, выпускаются научные сборники. Даже журналы начали выпускать — и сам университет, и кафедры, и факультеты. Эти традиции не прервались даже в самые сложные 90-е годы. Жаль только, что при университете до сих пор не создан институт географии, как это сделано в Санкт-Петербургском университете. А ведь и у нас мог бы появиться институт наук о земле, химический, экономический центры, в которых студенты проводили бы научные исследования, проходили практику. И хорошо бы к столетию ПГУ это создать!

В нашем классическом университете проводятся фундаментальные исследования, сочетающиеся с прикладными изысканиями. Есть научные школы, но они, на взгляд Шарыгина, развиваются недостаточно интенсивно. Наверное, это еще одно следствие того, что город был закрытым. К примеру, лаборатория «Регион», которой он руководил: сколько было выполнено ими исследований по «закрытой» тематике, которые были недоиспользованы Госпланом СССР! Нет, это, конечно не пропало втуне, но и не получило должного развития...

То, что пермская географическая школа известна и общепризнанна в России и за ее пределами, факт неоспоримый. Ярким и значительным событием для географов не только Прикамья, но и Урала, Поволжья, Сибири явилось то, что в 1996 году на кафедре социально-экономической географии открылся диссертационный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по географическим наукам, а его председателем стал профессор Михаил Дмитриевич Шарыгин. В чем же значимость этого факта? Да в том, что по стране таких советов насчитывается единицы: в Москве, Санкт-Петербурге, Иркутске, Воронеже и Перми. Отсутствие диссертационных советов в соседних регионах сделало Пермь реальным научным центром. За период с 1996 по 2005 год здесь было защищено более сорока кандидатских и докторских диссертаций по проблемам экономической, социальной и политической географии.

География соискателей велика: Воронеж, Пенза, Киров, Казань, Ижевск, Астрахань, Уфа, Тюмень, Екатеринбург, Якутск, Омск.

Самой первой в истории совета была защита диссертации Татьяны Балиной на тему «Региональная диагностика социальной ситуации (на материалах Пермской области)». Темы исследования и процедура защиты вызвали большой интерес. В том же году успешно защитили диссертации и другие ученики Михаила Шарыгина: Зинаида Пономарева, ныне доцент Воронежского педагогического университета; Николай Бекетов — доктор экономических наук в Якутском университете. В следующем, 1997-м, году заметным событием в работе совета и научной жизни кафедры стала защита кандидатской диссертации Сергея Меркушева. Она была посвящена качеству жизни населения и до сих пор очень востребована в читальном зале библиотеки ПГУ.

Но особенно урожайным на диссертации стал 2000-й год, когда защитились аспиранты Шарыгина Павел Ширинкин, Михаил Кибардин, Андрей Кудрявцев и другие. Весьма интересной была диссертация Марии Ивановой, которая касалась изучения социально-экологических условий жизнедеятельности населения, причем основной акцент был сделан на анализе взаимосвязей в триаде «общество — экономика — природа».

В 2002 году диссертационный совет претерпел некоторые изменения, состав его обновился. И сегодня совет работает по трем направлениям: «Экономическая, социальная и политическая география», «Физическая география и биогеография, география почв и геохимия ландшафта», «Метеорология, климатология и агрометеорология». Открытие новых направлений потребовало консолидации учёных географического факультета ПГУ и географов, экономистов, геологов всего Прикамья и соседних регионов. В новом составе работают учёные разных направлений: экономисты (профессор Рем Коренченко), почвоведы (профессор Ольга Еремченко), математики (профессор Константин Шварц), гидрологи (профессора Аркадий Комлев, Тамара Девяткова) и многие другие.

Возглавляя диссертационный совет в течение десяти лет, профессор Шарыгин помнит практически каждую защиту. К примеру, интереснейшую работу своей аспирантки Ларисы Чупиной, посвященную изучению социопатической ситуации в Пермской области, поведению людей в период глубокого экономического и социального кризиса. Работу последователя Л. Гумилева Павла Ширинкина, который предложил вниманию слушателей синтетическую концепцию теорий биосферы и этногенеза, являющуюся основой для изучения этнического поля России. Впрочем, перечислить все интересные работы непросто — за все эти годы в диссертационном совете было защищено более сорока кандидатских и докторских диссертаций по проблемам экономической, социальной и политической географии. И всегда защиты проходили в творческой и доброжелательной атмосфере, а возникающие дебаты, дискуссии порой открывали новые направления научного поиска. В чем немаловажную роль сыграл председатель совета: позитивный настрой, тонкий юмор, его мнение — все это является решающим и примиряющим в любых спорных ситуациях.

А сколько еще впереди! Сегодня ученый приступает к разработке новой учебной дисциплины, учебного курса «Территориальное управление и планирование». Это, по его словам, пробел, который необходимо заполнить, хотя это и будет непросто, потому что впервые. Еще нужно издать несколько книг по региональной политике, в частности монографий. Одним словом, планов громадье...

Те студенты, что работают, зарабатывают деньги на учебу, вызывают его уважение.

— Мы ведь тоже все работали в их годы, — вспоминает ученый. — У нас была бригада грузчиков, ночью мы разгружали вагоны. Нынешняя молодежь больше головой работает, а мы работали руками. А в целом мне современные студенты нравятся. Радует, что у них есть иные возможности. Ведь если чуть-чуть «пошевелиться», то можно не только на хлеб заработать...

Вписался ли сам профессор Шарыгин в «новые времена»? В «коммерциализацию» — нет, — говорит он. Пригласили его как-то сотрудничать с литовско-польской компанией «Литпол», но учредители вдруг оказались далеко... Было намерение создать свою фирму по изданию географических атласов и карт, но тоже не получилось — возникли проблемы с кредитами.

— Будь я помоложе, — признается ученый, — обязательно бы «раскрутил» это дело, но... Эра наступившего капитализма с его волчьим оскалом перемалывает человеческий материал в муку, выживают сильнейшие, конкурентоспособные. Все же тогда, в советское время, позитивного было больше, больше человеческого тепла, была социальная защищенность...

Что ценит профессор Шарыгин? Любит иногда «зарыться» в классическую литературу, перечитывает Бунина, Зощенко. А еще, как и прежде, читает детективы, ту же Маринину, Устинову — так он отдыхает. Очень любит копаться в земле, а еще страстно любит «тихую», грибную, охоту. По-прежнему, как и в детстве, любит удить рыбу, причем сам ее очень профессионально коптит. Еще ему прекрасно удается шашлык, который он готовит для друзей на даче под душевные разговоры. Эти редкие минуты отдыха — радость.

Но настоящий праздник для профессора Шарыгина — это когда выходит его очередная книга. Ее — новенькую, еще пахнущую типографской краской — ученый с нежностью берет в руки, задумчиво перелистывает страницу за страницей. И словно снимается усталость предшествующего труда, бессонные ночи, хлопоты с изданием...

А немного спустя — новые планы, нужно смотреть вперед, готовить к изданию очередной сборник. И снова требовательно зовет к работе его норвежский лесной кот Тихон! Ранним утром он поднимает хозяина громким мяуканьем, идет, оглядываясь, к кабинету: смотрит, следуют ли за ним. Когда Тишка добивается своего, он усаживается к хозяину на колени или прямо на стол, сворачивается клубком и дремлет под мягкий стук клавиш.

Такой вот «ученый кот»... Говорят же, что домашние животные напоминают характером своих хозяев.

На прогулку профессора выводит Дон Жуан, по-домашнему Жулька, весьма сентиментальный керри-блютерьер. «Когда возвращаюсь после долгого отсутствия, он чуть не теряет от радости сознание, так что валерьянкой приходится отпаивать», — улыбаясь, говорит профессор. Кот и пес живут очень дружно, не разлей вода, не выносят разлуки. Наблюдая за ними, профессор Шарыгин отдыхает душой, вспоминает детство, откуда все мы родом...

Безусловно, правы друзья и коллеги профессора Михаила Шарыгина, говоря о нем, что он удивительный рассказчик, душа компании, заряжает своей энергией и жизнелюбием.

Общаясь с этим удивительно обаятельным, остроумным, с теплыми искрящимися глазами, человеком, очень молодым душой, так легко представить его стремительным юношей и поверить в сказочного коня, что не только в снах дает ему могучую силу, имя которой — благодарная память человеческая...

Целеустремленный, настойчивый и в то же время, по отзывам коллег, наделенный природной скромностью, он стал одним из ведущих ученых-географов России, работающих на стыке наук и открывающих новые направления.

Давно признан и международный авторитет профессора Михаила Шарыгина. Американский биографический институт внес его имя в книгу «1000 выдающихся людей XX века». Это один из самых ярких представителей плеяды современных ученых Пермского университета.

Им мы и посвятили эту книгу.

Послесловие

Дорогие друзья!

Вы прочли очерки об учёных Пермского государственного университета, посвятивших ему свою жизнь, личностях ярких и известных далеко за пределами нашего Пермского края. Но, эта книга не увидела бы свет без выпускников университета, людей не менее ярких и известных как в Пермском крае, так и за его пределами.

Выпускников университета за 90 лет его существования тысячи. Они живут и работают по всему миру. Они помнят родной вуз, бывают здесь. И нам, тем, кто работает в университете это приятно. Особенно приятно встречаться с бывшими питомцами и радоваться их успехам.

Есть выпускники, которые не просто навещают университет, окунаясь в щемящую атмосферу юности, прошедших студенческих лет. Они приходят в свой родной дом. В дом, который требует их взрослой заботы и внимания. Он не просит, но нуждается в этом, как нуждаются во внимании взрослых детей родители. И эти выпускники университета заботятся о своем родном доме. Результатами этой заботы стали Совет попечителей университета, Фонд попечителей, стипендии попечителей студентам, жилые дома для преподавателей, учебно-лабораторный корпус... В частности, и эта книга о профессорах университета, учителях, изданная с помощью учеников.

Спасибо Андрею Равелевичу КУЗЯЕВУ, Михаилу Степановичу МУСИХИНУ, ПЕРМСКОЙ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ГРУППЕ за постоянную заботу об Alma mater, за помощь в делах университета. Спасибо за эту книгу!

РЕКТОРАТ
Пермского
государственного
университета

ОТ МИРА СЕГО

ПОРТРЕТЫ УЧЁНЫХ НА ФОНЕ ВРЕМЕНИ

Редактор Л. П Сидорова

Компьютерная верстка Е. И. Филенко

Подписано в печать 21.08.06.

Формат 60х90*/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20.

Тираж 1000 экз. Заказ № 2247.

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

VIVANT PROFESSORES!

**ПЕРМЬ
2006**